

**РОССИЯ 2018 ГОДА.
ЧЕТВЕРТЬ ВЕКА
ТРАНСФОРМАЦИИ:
УДАЧНЫЕ ЭКСПЕРИМЕНТЫ
И УПУЩЕННЫЕ
ВОЗМОЖНОСТИ**

Школа
гражданского просвещения
2019

ББК 66.3(2 Рос.) 12
Р 93

Дизайн обложки *Анны Хохловой*

Книга издана при поддержке НО «Благотворительный фонд культурных инициатив (Фонд Михаила Прохорова)» и частных пожертвований.

Организаторы конференции — филиал зарегистрированного союза «Фонд имени Фридриха Эберта» (Германия) в Российской Федерации и профессор НИУ ВШЭ Владимир Рыжков.

Р 93 **Россия 2018 года. Четверть века трансформации: удачные эксперименты и упущенные возможности.** По материалам XXV Алтайской международной научно-практической конференции / под общ. ред. профессора НИУ ВШЭ, канд. ист. наук В.А. Рыжкова. М.: Школа гражданского просвещения, 2019. — 156 с.

Издание содержит основные материалы юбилейной XXV международной научно-практической конференции в области политических наук, состоявшейся 26-27 мая 2018 года в Барнауле (Алтайский край).

На конференции рассматривались основные итоги российской трансформации в минувшие 25 лет новейшей истории страны, в том числе вопросы состояния и перспектив европейской, российской и региональной экономик в условиях кризиса; проблемы развития политической системы и гражданского общества; показана динамическая картина социальной сферы и роли человеческого капитала; внешней политики России в условиях экономических санкций и конфронтации с Западом.

Издание предназначено для политологов, историков, социологов, экономистов, международных, исследователей проблематики гражданского общества в России, а также тех, кто интересуется общественно-политической ситуацией в стране.

ББК 66.3(2 Рос.) 12

ISBN 978-5-93895-123-5

© Коллектив авторов, 2019
© Школа гражданского просвещения, 2019

Содержание

Предисловие

Пеер Тешендорф. 25-летие Алтайской конференции —
традиция, обращенная в будущее 5

Введение

Владимир Рыжков. Осмысление предварительных итогов
русской трансформации 9

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Россия начала XXI века:

основные линии политических трансформаций

Владимир Рыжков. Россия: перспективы комплексной
модернизации 13

Николай Петров. Постсоветские элиты, постсоветские
институты и проблемы национального развития 33

Кирилл Rogov. Политэкономика постсоветского авторитаризма 44

Андрей Захаров. Россия: нереализованная федерация 55

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Противоречия российских экономических трансформаций 68

Олег Буклемишев. Промежуточные итоги и перспективы
русских экономических реформ 68

Евгений Гавриленков. Экономические итоги 25 лет:
что мешает модернизации и экономическому росту России? 75

Евгений Гонтмахер. Трудная судьба российского
социального государства 84

Владимир Милов. Структура российской экономики
и экономическая политика: реальность и перспективы 94

Нильс Шмид. Возможности и проблемы экономической
и социально-политической адаптации в условиях

объединения Германии, европейской интеграции и глобального экономического и финансового кризиса	101
--	-----

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Гражданское общество или общество подданных?

<i>Эмиль Паин</i> . Россия: от империи — к нации	110
<i>Алексей Левинсон</i> . Трансформации российской социальности в 1991–2018 годах. Из наблюдений результатов социисследований . .	120
<i>Андрей Медушевский</i> . Государство и гражданское общество: взаимодействие и подавление	129
<i>Арне Литц</i> . Гражданское общество и память. Взгляд на германо-российские отношения из восточногерманской перспективы	150

Предисловие

25-летие Алтайской конференции — традиция, обращенная в будущее

Пеер Тешендорф

*Руководитель филиала фонда имени
Фридриха Эберта в Российской Федерации*

Спустя всего несколько лет после неожиданной кончины СССР возникла важная традиция ежегодных конференций, посвященных анализу сложных тенденций развития России. Уже 25 лет подряд по приглашению Владимира Рыжкова на Алтае встречаются ученые, политики, журналисты и просто активные граждане, чтобы обсудить и оценить ситуацию в сфере политики, экономики и общественной жизни страны.

Традиции, которые в наше беспокойное время глобальных кризисов и неопределенности важны как никогда, выполняют две функции. С одной стороны, они отражают укоренившиеся ценности и нормы духовной и материальной культуры общества и служат людям опорой в непрерывно меняющемся мире. С другой стороны, традиции успешного опыта социальных действий помогают нам ориентироваться в перипетиях современности и приспосабливаться к новым вызовам. Важны обе функции: с их помощью общество сохраняет стабильность и в то же время способно гибко реагировать на вызовы.

Во многих современных обществах повышенное внимание к традиции обусловлено, вероятно, все более сложной и конфликтной обстановкой в мире. Традиционные ценности, обычаи, древние истоки национальной культуры выдвигаются на первый план, им уделяют особое внимание. В политических дискуссиях преобладает поиск ясных ориентиров, простых объяснений, четких разделительных линий. В России эта тенденция проявляется в частых ссылках на советское прошлое, которое, наверное, все же не было столь сложным и многослойным, как теперешняя реальность. Порой поиск ясных ориентиров доходит до того, что

все сомнения и попытки критического анализа воспринимаются как нечто неприятное, даже опасное и подрывающее стабильность.

Тем не менее, хотя потребность в ясных и простых решениях в прошлой жизни вполне объяснима, необходимо искать возможности для продвижения вперед. Надо постоянно размышлять о том, что стоит сохранять и оберегать, а где необходимы перемены.

Тем важнее сохранение традиционных дискуссионных форм, в рамках которых ведется огромная работа по осмыслению проблем прошлого и настоящего, позволяющая делать выводы на будущее. Алтайская конференция — это именно такой форум, для которого характерна иногда трудная, иногда неприятная, но всегда полезная работа критической мысли, без которой развитие общества вряд ли возможно. Материалы, собранные в этой книге, отражают состояние и тенденции развития страны, освещают актуальные проблемы миропорядка, создают прагматический, интеллектуальный потенциал, в интересах прогресса России.

Полезный эффект этой традиции состоит также в ее непрерывности, позволяющей проследить динамику процессов. Обзор прошедших 25 лет раскрывает историю дебатов о будущем России, которые чрезвычайно интересны как для нее самой, так и для нас — сторонних наблюдателей. Нам, гостям России, интересен не только взгляд изнутри на развитие страны, но и прежде всего продолжающиеся уже несколько веков споры о ее взаимоотношениях с Западом.

Обзор выступлений по вопросам внешней политики на Алтайских конференциях позволяет проследить траекторию позиционирования России на мировой арене. Выступая на конференции в 2002 году, Вячеслав Никонов ясно обозначил направление российской политики. Тогда еще относительно новый президент Путин был, по словам Никонова, более прозападным руководителем России, чем все предыдущие. Успешное экономическое развитие страны было возможно только вместе с Западом, оно напрямую зависело от западных инвестиций и технологий. Дальнейшая демократизация России представлялась целесообразной и реальной.

Шесть лет спустя мой предшественник Райнхард Крумм в своем предисловии уже писал о вечном поиске Россией своего места между Востоком и Западом. На первый план снова со всей остротой выдвинулся старый вопрос о том, насколько «западной» может вообще стать Россия. Демократия постепенно превратилась в «суверенную демократию», главным лозунгом стала «стабильность», обозначилось растущее политическое отстранение от Запада.

С тех пор прошло еще десять лет, и ответ на вечный вопрос теперь вроде бы найден: это противостояние с Западом, который в результате своих санкций и встречных мер стал «другим миром», от которого якобы необходимо отмежеваться. Все чаще проводятся — то с гордостью, то с недовольством — аналогии с СССР. Снова звучат понятия, характерные для советского времени, такие как «застой», что свидетельствует о растущих сомнениях в верности избранного пути.

Нам в западной части Европы чрезвычайно интересно наблюдать за изменением российских позиций; эти перемены заставляют нас задуматься, почему углубляется отчуждение между Россией и политическим Западом, почему из партнеров, с которыми в России прежде связывали немалые надежды, мы превратились в «другой мир», от которого следует отмежеваться.

Но и для России небывалую остроту приобретает вопрос, куда она идет, чего она хочет, каковы ее цели? В предисловии к предыдущему юбилейному сборнику говорилось о маленьких шагах, которыми надо идти по пути к лучшему будущему. Сейчас по-прежнему хочется надеяться на то, что, продвигаясь маленькими шагами вперед, мы придем к позитивным переменам как на национальном, так и на международном уровне.

Проблема стратегии маленьких шагов состоит, правда, в том, что их направление зачастую выясняется слишком поздно. Поэтому очень важно время от времени останавливаться, проверять направление движения и при необходимости корректировать его. Отказавшись от такого критического анализа, можно не заметить, что никакого движения вперед нет, что мы просто топчемся на месте.

Алтайская конференция уже 25 лет является той точкой, где сверяются траектории движения, где участники спорят о будущем и обсуждают пути развития страны. Конференция вносит неоценимый вклад в расстановку ориентиров, предлагая обществу выбрать пути развития. Без таких традиций, как Алтайская конференция, общество утратило бы гибкость в поиске своих перспектив. Поэтому этот сборник можно порекомендовать всем, кто интересуется не только прошлым, но и будущим России.

Введение

Осмысление предварительных итогов российской трансформации

Владимир Рыжков

Ответственный редактор,

канд. ист. наук, профессор НИУ «Высшая школа экономики»

Начиная с далекого уже лета 1994 года, на Алтае ежегодно проходит международный алтайский политологический научно-практический форум, организуемый как неправительственная инициатива совместно алтайскими общественниками и немецким фондом имени Фридриха Эберта. Четверть века тому назад традиция алтайских летних конференций началась с первого регионального семинара Московской школы политических исследований (МШПИ) по инициативе автора этих строк и Елены Немировской и Юрия Сенокосова. От фонда Эберта идею горячо поддержал тогдашний директор московского офиса фонда доктор Петер Шульце. За четверть века алтайский форум стал одной из самых важных и известных в стране дискуссионных площадок, на которой открыто и регулярно обсуждаются ключевые вопросы политического, экономического и социального развития России, притом в широком общеевропейском контексте. Настоящая книга подготовлена на основе докладов и обсуждений *юбилейного 25-го форума*, который прошел в Барнауле 26–28 мая 2018 года.

Юбилейный характер конференции определил ее тематику. Организаторы поставили перед собой задачу подвести основные итоги четвертьвековой трансформации России (1994–2018 гг.) в трех областях — политическая система, экономическая модель, развитие гражданского общества. Для участия в дискуссии по традиции были приглашены ведущие российские и немецкие специалисты в данных сферах. Такие как Владимир Рыжков, Николай Петров, Кирилл Рогов, Андрей Захаров, Олег Буклемишев, Евгений Гавриленков, Евгений Гонтмахер, Владимир Милов, Эмиль Паин, Алексей Левинсон, Андрей Медушевский, Андре Литц,

Нильс Шмид и другие. Их доклады, переработанные в главы с учетом состоявшегося живого обсуждения с сибиряками в Барнауле, собраны в настоящей книге.

В центре дискуссии находились такие ключевые проблемы постсоветского развития России, как причины авторитарного отката, кризиса конституционализма, определение природы сложившегося политического режима, его политэкономические особенности, характеристика современных политических элит, роль и место репрессий в политике властей, влияние сырьевой структуры экономики на политическую систему, состояние и перспективы российского федерализма, объяснение неудач общественно-политической модернизации, перспективы экономических реформ, соотношение стратегических и технократических подходов, понимание социального государства и перспективы социальной политики, деформации структуры экономики, перспективы становления гражданской нации и народного суверенитета, судьба и роль сохраняющихся имперских институтов и практик, работа с исторической памятью о тоталитарном прошлом, проблемы становления гражданского общества и др. Такой комплексный подход, синтезирующий современные достижения различных общественных наук (истории, социологии, политологии, экономики), дал весьма обнадеживающие и интересные результаты. Осмысление итогов трансформации России приняло на юбилейном алтайском форуме глубокий, объемный, многоаспектный характер, улучшая для каждого из нас возможности понимания и толкования изменчивой и инерционной одновременно социальной реальности.

Особое внимание на форуме было уделено перспективам и условиям для положительных изменений, таким как политические и экономические реформы, укрепление начал гражданственности и общественной солидарности, переход к более рациональной и конструктивной внешней политике. При всем общем пессимизме и констатации того факта, что правящие Россией элиты не заинтересованы сегодня в изменении весьма выгодного для них (но не для общества) статус-кво, участники дискуссии сошлись на том, что не существует никакой предопределенности (исторической, культурной, экономической, общественной) отказа России от модерниза-

ции, от серьезных политических, экономических и социальных реформ. Решающим фактором перемен будет, конечно же, российское гражданское общество, скорее всего выступающее в союзе с реформаторской частью правящего класса. Опыт ряда постсоветских государств также свидетельствует о том, что практически в любом постсоветском социуме могут сложиться условия для реальных реформ, появления общественных акторов, способных осуществить перемены. Изменение прежнего общественного запроса на стабильность в пользу модернизации, наметившееся буквально в самое последнее время, свидетельствует о такой принципиальной возможности.

Сложившиеся и углубляющиеся дисфункции и кризисные проявления в политической системе, экономической модели, социальной сфере, развитии российского человеческого капитала, внешней политике, растущее отставание страны от ведущих держав, как и возрастающий запрос общества на позитивные изменения уже в скором времени потребуют практических проектов и предложений необходимых России реформ. Часть таких возможных и необходимых изменений и реформ предлагалась в ходе обсуждения на Алтайском форуме. Россия сохраняет высокий потенциал успешного развития, когда для этого откроются новые возможности. Участники алтайских форумов традиционно стремятся внести свой интеллектуальный вклад в разработку программ реформирования страны.

Большой вклад в дискуссии, как и всегда, внесли своей активностью и проницательными выступлениями сибирские участники обсуждения — с Алтая, из Новосибирска, Кузбасса и Томска. К анализу московских специалистов они добавили свой жизненный и гражданский опыт и знания, гражданскую позицию, региональный и общенациональный патриотизм. Сибирь — важнейший для России макрорегион, а сибиряки в высокой степени заинтересованы не только в успешном развитии зауральской России, но и в общем успехе всей страны.

К 2018 году, после бурных и противоречивых трансформаций трех минувших десятилетий, Россия оказалась в ситуации политического, гражданского, экономического, социального и внешнепо-

литического застоя. Модернизация и развитие если и продолжают-ся, то на низовых уровнях семей, малых и средних предприятий, местных сообществ, структур гражданского общества, но никак не на макроуровне. Страна затормозила и встала, не зная и не желая пути вперед. Отброшены коммунистический и либерально-демократический проекты, но никакого нового правящие группы предложить оказались не в состоянии. Умы элит и общества обращены в прошлое или застыли в настоящем, которое полностью закрыло горизонты будущего. Господствуют старые советские стереотипы, несовместимые с задачами инновационного развития. Насажда-ется самоизоляция от передового мира, ведущая к выдавливанию страны из технической инновационной среды и передового гума-нитарного знания. Авторитарный конструкт, возведенный на ста-рых советских фобиях, историческом мифотворчестве, иерархиче-ской эстетике и навязываемой религиозной патриархальности, помогает элитам удерживать контроль над обществом, блокируя социальные инновации, выталкивая из страны активных граждан, отдаляя перспективы модернизации.

Конечно, такая остановка в развитии — экономическом, соци-альном и интеллектуальном — не может продолжаться долго. Быстро меняющийся мир непременно увлечет за собой Россию, хочет она того или нет. Алтайский форум продолжит свою работу по разработке в России интеллектуальных контекстов, чтобы встретить эти изменения с открытыми глазами, в духе критическо-го рационального мышления и ответственной гражданской при-верженности общественному благу.

В заключение хочу выразить огромную благодарность людям, подготовившим и организовавшим юбилейную конференцию на Алтае. Это руководство и сотрудники московского филиала фонда имени Ф. Эберта Мирко Хемпель, Йенс Хильдебрандт, Ольга Гла-душевская, наша большая алтайская команда, а также моя помощ-ница и старший референт движения «Выбор России» Анастасия Гусева.

Москва, март 2019 года

Часть первая

Россия начала XXI века: основные линии политических трансформаций

Россия: перспективы комплексной модернизации

Владимир Рыжков

Канд. ист. наук, профессор НИУ «Высшая школа экономики»,
председатель ООД «Выбор России»

Россия — страна незавершенной модернизации. Она вступила в европейское Новое время (время модерна) в пору радикальных реформ Петра Первого в самом начале XVIII века, войдя тем самым в число ведущих *европейских* держав. С тех пор модернизация России продолжается вот уже более трехсот лет и по сей день (структурно — не стадийно) не завершена: страна не является в полном смысле этого слова *современной* (Иноземцев, 2018, Несовременная страна). Модернизация России всегда шла неравномерно, рывками, то радикально ускоряясь, то поворачивая вспять или замораживаясь. Две главные особенности российской модернизации, сравнительно с другими ведущими европейскими странами: а) как правило, отдельные ее фазы инициировались *сверху*, государством, а не обществом, и зачастую она проводилась властями насильственными методами, при этом общество выступало как объект, а не субъект социальных перемен; б) почти всегда она была *фрагментарной* (Э. Паин, 2008, Особенности российской модернизации), не комплексной, затрагивая лишь отдельные важные сферы развития, при отсутствии или прямом подавлении других ее принципиальных составляющих.

Несмотря на все это, во многих важных отношениях к началу XXI столетия российская модернизация преуспела. Россия является *современной страной* по следующим определяющим критериям: а) индустриализация; б) урбанизация; в) всеобщая грамотность; г) универсализация общества, разрушение традиционных (патриархальных) укладов и иерархий; д) наличие высокой куль-

туры и науки; е) светский характер государства, секуляризация общества и общественной жизни; ж) «регулярное» бюрократическое государство; з) современная семья; и) универсальное гражданство, равенство мужчин и женщин, всеобщее избирательное право; к) слабая, но привычка к универсальному правовому регулированию общественной жизни; л) открытость государства и общества к технологическим, культурным и социальным инновациям; м) частнособственническая рыночная экономика. С экономической точки зрения с ее 2% мирового ВВП Россия является среднеразвитой страной. С военной точки зрения остается одной из двух глобальных ядерных сверхдержав (хотя в последние годы к США и России быстро приближается в этом отношении Китай).

В то же время в отношении двух решающих критериев Россия остается немодернизированной и *несовременной* страной. Во-первых, в ней не утвердился порядок *правового государства*. Право формально существует и довольно развито *технически* (огромное количество законов и нормативных актов во всех сферах), но при этом не является универсальным и признанным властями и обществом *основным регулятором* общественных (включая экономические) отношений. А российское законодательство, формально соответствующее по процедуре принятия и техническому содержанию (внешним формам) признакам права, в огромном количестве случаев *правом по существу не является*. Законодательство сплошь и рядом попирает фундаментальные принципы права, относящиеся к правам собственности, гражданским и политическим правам человека, свободе совести и мнений и так далее. Во-вторых, при наличии современной и качественной Конституции (1993 года) в России не укоренился режим реального *конституционализма*, предполагающий практики ограничения власти правом и обществом, демократию и периодическую сменяемость власти в результате свободных конкурентных выборов, разделение властей по горизонтали (законодательная, судебная и исполнительная) и вертикали (федерализм и местное самоуправление), политическое представительство народа-суверена (институты парламентаризма и многопартийности), независимую юстицию (независимые суды как гарант верховенства права, прав и свобод

человека). Важно также добавить, что в результате наличия этих двух обстоятельств в России не сложилась по настоящее время *гражданская нация* и современное *национальное государство*, то есть государство модерна (Россия остается имперским образованием, удерживаемым в значительной степени силой, с подданнической политической культурой основной массы населения).

Именно отсутствие правового порядка и конституционализма делает Россию несовременной и неконкурентоспособной страной. Дело не в том, что Россия не соответствует предзаданной кем-то (т. е., как принято считать, западной) *норме*. Не в том, что существенно отличается в названных выше отношениях от передовых западных социальных систем, то есть не *вестернизирована*. Дело совсем не в вестернизации, которая, разумеется, не может быть предписана ни одному обществу. Выбор модели государства и модели развития — суверенное право каждого общества. Дело именно в незавершенности российской модернизации, которая вовсе не сводится к вестернизации и далеко не заключается в ней.

Объективная потребность в комплексной модернизации России заключается не в предписанной кем-то или чем-то вестернизации (следовании западным рецептам), а совершенно в другом. Современный мир (мир-система, по И. Валлерстайну) является *глобальным рыночным (капиталистическим) хозяйством*, имплицитно предъявляющим *всем государствам* (как основным системообразующим экономическим и социальным структурам современного мира) в целом *единые требования*. Эти требования не являются чьим бы то ни было *конструктом*, а сложились в человеческих сообществах *исторически и спонтанно* за последние полтысячелетия (с XVI–XVII вв.), став результатом свободного, случайного, никем не направляемого, но основанного на внутренней логике исторического процесса. А именно на таких принципах, как свобода, частная собственность как основа рыночного хозяйства, защита конкуренции и авторских прав, независимая юстиция, соблюдение международных договоров и соглашений, исключительно правовое регулирование социальных и рыночных отношений, единые требования к торговле, финансам и инвестициям, открытость экономики, игра по общепринятым правилам,

уважение личных прав и свобод граждан (то, что обычно называется довольно размытым термином «цивилизованность»). Государства, в целом отвечающие этим рамочным требованиям, могут рассчитывать на свое законное и выгодное место в мировом хозяйстве (мир-системе), на инвестиции и новые технологии, на признание своих притязаний в глобальной экономике и миропорядке. Страны, не принимающие *анонимные* требования капиталистической миропорядка, отвергающие ее основные правила, пытающиеся идти своим, особым, путем, изолирующие себя от капиталистической миросистемы, в результате этого проигрывают, отстают, маргинализируются, беднеют. Можно не соглашаться с универсалистской моделью, подвергать ее критике (пусть часто и справедливой), но можно ли ее изменить силами одной, даже большой и сильной страны? Может ли Россия с ее незначительной долей в мировой экономике и весьма скудным списком стран — сторонниц позиции отрицания (Венесуэла, Куба, Белоруссия, Никарагуа и еще несколько подобных государств-аутсайдеров) переписать правила игры в мировом хозяйстве? Отрицательный ответ на этот вопрос очевиден.

Китай — наиболее яркий пример осознанной и успешной при этом игры по правилам капиталистической мир-системы (прежде всего это заслуга великого китайского лидера и реформатора — Дэн Сяопина). Страна руководится Компартией (КПК), но при этом глубоко интегрирована в мировое капиталистическое хозяйство. В Китае много лучше, чем в России, защищены права собственности и иностранные инвестиции. Китайская юстиция имеет заметно более высокие международные рейтинги, чем российская. Китайское правительство проводит активную политику защиты конкуренции. Китайская экономика глубоко включена в мировую торговлю и глобальные производственные цепочки (страна — номер один мировой экспортер). Китайская элита отвергает идеи самоизоляции и отстаивает либеральные принципы в мировой торговле (см.: Лидер КПК Си Цзиньпин и его противостояние протекционизму президента США Д. Трампа). Конечно, китайская модернизация, как и российская, далеко не завершена. Прежде всего в части утверждения принципов конституционализма. Но в

части верховенства права, правового государства, защиты прав частной собственности и инвестиций, открытости глобальному миру, открытости иностранным инвестициям, стремления перенять лучшие мировые практики технологий и бизнеса Китай заметно превосходит Россию, что и является *решающим фактором* его впечатляющего развития и выхода в число мировых лидеров во многих областях. Китайская стратегия принципиально отличается от российской, притом в лучшую сторону. Китай не отвергает существующие правила игры в мире — он их принимает с открытыми глазами и максимально использует при этом в свою пользу и в своих интересах.

Российская правящая элита часто приводит Китай в пример и даже пытается ему подражать (в частности, например, в жестком подавлении оппозиции или в контроле Интернета). В Китае российские власти видят модель успешной *авторитарной модернизации*. Но российская политическая элита не видит и не понимает при этом главного — Китай не противостоит капиталистической миросистеме и не стремится ее подорвать (как хотела бы сделать Россия). *Китай стремится занять в этой миросистеме равное, если не главенствующее положение, играя по общим правилам и используя ее богатые возможности*. Российское же руководство, заявляя о своем особом пути, отвергая реалии современного мира, открыто манифестируя цели подрыва и передела глобальных правил игры, препятствуя установлению внутри страны правового и конституционного порядка, тем самым маргинализирует страну, лишает ее перспективы развития, отбрасывает ее на обочину дороги мирового развития и мировой конкуренции. И идет тем самым путем насаждения авторитаризма без модернизации.

При этом история российской модернизации за минувшие триста лет дает нам серьезные поводы для оптимизма. Далеко не всегда это была исключительно история насилия сверху, страдания нижних слоев населения и неизбежных провалов. Дважды российская модернизация выходила за рамки фрагментарной насильственной модернизации, модернизации исключительно силами и по инициативе государства. Дважды она приобретала подлинно *комплексный характер* и продвигалась при активном участии

общества. Дважды Россия вплотную приближалась к современному социальному устройству, включающему в себя как правовое государство, так и подлинный конституционализм. И оба раза развитие по пути комплексной модернизации обеспечивало впечатляющие результаты — экономический рост, структурную перестройку экономики и общества, политических и социальных институтов, рост экспорта, развитие современных технологий и приток иностранных инвестиций, многочисленные политические и социальные инновации, подъем культуры, искусства и науки, широкое признание России в мире и рост ее международного влияния.

Первая комплексная модернизация России — Великие реформы Александра Второго и пореформенный период (1861–1917). *Вторая комплексная модернизация* — перестройка Михаила Горбачева и радикальные реформы Бориса Ельцина (1985–1999; в этом случае быстрый экономический рост начался в 1999 году и продолжался до 2009-го). В обоих случаях Россия открывалась миру, развивала капиталистическое рыночное хозяйство, привлекала иностранные инвестиции, технологии, перенимала и осваивала передовые социальные практики. Стремилась создать независимую юстицию и современное право, полномочное политическое представительство народа, реальное местное самоуправление. Значительно улучшала свою международную репутацию и общую привлекательность в мире.

Оба раза за периодами успешной комплексной модернизации (56 лет реформ в императорской России и примерно 20 лет в постсоветской России) следовал глубокий *модернизационный срыв*, означавший не только отказ от комплексной модернизации, но и разрушение уже достигнутого уровня развития. Самый катастрофический срыв произошел в 1917 году, когда пришедшая к власти радикальная левая партия большевиков В. Ульянова-Ленина полностью разрушила существовавший режим правового государства, частнособственнической рыночной экономики и установила жестокую однопартийную диктатуру, отменившую любые права и свободы граждан и передавшую все экономику страны в руки государства. Это был катастрофический отказ (и откат) от всех

принципов социально-политической модернизации — прежде всего от правового государства и конституционализма. Второй срыв мы переживаем в наши дни, когда правящая элита России во главе с В. Путиным начиная с 2000 года постепенно подменила верховенство права «диктатурой (неправового) закона» и отменила конституционные ограничения власти (при номинальном сохранении самой Конституции), защиту прав и свобод граждан, свободную рыночную экономику, заменив их режимом произвольного (неправового) единовластия и политикой нового огосударствления и монополизации экономики.

Нынешний модернизационный срыв не является, к счастью, столь же глубоким и катастрофическим, как срыв столетней давности (однопартийная диктатура ВКП(б)–КПСС). Демонтаж правового государства и конституционализма проходит намного мягче и не достигает той трагической глубины, что при большевиках. Формально сохраняются все институты либеральной конституционной демократии и рыночной экономики, как и характерные для либеральной демократии институты независимой юстиции (пусть и фактически отсутствующей). На *низовом уровне* (в городских сообществах, семьях, гражданском обществе, на технологически-бытовом и потребительском уровнях) социальная модернизация продолжается, и российское общество становится все более автономным от государства и современным. Можно даже осторожно предположить, что нынешний модернизационный срыв по существу не является таковым.

Не исключено, что на самом деле речь идет лишь о *временном и частичном откате* от задач комплексной модернизации России, необходимой для достижения ее конкурентоспособности в современном мире. И что со сменой правящих групп и сменой поколений в обществе страна вернется на путь укрепления основ правового государства и конституционализма, начнет проводить выгодную для нее рациональную внешнюю, внутреннюю и экономическую политику.

Оба раза модернизационные срывы России происходили не по причине якобы *предрешенности* (культурной, исторической или цивилизационной) таких срывов, не по причине невозможности

для России выбраться из предписанной ей чем-то (чем?) *исторической колеи*. Оба раза срывы случались в силу *конкретного стечения обстоятельств*, которые могли бы сложиться и иначе, не дав тем самым России сорваться в антимодернизационную яму. В 1917 году основной причиной обвала государства и общества стали тяжелые неудачи страны в разорительной и долгой мировой войне, с чем не смогли справиться правящие группы и элиты, полностью утратившие инициативу и контроль за ситуацией внутри империи. В нулевые годы основной причиной срыва стал глубокий трансформационный спад 1990-х годов. Реформаторы того времени не сумели смягчить тяжелые следствия этого спада для населения, что привело к глубокому разочарованию общества в самих идеях либерально-конституционных и рыночных реформ. Потрясения и потери 1990-х подорвали общественную поддержку программы комплексной модернизации России.

Кроме того, тогда были и другие *отягчающие конкретно-исторические обстоятельства*, также поспособствовавшие модернизационному срыву (или частичному откату?) последнего времени. Такие как исключительно тяжелое социально-культурное наследие советской власти, опиравшейся на открытое насилие, террор, произвол в отношении граждан. Понятия права отсутствовали и в теории, и в практике советского строя, что породило такие отрицательные общественные явления, как *правовой нигилизм* (принципиальное неверие в универсальную действенность права) и *правовой позитивизм* (представление о праве как о наборе произвольных повелений и предписаний начальства, а не как о системе, имеющей неизменную, естественную природу, стоящей вне и выше любой власти и выше самого государства, даже демократического). Это сделало в наше время возможным как политически мотивированное правосудие, так и принятие законодательства, прямо попирающего основные принципы Конституции 1993 года. Другим тяжелым наследием советского периода является атомизированное, пассивное, аполитичное и асоциальное состояние общества (сформировался особый примечательный феномен *постсоветского общества* (Клямкин И. 2018. Какая дорога ведет к праву?). Такое общество предпочитает участию в общественных

делах бегство от них в частную сферу, пассивность, выживание и приспособление к любой политике властей, даже если она является антиобщественной и антисоциальной. В обществе сохраняется низкое взаимное доверие и слабая солидарность на фоне отсутствия ясных политических, идеологических и нравственных ориентиров (аномия). Общество к тому же никто не учит думать и говорить на языке публичной политики и общественных интересов, в общественно-политической сфере оно остается *великим немым*. Наконец, правящие элиты после низвержения тотального контроля со стороны КПСС оказались не на высоте своего исторического положения, открыв для себя все выгоды отсутствия правового государства и конституционного ограничения власти — выгоды, всецело использованные ими для хищнического и бесконтрольного передела и захвата богатых активов страны. Нынешним правящим элитам невыгодны и не нужны ни режим правового государства, делающий всех равными перед законом, ни демократический конституционный порядок, предполагающий ответственность и общественную подотчетность правящих групп и властных институтов.

Все это вместе взятое открыло для контрмодернизационных элит не только дорогу к власти к концу 1999 года, но и позволило им сравнительно быстро свернуть основные реформаторские достижения бурных и творческих 80–90-х (Алексащенко С. 2018. Контрреволюция). Повторимся: если бы историческая российская власть во главе с императором Николаем Вторым смогла удержать контроль над страной до конца Первой мировой войны (до окончания которой оставался всего год, и притом Россия оказалась бы в ноябре 1918 года в числе держав-победительниц), если бы реформаторы 80–90-х сумели смягчить чрезвычайно болезненный удар структурных реформ для населения (такая возможность была, о чем теперь говорят некоторые из самих реформаторов — например, Сергей Васильев и др.) и при этом удержались бы от коррупционных соблазнов, то модернизационных срывов 1917-го и начала 2000-х годов вполне можно было бы избежать.

Из этого обзора событий следует чрезвычайно важный теоретический и практический вывод. Никакой непреодолимой *истори-*

ческой колеи, доминирующей над российской историей и определяющей ее принципиальную неспособность к модернизациям, не существует в природе. Всякий раз и все зависит от конкретной исторической ситуации и более широкого общего контекста. Глубокие кризисы немодернизированного и потому не способного к успешному развитию (саморазвитию) государства и общества всякий раз тем не менее открывают реальное окно возможностей для начала/возобновления комплексной модернизации. Тем более что Россия уже обладает достаточно богатым историческим опытом успешных модернизаций (включая парламентаризм, разделение властей, сильную рыночную экономику, децентрализацию, независимую юстицию и пр.), что позволяет *легитимизировать* их в глазах общества. Нет никаких оснований отрицать принципиальную возможность такого развития событий и в самом недалеком будущем. Созданная нынешними правящими группами ригидная контрмодернизационная модель экономики, политической системы и отношений в системе государство-общество, основанная на правовом произволе, несменяемом единовластии и отказе обществу в политическом представительстве, политических и гражданских правах, на разгроме независимой (в том числе конституционной) юстиции, государственном монополистическом капитализме, протекционизме и конфронтации с развитыми центрами мира *уже вступила в свой кризис* (примерно с 2013 года). Понимание очередного исторического тупика в наши дни разделяется широкими экспертными кругами страны. Далее оно проникнет (и уже проникает) в управленческие и экономические элиты и, наконец, в само российское общество. После чего и в результате чего необходимые социальные условия для перехода к третьей комплексной модернизации сформируются в полной мере.

Какие именно исторические обстоятельства вызовут к жизни (дадут первый решающий толчок) новую волну реформ, и когда именно это произойдет — предсказать невозможно. Но смягченный характер нынешнего модернизационного срыва (притом, что тоже весьма характерно, риторически отрицаемого самими властями, продолжающими выдвигать лозунги модернизации и приверженности конституционному строю) и его сравнительно

небольшая глубина, как и продолжающаяся *низовая модернизация* в самом обществе, обеспечивают нам в целом оптимистический горизонт будущего. Сильное давление на внутреннее состояние России оказывает и глобальный контекст — объективные и субъективные условия капиталистической миросистемы (санкции — лишь малая и притом не сама важная часть такого давления внешних обстоятельств, внешней среды).

Полагаем, что в ближайшие 10 лет в России сложатся все необходимые политические, социальные и экономические условия и обстоятельства для возобновления комплексных реформ, прежде всего в части обеспечения реального *верховенства права* (что потребует прежде всего отмены всего корпуса неправового законодательства последних 20 лет и создания системы независимой юстиции, как и новых современных правоохранительных органов и органов безопасности). А также в части наполнения реальным содержанием конституционного принципа *суверенитета народа* как единственного хозяина, наполняющего политическими смыслами государство, что подразумевает регулярную смену власти на свободных выборах, реальное разделение властей, общественный контроль над властями. Это потребует, в частности, полной свободы СМИ, демонтажа системы госпропаганды, свободы деятельности НКО, ограничения исполнительной власти законом и судами, реальных федерализма и местного самоуправления.

Третья комплексная модернизация России настоятельно потребует от российского общества учета исторического опыта двух предыдущих модернизационных срывов. Таких главных уроков истории два. Во-первых, реформирующееся государство должно избегать втягивания страны в разорительные внешнеполитические авантюры, чреватые кризисом власти и распадом государства (урок 1914 года). На всех этапах преобразований политические лидеры реформ обязаны удерживать спокойный и при этом исключительно правовой контроль над ситуацией в политике, экономике и обществе. Это потребует новой политической культуры — диалога, компромиссов, политической ответственности, солидарности. Во-вторых, никакие будущие реформы неприемлемы без учета ключевой социальной компоненты (урок 1990-х годов).

Социальное государство, социальная солидарность, всемерное смягчение шоков и кризисов — не воплощение какой-либо политической и тем более партийной доктрины (социал-демократической, коммунистической и т.п.), а объективное требование успешной модернизации, достижения ее приемлемости и легитимности в глазах общества, уставшего от неудачных реформ и экспериментов. Тем более что громадные ресурсы России не делают такую задачу сколь-нибудь сложной. *Умеренность, демократическая солидарность и социальная чувствительность* — таков должен быть стиль будущей российской модернизации, чтобы сделать ее успешной и обеспечить прочность ее достижений, не допустить новых срывов в архаику.

Как показывает опыт России и других постсоветских стран, а в последние годы — и опыт ряда восточноевропейских государств, успевших интегрироваться в ЕС и войти в НАТО, постсоветское общество оказалось гораздо менее восприимчивым к изменениям (замене своей атомизированной, пассивной, аполитичной природы на активистскую, гражданскую), чем это предполагалось вначале, сразу после повсеместного краха коммунистических режимов (1989). Некоторые проницательные авторы уже тогда предвидели такие трудности, указывая, что куда проще принять новые конституции и законы и даже заложить основы частной собственности и рыночной экономики, чем добиться глубоких изменений в обществе (Дарендорф Р. 1998. После 1989).

Правящие сегодня Россией контрмодернизационные элиты всеми силами препятствуют переходу атомизированного и подданнического по преимуществу общества в гражданское, республиканское состояние. Государственная пропаганда ежедневно и массированно внедряет в общественное сознание ценности ложно трактуемого ультрапатриотизма (авторитарного, имперского и агрессивного), националистического в своей основе самолюбования, презрения к другим странам и народам, порой переходящего в открытую ненависть (например, по отношению к украинцам после событий 2014 года). Рисуетя картина страны, со всех сторон окруженной врагами и русофобами. Врагами, стремящимися не просто подорвать мощь России, но буквально стереть ее с лица

земли. Общественное сознание, как и в советское время, активно милитаризируется. А на высшем уровне власти генерируются образы «пятой колонны» и «врагов России» внутри страны. Навязывается единое государственное толкование истории и культуры, морали и нравственности. Утверждается безальтернативность и «полезность» авторитарной единоличной власти (что ведет к ползучей реабилитации фигур Сталина, Брежнева и Ивана Грозного), унификации и централизации страны (лозунг «вертикали власти»). Дискредитируются реформы и фигуры Горбачева и Ельцина, к целой эпохе реформ прочно приклеен оскорбительный ярлык «лихих 90-х». Все это позволяет правящим элитам до поры до времени блокировать общественное обсуждение реальных проблем страны, уродств действующей социально-экономической и общественно-политической модели, отвлекать внимание народа от цинизма, аморальности, безнаказанности, роскошной жизни коррумпированных властных групп от их грубых ошибок во внешней и внутренней политике.

Сохранению постсоветского общества в удивительно стабильном состоянии (что фиксируют все социологические центры) помимо массивной пропаганды способствуют также ресурсный по преимуществу характер экономики, господство государственно-монополистического сектора, слабость рыночного конкурентного сектора. Большинство россиян прямо зависят от государства: необычайно большое количество занятых в государственном секторе экономики и в бюджетных организациях (в госсекторе работают около половины всех занятых в экономике) плюс еще 43 миллиона пенсионеров. Также консервирующую роль играет сознательно поддерживаемая полузакртытость российской экономики от иностранного капитала, как и в целом от проникновения в страну зарубежных социальных практик, от чрезмерно активных связей с иностранцами. Важную роль в консервации пассивного аполитичного состояния общества сыграл бурный рост экономики и реальных доходов в первое десятилетие XXI века. Этот рост дополнительно дискредитировал либеральные реформы (при которых был сильный спад) и легитимизировал авторитаризм как мнимо успешную модель развития.

В 2013 году, несмотря на высокие цены на нефть, экономический рост остановился. С 2014 года стали ежегодно сокращаться реальные доходы россиян. В 2018 году руководство страны приняло решение резко, сразу на пять лет, поднять возраст выхода на пенсию для мужчин и женщин, что было воспринято населением крайне негативно. Одновременно ежегодно растет стоимость жизни (повышаются цены, налоги и тарифы). Темпы роста экономики заметно отстают от среднемировых и от темпов роста многих прямых конкурентов России. Тем самым уже пять лет как режим путинского авторитаризма перестал показывать впечатляющие результаты в экономике и социальной сфере: *стагнация* снижает уровень жизни и доходов населения — впервые в путинской России. Можно говорить об историческом переломе в истории нового российского авторитаризма — *от периода триумфального роста к периоду затяжного кризиса*.

Мы уже сегодня видим немало признаков соответствующего перелома и в общественных настроениях. Рейтинги доверия власти в 2018 году упали до докрымских уровней. Кремль и партия власти впервые стали терпеть значимые поражения на региональных и местных выборах. Регионы смелее стали говорить о защите своих интересов от доминирования федерального центра. Пока речь не идет об остром кризисе доверия к политическому режиму, но это доверие стабильно снижается, а запрос на радикальные изменения в политике и экономике, наоборот, растет (Московский центр Карнеги. 2017. Мы ждем перемен). Уровень и качество жизни остаются неизмеримо более высокими, чем в конце 90-х, что создает В. Путину достаточно большой запас поддержки в обществе. Однако зерно сомнения в российские умы уже заронено. Отсутствие изменений к лучшему и тенденция к ухудшению жизни в последние годы рано или поздно поставят вопрос о верности и жизнеспособности авторитарной и монополистической модели, созданной правящими элитами с их агрессивным антимодернистским настроением.

Это откроет возможность возвращения в повестку дня страны модернизационной тематики. Главное в которой можно свести к трем основным темам — задачам: а) *новая модель экономического*

развития (что потребует и совершенно новой внешней политики); б) *установление верховенства права* (что потребует отмены всего антиконституционного законодательства и создания совершенно новой, независимой, юстиции); в) *утверждение конституционализма*, в том числе правового ограничения власти, развития парламентаризма, федерализма и местного самоуправления, демократии (что потребует шагов по формированию общероссийской гражданской нации на базе активного участия в общенациональной политической жизни и массового гражданского просвещения).

Помимо роста беспокойства в обществе относительно перспектив страны и личных перспектив каждого россиянина, можно разглядеть и другие аргументы в пользу обнадеживающих перспектив формирования общественной поддержки нового цикла российской модернизации.

Во-первых, *имперский и агрессивный вариант патриотизма далеко не является господствующим среди российского населения*. Напротив, по данным опросов общественного мнения, большинство россиян выступают за «масло», а не за «пушки». 56% опрошенных Левада-Центром россиян в начале 2018 года хотели бы видеть Россию «страной с высоким уровнем жизни, пусть и не одной из самых сильных стран мира». И заметно меньше — 42% — выбрали вариант «великой державы, которую уважают и побаиваются другие страны» (Магун В. 2018. Величие выбирает элита). Преобладает «патриотизм достатка», а не «патриотизм величия». Это создает проблемы для правящих групп, увлеченных внешней и оборонной политикой и активностью за пределами России (Сирия, Украина, Венесуэла, постсоветское пространство). Дальнейшее втягивание России в дорогостоящие заграничные кампании и гонку вооружений не получит поддержки в российском обществе, гораздо больше озабоченном внутренним развитием страны. Попытка возгонки популярности власти по «крымско-му» сценарию даст кратковременный эффект, но очень скоро крайне дорогостоящие последствия подобного решения для экономики и социальной сферы опустят рейтинги поддержки ниже исходного уровня. Именно так уже произошло с крымскими рейтингами власти. В целом образ будущего у жителей России имеет по преиму-

шеству мирный, гражданский и модернизационный характер, а вовсе не образ бедной и озлобленной осажденной крепости, готовой воевать со всем миром и вмешиваться в чужие дела по всей планете. Такой позитивный патриотизм развития, достатка, а не круговой обороны может стать хорошей общественной основой как для становления чувства общей судьбы, единой нации, так и для практической демократии, работающей в интересах общественного блага.

Во-вторых, в обществе *растет чувство острой несправедливости* существующей политической и социально-экономической модели. В 2018 году социологи обнаружили резкий рост социальной напряженности и общей тревожности в российском обществе. Выросли показатели беспокойства практически по всем общественно значимым проблемам. 72% респондентов остро ощутили рост цен, 52% волнует общее обнищание населения, 48% тревожит рост безработицы. 30% говорили о том, что ощущают экономический кризис и несправедливое распределение доходов. За год уровни тревожности выросли почти на треть — и это случилось в год очередного триумфального переизбрания Путина на пост президента (в марте 2018 года). Глава Левада-Центра социолог Лев Гудков говорит о нарушении властями «негласного общественного договора» (Левада-Центр: В России резко вырос... 2018). Характерно, что в конце 2018 года уровень тревожности россиян достиг уровня конца кризисных 1990-х годов. Тогда это предвещало глубокие изменения в общественном запросе к властям (в ту пору это был запрос на «порядок» и «твердую руку»). В настоящее время резкий рост тревожности и чувства несправедливости в обществе также может быть предвестником глубоких изменений общественного запроса, формирования запроса на новую, *не-путинскую политику*.

Достаточно большой сегмент российского общества по-прежнему желает для России «европейской» модели, то есть пути модернизированной, современной страны, для которой характерны демократия, защищенные права и свободы граждан, сильная рыночная экономика при социальном характере государства, как и мирная внешняя политика. Кирилл Рогов, опираясь на данные

многолетних опросов Левада-Центра, установил в составе российского населения наличие *устойчивой группы условных демократов-западников*, то есть тех, кто выступает за развитие России по модернизационному пути. Их численность он оценил примерно в 30% от населения России (Рогов К. 2017. Политическая экономия кризиса). Правда, сами исследователи из Левада-Центра намного пессимистичнее оценивают размер этого сегмента — в 3–5%. Тем не менее можно утверждать, что в России существует (хотя бы в потенциале) достаточно широкая социальная база поддержки модернизационных реформ, на которую могли бы опереться будущие реформаторы. Сегодня эта часть общества малоактивна и даже почти незаметна, что позволяет властям утверждать, что «весь народ» поддерживает их политику. Но в изменившихся политических обстоятельствах промодернизаторская часть общества может выйти на первый план и сыграть важную роль в инициации и поддержке реформ.

Справедливости ради отметим еще один негативный социальный фактор. За постсоветские десятилетия Россию покинули несколько миллионов наиболее активных, образованных, профессиональных граждан, в том числе сотни тысяч ученых и специалистов высокой категории. Отток населения продолжается и поныне. Это значительно снизило качество человеческого капитала России, как и ослабило реформаторский и демократический сегмент населения. Часть этих людей готовы будут вернуться в реформаторскую Россию и инвестировать в нее свои капиталы, знания и связи. Но лишь в том случае, если модернизация будет реальной, а не имитационной.

В-четвертых, все большую роль будут играть *внешние вызовы* для правящих Россией групп. Такие как продолжающийся быстрый рост экономики и военной мощи США, для которых конфронтация с Россией и тем более втягивание ее в новую гонку вооружений могут стать простым и эффективным способом подрыва самой способности России к развитию и усилению ее влияния в мире. Как продолжающийся быстрый подъем коммуно-капиталистического Китая, чья экономика уже десятикратно превосходит российскую по размеру, чьи военные расходы превосходят рос-

сийские более чем вдвое и чьи растущие международные амбиции уже прямо затрагивают регионы и страны, которые Россия привыкла считать зоной своих исключительных жизненных интересов. Как несостоявшийся крах Европейского союза, чья экономическая мощь и привлекательная политическая, экономическая и социальная модель продолжают отдалять от кризисной и застойной России ее соседей с запада и юга: стран — участников «Восточного партнерства» ЕС.

Эти и другие внешние вызовы требуют ясного ответа уже сегодня. Поставленная самим В. Путиным задача развиваться темпами выше среднемировых не реализуется и не может быть выполнена в рамках модели, утвержденной политикой самого Путина и ориентированных на него групп. Отказ менять эту модель, на чем продолжает настаивать российское руководство, будет означать все большее отставание от других центров силы, как и социально-экономический застой внутри самой России. Путинская модель на практике проигрывает соревнование как с западной моделью, в которой свобода и демократия сочетаются с верховенством права и рыночной экономикой, так и с китайской, где авторитаризм КПК сумел тем не менее обеспечить защиту прав частной собственности инвесторов, открытость китайской экономики глобальным рынкам, что обеспечило китайцам достаток и экономический рост, пусть и в отсутствие политических и гражданских свобод. Российская модель оказалась не в состоянии ни защитить права частной собственности, ни открыться миру с его технологиями и рынками, ни обеспечить хотя бы минимально достаточный для развития уровень правового порядка. Сочетание авторитаризма, государственного монополистического капитализма, протекционизма, правового произвола, в том числе в отношении собственников, абсолютно несовместимо с целями развития и обуславливает проигрыш России обеим моделям развития — и западной, и китайской.

Разрыв между декларируемыми достижениями и реальностью в ближайшие годы будет только расти. Чем больше будет демонизироваться Запад, тем острее будет интерес к нему. Чем больше власть будет кричать о тесной дружбе с Китаем, тем сильнее будут

страхи по отношению к быстро растущему великому восточному соседу. Чем громче будут трубить о внешнеполитических успехах России, тем больше будет сомнений в них. Чем навязчивее будет рассказ о счастливой и богатой жизни россиян, тем сильнее он будет входить в противоречие с реалиями, для которых характерны массовая и застойная бедность и вопиющее имущественное (и не только) расслоение. В российском обществе растет запрос на правовой порядок и социальную справедливость, и не за горами время, когда появится запрос на управление обществом своими делами и государством, то есть запрос на демократию (РБК. 2018. У россиян возникли новые запросы).

Условия для новой комплексной модернизации России создает и *постепенно растущее и взрослеющее российское гражданское общество*. Граждане все чаще объединяются в ассоциации и неправительственные инициативы (НКО) для решения общественных проблем, прежде всего на местном уровне. По данным Общественной палаты России, две трети россиян доверяют деятельности НКО. 21% участвует в деятельности церковного прихода, или в благотворительности, или в родительском комитете, или в наблюдении за выборами, или защищают экологию, или принимают участие в работе профсоюзов. 13% помогают незнакомым людям. 19% помогают ближнему кругу (родственники, друзья, коллеги). 7% участвуют в решении местных проблем. 4% входят в кружки по интересам или учатся на курсах, 3% участвуют в правозащите, митингах и демонстрациях. Наиболее быстро растет сегмент гражданского общества, ориентированный на решение социальных вопросов. Две трети россиян уже сегодня участвуют в благотворительной деятельности. 53% граждан совершали денежные пожертвования. 59% доверяют благотворительным организациям. При этом 58% помогают детям, 30% — религиозным организациям, 28% — бедным, 20% — животным и 1% — правозащитным организациям (Общественная палата РФ. 2018. Доклад о состоянии гражданского общества). Это создает у граждан опыт и навыки доверия и сотрудничества, добровольного объединения для решения задач общественного блага. Эти процессы означают нечто очень важное — подспудное формирование гражданской

нации и активистской (республиканской) культуры. Этим постсоветское российское общество кардинально отличается от общества советского, в котором любая самоорганизация граждан, автономная от государства, жестоко подавлялась властями, усматривавшими в этом прямую угрозу своей безграничной властной монополии.

Изменения в обществе, формирование в нем доверия и активистской политической культуры являются решающим фактором будущей модернизации России. Именно от этого в первую очередь зависит успех страны. Процессы общественного развития идут сегодня в направлении общественного прогресса, даже при наличии ярко выраженной контрмодернизационной политики, препятствий и репрессий со стороны правящих групп. Общество можно долго сдерживать в реализации его суверенных прав на государство и государственную политику, можно долго держать в состоянии фобий, заблуждений и ценностной дезориентации. Но невозможно полностью подчинить его и удерживать в покорном состоянии вечно. У завершения российской модернизации, несомненно, есть будущее.

Литература:

1. Иноземцев В. Несовременная страна. Россия в мире XXI века. — М.: Альпина паблишер, 2018.
2. Паин Э. Особенности российской модернизации и их историческая природа. В кн.: Российская модернизация: размышляя о самобытности: [сб. ст.] / Ин-т Кеннана — М.: Три квадрата, 2008. С. 15–45.
3. Клямкин И. Какая дорога ведет к праву? — М.: Либеральная миссия, 2018.
4. Алексашенко С. Контрреволюция. Как строилась вертикаль власти в современной России и как это влияет на экономику. — М.: Альпина Паблишер, 2019.
5. Дарендорф Р. После 1989. Мораль, революция и гражданское общество. Размышления о революции в Европе. — М.: Ад Маргинем, 1998.
6. Колесников А., Волков Д. Мы ждем перемен. Есть ли в России массовый спрос на изменения? Московский центр Карнеги, доклад. — 5 декабря 2017 года. <https://carnegie.ru/2017/12/05/ru-pub-74906>

7. Магун В. Величие выбирает элита: Левада-Центр. 27 марта 2018 года.
<https://www.levada.ru/2018/03/27/velichie-vybiraet-elita/>
8. Левада-Центр: в России резко вырос уровень социальной напряженности.: Новая газета, 6 сентября 2018 года.
<https://www.novayagazeta.ru/news/2018/09/06/144795-levada-tsentr-v-rossii-rezko-vyros-uroven-sotsialnoy-napryazhennosti>
9. Рогов К. Политическая экономия кризиса и конфронтации. В кн.: Россия — 2017: сценарии развития в условиях конфронтации и санкций: Сборник материалов 15-й международной экономической конференции «Западная Сибирь: регион, экономика, инвестиции». — Барнаул: Си-Пресс, 2007. С. 31–38.
10. У россиян возникли новые запросы//РБК. 24.12.2018.
<https://www.rbc.ru/newspaper/2018/12/24/5c1d29539a794781b1a778d9>
11. Общественная палата РФ. Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2017 год.
https://www.oprf.ru/files/1_2018dok/doklad_OPRF_2017.pdf

Постсоветские элиты, постсоветские институты и проблемы национального развития

Николай Петров

Канд. геогр. наук, ведущий научный сотрудник Института географии РАН, руководитель Центра политико-географических исследований НИУ «Высшая школа экономики»

На протяжении последних лет многие российские и зарубежные эксперты по политической системе России в целом недооценивали степень устойчивости политического режима, который сложился в стране в нулевые годы. Предполагалось, что какие-то важные особенности в его конструкции просто несовместимы с требованиями жизни. Поэтому многими ожидался кризис, резкие изменения в политике и общая неустойчивость. Однако оказалось, что катаклизма не случилось. Применительно к российской экономике специалисты применяют образ *табуретки* — то есть экономика страны именно в силу примитивности необыкновенно устойчива, несмотря на неблагоприятные внешние и внутренние факторы.

Однако применительно к политической системе образ табуретки не подходит. Она гораздо более живая и разнообразная. Здесь приходит на ум образ *таракана*. Таракан — это поразительное отклонение от траектории развития от простого к сложному, которое вовсе не является промежуточной ступенью к высшей эволюции, но при этом демонстрирует поразительную стойкость, превосходя в живучести гораздо более высокоразвитых и сложных животных. Если отделить голову таракана от тела, он может прожить еще месяц и погибнет не от отсутствия головы (тело живет без головы), а от того, что нападут бактерии, и от других внешних факторов. Если случится ядерная война и многие высшие животные исчезнут, тараканы выживут. На нашей планете таракан уже пережил ряд катастрофических катаклизмов и множество более высокоорганизованных видов.

В этой гиперболе есть смысл: в компаративистике, изучая политические системы, принято анализировать *универсальные*

институты. Применительно к нашей стране разговор, например, о политических партиях сводится к рассуждениям об их неразвитости или деградации. Выборы считаются неконкурентными, или несвободными, или сфальсифицированными. Подобный подход применяется к анализу и других политических институтов. В итоге мы ставим общий диагноз, смысл которого заключается в том, что в России много чего «нормального» нет, а то, что есть, работает из рук вон плохо. Возникает естественный вопрос: раз все так скверно, то каким же образом такая система жива и чувствует себя намного лучше, чем многие более сложно организованные системы? Образ таракана помогает, как мне кажется, скорректировать аналитику нашей политической системы так, чтобы концентрироваться не столько на том, какие эффективные в других странах институты работают у нас плохо, сколько объяснить себе и обществу, как именно работает и воспроизводится у нас институциональная система: какие субституты замещают в России институты, которые работают плохо. В этот момент мы возвращаемся к таракану. Почему голова и тело у него могут существовать отдельно? Потому что нет единой централизованной кровеносной системы, и, разделяя его на части, мы не губим, но, наоборот, размножаем его. К нему неприменим подход как к высокоорганизованному существу. Так же и изучение политической системы современной России требует *специфического подхода*.

Переходя к обзору особенностей нашей политической системы, следует заметить, что за прошедшие 25 лет мы слишком много внимания уделяли тому, какие формальные институты деградируют и как они у нас выглядят, как трансформируются, гораздо меньше обращая внимания на то, что в нашей политической среде во многом работают принципы «политической физики». А именно что если где-то убудет, то где-то обязательно прибудет. Когда многие политические институты теряют свою автономность и субъектность, функции, которые они выполняли, перехватываются другими институтами. Логика процесса такова: не потому выборы плохие и политические партии слабые, что они сами по себе ослабели, а потому, что единственный мощный, сильный, все время расширяющийся институт президентской власти грубо захватил

функции, которые прежде выполняли другие институты. Это и есть одна из главных линий политической эволюции в стране — *сокращение числа автономных общественно-политических институтов и уменьшение неопределенности в политической системе, связанной с этими институтами.*

Если институты автономны, если выборы не контролируются всецело одним центром власти, то они всегда могут привести к неожиданному или неприятному результату для тех, кто правит. Поэтому естественно стремление последних (не только в России, но и в Соединенных Штатах, и в Германии) усилить контроль и уменьшить степень политической неопределенности. Особенность нашей политической системы заключается в том, что в отсутствие институциональных и связанных с общественным контролем рамок у российской власти это получается делать успешнее, чем во многих других странах. Снижая неопределенность и сокращая автономию институтов, власть приходит к тому, что мы сегодня фиксируем, а именно к общей деградации всех политических институтов, за исключением одного — гипертрофированного института президентской власти и всего, что связано с ним. Отсюда, естественно, возникают трудности сравнительного анализа с другими странами. Тем не менее предложу несколько отчасти провокационных тезисов для обсуждения.

Первый тезис заключается в том, что при отсутствии действующих и действенных политических институтов, когда на практике все импульсы исходят от единственного института, все зависит от человека, который, по сути, этим институтом и является, такое состояние а) является источником потенциального риска для самой системы и парадоксальным образом само по себе является *состоянием неопределенности* — если, например, представить, что что-то с этим единственным институтом (и человеком) происходит; б) не может быть длительным именно потому, что является, на мой взгляд, само по себе переходным. В этом смысле уверен, что в ближайшую пятилетку (то есть в 2018–2023 гг.) *мы увидим серьезную политическую трансформацию, в том числе и новую институционализацию* — становление и укрепление иных институтов помимо президентской власти.

Когда я говорю о новой институционализации, то не имею в виду, что выборы вдруг станут правильными, а политические партии действенными. Я имею в виду то, что неизбежно случится: *либо появятся заново, либо усилятся те институты, которые сегодня отсутствуют или находятся в крайне деградировавшем состоянии*. Потому что без этих институтов невозможна основная политическая трансформация, которая, как я полагаю, будет определять политическое содержание текущего президентского срока В. Путина (2018–2024), а именно переход власти, но не от президента Путина к другому президенту, *а от президента Путина к Путину в каком-то другом качестве*. Это та трансформация, которую должны начать готовить уже сейчас, и она потребует, на мой взгляд, серьезной институционализации политического режима.

Второй тезис касается российских элит. Во-первых, необходимо отметить, что формирование нового правительства Д. Медведева летом 2018 года показывает, что ресурс позднесоветских и постсоветских элит выработался практически полностью. Министров старой советской формации в кабинете практически не осталось. Во-вторых, система исполнителей – винтиков, которую мы наблюдаем, работоспособна лишь при наличии двух условий. Первое: когда для этого есть достаточные ресурсы. То, что нефтяные цены (основной источник доходов бюджета: доля нефтегазового сектора в доходах бюджета в 2018 году составила больше 45%) вновь демонстрируют общую динамику на повышение, уменьшает мотивацию для властей предпринимать какие-то, пусть и очень ограниченные, усилия по реформированию страны, даже в узкоэкономической сфере, даже те немногие реформы, которые еще недавно казались неизбежными. Второе: подобная система работает лишь тогда, когда надо двигаться по рельсам, то есть когда можно задать курс и нет необходимости принимать решения по ходу движения. Когда не надо ничего менять, когда система работает как поезд, двигаясь по заранее проложенному пути. Как только происходит сбой, сразу оказывается, что система исполнителей-винтиков нежизнеспособна.

Мне не раз приходилось писать и говорить о *неономенклатурной системе*, которая, на мой взгляд, у нас окончательно установи-

лась. Оглядываясь на минувшие 25 лет, можно говорить, что в постсоветское время (с 1991 г.) поначалу постепенно стала формироваться смешанная система, которая объединяла в себе элементы старой номенклатуры и в то же время появляющиеся элементы относительно независимой политической элиты. Под элитами я понимаю строго функционально тех людей, которые принимают участие в выработке и реализации важных для страны решений. В какой-то момент та же коррупция, которая является одним из главных институтов нашего постсоветского развития, стала играть позитивную роль, превращая отдельных представителей системы в менее зависимых от нее в целом субъектов политики. Поскольку если некто украл несколько миллиардов долларов, которые у него еще и нельзя отнять, то он превращается в относительно автономного игрока, чей вес определяется не просто должностью, на которую его поставили, а завтра сняли, но тем ресурсом, который он контролирует независимо от этой должности. С этим вызовом система в нулевые годы благополучно справилась. *Отсутствие гарантий прав собственности, с которым многие реформаторы предлагают бороться, — это и есть базис, на котором основана система.* Это инструмент отъема ресурсов, а значит — и автономного политического влияния. Понимание этого объясняет, почему никакие изменения судебной системы, повышающие ее независимость и ее способность защищать права собственности, абсолютно невозможны. Это было бы самоубийственно для неономенклатурной системы.

Неономенклатурная система построена, она торжествует, но у нее есть свои существенные минусы. Один из них я проиллюстрирую на примере региональных элит, в частности новой плеяды российских губернаторов.

На первый взгляд базовая идея Кремля — взять технократов, молодых амбициозных карьеристов, и направить их первыми руководителями в регионы — позитивна в том смысле, что там появляются люди, которые никак не связаны с местными кланами и при этом еще и эффективны как менеджеры. Это новая кровь, свежий взгляд на реальную жизнь, новые подходы и новая управленческая культура, более современная. На самом же деле, как мне

кажется, это абсолютно тупиковый путь кадровой и внутренней политики. Прежде всего потому, что этим новым технократам изначально задается неправильная мотивация.

Например, когда берут молодого заместителя министра экономики и посылают его губернатором депрессивной Ивановской области, то его главное желание после этого — скорее оттуда уехать. А это значит — возможно скорее и ярче продемонстрировать свою эффективность, лояльность, способность как можно быстрее выполнять приказы сверху, с тем, чтобы в результате его оттуда убрали (на повышение) и он продолжил карьеру в более комфортном для себя месте, желательно снова в Москве. Если вдуматься, это чрезвычайно опасно для целей управления, потому что губернаторам-технократам задается не просто короткий горизонт планирования, но совершенно ложные стимулы в работе. При Никите Хрущеве случилась знаменитая история, когда была затеяна кампания по резкому увеличению производства мяса в СССР. Первый секретарь Рязанского обкома КПСС отрапортовал тогда, что производство мяса в его области за год выросло вдвое. Он сразу получил звание Героя Социалистического труда, но когда наступил следующий год, выяснилось, что молока и мяса в Рязани больше нет, потому что «герой» пустил под нож все стадо области, включая дойных коров. Это типичная иллюстрация к модели деятельности и мотиваций новых «эффективных» губернаторов. Чем более они будут эффективны в глазах Кремля, тем будет хуже для регионов, более разрушительно в масштабах всей страны.

Следующий важный сюжет, касающийся репрессий против элит. Можно уже уверенно говорить о современных репрессиях, потому что *их объектами являются не конкретные люди, а социальные группы*. Если разобраться, кто из губернаторов «сидит», выяснится, что это далеко не самые коррумпированные фигуры. Это далеко не самые грубые нарушители правил игры, которые приняты в системе власти. Это всего лишь те, кто в какой-то момент оказался политически менее защищенным от репрессий, чем другие. Их посадки — ясный сигнал всему губернаторскому корпусу, который очень четко считывается им. Мы подсчитали,

что каждый год под каток репрессий попадает примерно 2% высшего слоя региональных политических элит, включая губернаторов, их заместителей и мэров столичных городов. Начиная с 2015 года эта цифра находится на стабильном уровне.

На мой взгляд, нынешние репрессии — не просто политическая подготовка к следующему избирательному циклу (и соответственно, что цикл завершится и репрессии сократятся), а *важное условие функционирования политической системы в новых внешнеэкономических и внешнеполитических условиях, которые меняться не будут*. Эти репрессии не будут идти на спад. Они либо сохранятся на нынешнем уровне, либо даже будут усиливаться. Я бы напомнил о работе Д. Трейсмана и С. Гуриева о роли и масштабах репрессий в современных авторитарных режимах. Эти масштабы не столь гигантские, как 70 лет назад. Они могут быть гораздо менее масштабными по числу, но благодаря массовым коммуникациям и тому, что все моментально показывается по телевидению, их роль и значение для сохранения или усиления контроля за (в данном случае) политическими элитами поддерживается на том же уровне, что и тогда, в сталинскую эпоху. Хотя, если вдуматься, 2% репрессированных ежегодно — это на самом деле очень значительная цифра. Можно говорить о том, что и это также тупиковый путь эволюции российской внутренней политики, поскольку репрессии, усиливая послушность элиты, ослабляют ее способность к консолидации для решения любых задач развития, но сама тупиковость вовсе не означает заданного завершения такой политики.

В связи с этим я снова напоминаю о таракане. При анализе современной российской политики нам необходимо уйти от старых схем и с помощью новых подходов постараться понять реальность такой, какая она есть на самом деле. Таракан — удивительно совершенная биологическая система, которая возникла десятки миллионов лет назад и которая продемонстрировала свою замечательную устойчивость. Но она не эволюционирует. В этом смысле мне важно было показать, что речь идет о системе, которая обладает большой устойчивостью к внешним воздействиям и может быть самодостаточной без всякой трансформации.

Последние 25 лет развития политической науки в России и мире привели к краху идей и иллюзий, что любая постсоветская авторитарная политическая система со временем неизбежно придет к состоянию относительно либеральной и демократической. Идея, что развитие, пусть быстрее, пусть медленнее, но односторонне и неизбежно приводит посттоталитарную политическую систему в состояние либерально-демократической политической системы — главная идея *транзитологии*, оказалась на поверку нежизненной. Российское политическое пространство, в чем я вижу большое, хоть и сомнительное достижение, в том числе и нашего политического режима, со всей очевидностью это продемонстрировало.

Теперь же, после констатации этого капитального факта, нас как исследователей должна заинтересовать другая сторона вопроса. Есть ли у политической системы России риски, вызовы, стоящие перед ней, которые могут заставить ее либо трансформироваться, либо уступить место другой политической системе? На мой взгляд, очевидно, что есть. Например, в нашей системе не заложено постоянное кадровое воспроизводство. Она не способна сама себя изнутри эффективно не просто поддерживать, но и обновлять. Есть и другие системные вызовы и риски, связанные, например, с передачей власти в условиях персонализма, с коротким горизонтом планирования. Я не разделяю распространенного фаталистического мнения, что нынешняя российская система неправового самовластия вечна. Но при этом считаю, что рамки, в которых система жизнеспособна и может успешно приспосабливаться к изменению внешних условий, оказались гораздо шире, чем нам это раньше казалось. Если определить ее как сильно персонифицированную авторитарную систему, то уже в нынешнем президентском сроке В. Путина нам предстоит *реактивная политическая модернизация (модернизация политических институтов как реакция на растущее давление общества)*, либо, если система окажется неспособной на это, она столкнется с утратой жизнеспособности. Тем не менее не следует преуменьшать жизнеспособность и гибкость такой системы.

Несколько слов о состоянии общества. Когда-то нам казалось, что гражданское общество в России представлено тремя стратами.

В основном это гражданское общество, которое противостоит власти, контролирует ее, тормозит произвол властей. Это активная часть общества: сегодня с ней уже разобрались посредством запретов и репрессий. Вторая часть: маленькие помощники власти. Министр Татьяна Голикова говорит, что у нее мало рук, чтобы все делать, так пусть это делает гражданское общество, помогает государству — и сегодня таких организаций немало. И третье — общество для общества. Не противостоящее власти, не помогающее ей, а думающее о самом обществе. Вспомним одно из определений: гражданское общество — это все, что помещается между государством и семьей.

Возможны четыре фактора, которые определяют будущие изменения в политической системе: лидер, политические элиты, институты, общество. Что касается отношений лидера и общества, то Путин во многом олицетворяет чаяния общества, отчасти их создает, отчасти отражает. Работает принцип кристаллического лазера, когда импульс, многократно отражаясь от двух торцов кристалла, многократно усиливается на выходе. Когда растущее напряжение прорывается, происходит аннексия Крыма, соответствующая общественным чаяниям и встреченная обществом бурными рукоплесканиями. В этом смысле мы должны понимать, что это не просто и не только эффект работы злонамеренной пропагандистской машины. *Это считывание властями общественных ожиданий, рефлексий и одновременно культивирование этих ожиданий.*

Давайте честно зададимся вопросом: если мы двадцать лет критикуем политический режим, говорим, что он деградирует, то почему мы должны принимать концепцию какого-то неизменно хорошего общества? *Общество деградирует вместе с политическим режимом.* В России за последние годы сформировалась элита, которая очень сильно деградировала в силу проводимой ею же политики. Это не просто опустившиеся люди, но люди, не олицетворяющие интересы народа, не способные принимать самостоятельные решения. Их такими сделал негативный политический отбор. У нас есть не только разрушенные институты, но и деградировавшее общество. При этом сказанное вовсе не значит, что оно плохое. Оно просто не могло не деградировать в условиях

ухудшающегося политического режима и постепенного исчезновения демократических институтов. Поэтому ожидать, что, быстро что-то изменив, мы получим красивую политическую картинку, не приходится. Потому что реакция общества на изменения — результат ни на чем не основанных завышенных ожиданий конца 80-х — начала 90-х годов. Сегодня ни у нас, ни у общества этих ожиданий больше нет, поэтому дай бог, чтобы постепенно выстраивая и совершенствуя институты, приучая людей жить не по понятиям, а по законам, в рамках правовых демократических институтов, мы шаг за шагом постепенно добивались бы реального улучшения ситуации. Это все пусть совсем не духоподъемно, но куда как реалистично.

Политэкономия постсоветского авторитаризма

Кирилл Рогов
Канд. филол. наук,
член совета фонда «Либеральная миссия»

В последние годы мы наблюдаем довольно странную тенденцию (с точки зрения классической транзитологии), когда некоторые страны, от которых все ожидали, что они будут двигаться в сторону смягчения авторитаризма, наоборот, переживают ужесточение авторитарных режимов. Наиболее яркими примерами такого «неклассического» (для транзитологии) развития являются Россия и Турция, но это далеко не единичные примеры.

Итак, мы констатируем это значимое явление в России, при этом оно имеет прямое числовое выражение. Если сопоставить исход выборов в различных политических режимах, то он всегда многое говорит о характере политического режима. Если проходят поляризованные выборы, например, президента из двух основных кандидатов или выборы между доминирующей и оппозиционной партией, отражающие реальные поляризацию и напряжение в обществе, и если в ходе таких выборов победитель получает от 50 до 60% голосов, а соответственно другая сторона получает от 40 до 50%, то это означает с большой вероятностью конкурентность политического режима. Совершенно необязательно это будет демократия, но определенно свидетельство того, что доступ к ресурсам у соперников и общественных коалиций сопоставим. У тех и других есть необходимые ресурсы, в частности независимые медиа. В демократических политических режимах бывает довольно обычный исход выборов: от 51 до 60% голосов у победителя. Еще один исключительно важный момент: в таком типе режима существует *гипотетическая возможность смены власти*, потому что разрыв в результатах небольшой, всякий раз выборы — приключение, в ходе которого оппозиция может прийти к власти.

Другой тип режима, когда победитель на выборах из раза в раз получает от 60 до 70% голосов, то есть результат тяготеет к

квалифицированному большинству — 66%, и всякий раз находится в этом диапазоне. Это говорит о том, что в данном случае оппозиция не имеет шансов, даже теоретической возможности перехода к ней власти в результате выборов. Доступ к ресурсам у различных коалиций общественных и элитных групп разный, у оппозиции заведомо ограниченный доступ к ресурсам. Оппозиция не может победить, но при этом у нее достаточно ресурсов и возможностей, чтобы поддерживать инфраструктуру самой оппозиции и продолжать сохранять политическое влияние. В этом типе режима оппозиция легитимна, устойчива, она стабильно существует от выборов к выборам. Она, повторимся, не может победить, но в ее распоряжении есть значимый сегмент конкурентных и независимых СМИ, финансов от спонсоров, которых при этом гораздо меньше, чем официальных. Такой, гибридный, тип режима иногда называют *конкурентным авторитаризмом*.

Наконец, есть еще один тип политического режима, называемый *режимом гегемонии*, когда действующий президент или доминирующая партия на выборах получают больше 75% голосов. Это не просто режим доминирования, но подлинная политическая гегемония. В таких странах оппозиция практически не имеет доступа к публичным ресурсам, сегмент независимых СМИ маргинализован. В них качественно другая ситуация, больше насильственных практик и еще целого ряда такого рода отличительных черт. Результат последних президентских выборов в России — 76,6% (март 2018 года) — стал серьезным шагом страны к гегемонистской модели режимов Центральной Азии. В 1990-е годы на президентских выборах в России был конкурентный режим: лидер получал 50% с небольшим, в нулевые годы (с 2003 по 2012 год) результаты были в промежутке от 60 до 70%, сейчас мы сделали шаг к режиму политической гегемонии.

Проследим вкратце, как происходила постепенная, но последовательная авторитаризация России. Надо проследить, как именно развивалась Россия в 2000–2010-е годы. Когда мы сопоставляем данные социологических опросов в этот период, то можем заметить, что в настоящее время (2018 год) в общественной и социальной сферах

происходит некоторый перелом в сложившемся в середине нулевых годов общественном консенсусе вокруг «мягкого» авторитарного управления, начинается его заметная эрозия. В частности, при ответе на вопрос «Что лучше — когда власть сосредоточена в одних руках или распределена между разными структурами?» в 1991 году первый вариант ответа предпочитали только 36% опрошенных, но затем число сторонников сконцентрированной в одних руках власти постепенно росло до начала 2000-х, достигнув 60% в 2000 году (здесь и далее — данные Левада-Центра).

По состоянию на 2001 год сложился общественный консенсус относительно пользы (необходимости) «мягкого» авторитаризма. Общество в тот период поверило, что России пойдет на пользу, если вся власть будет сосредоточена в одних сильных руках, и готово было делегировать ответственность наверх, конкретно президенту. Затем вектор изменился, и к 2015 году число сторонников «сильной руки» сократилось до 40%.

Схожую тенденцию обнаруживают опросы на другую тему: «Какая политическая система кажется вам наиболее правильной?» Проводилось сравнение отношения граждан к западной и современной российской политическим системам. К середине первого десятилетия 2000-х российская модель набирает популярность, но к концу десятилетия происходит спад. Число сторонников западной модели развития, напротив, начинает расти (до 18% в 2017 г.), число сторонников текущей российской системы начинает быстро сокращаться, особенно после экономического кризиса 2008 года (до 27%).

Та же тенденция прослеживается в восприятии коррупции. Начиная с 2009 года в обществе резко растет острота восприятия коррупции. Число людей, которые считают, что «коррупции в последнее время стало больше», в 2010 году взлетает почти в два раза (до 50%) по сравнению с предыдущими показателями.

Это произошло не столько потому, что действительно стало больше коррупции (хотя ее действительно стало больше), а в большей степени потому, что люди изменили свое отношение к политическому режиму, который прежде казался им эффективным и потому они не обращали особого внимания на коррупцию. Теперь проблема кор-

рупции вышла для них на первый план. Такое изменение произошло на рубеже 2000–2010-х годов. В этот период в обществе начинается пересмотр политического запроса, поднимается новая волна идей децентрализации и общий запрос на либерализацию власти. И, как мы знаем, эта волна имела своим апогеем и наивысшей точкой массовые зимние протесты 2011–2012 годов (Болотная — Сахарова). В обществе наметился тогда заметный антиавторитарный тренд. Сформировалась общественная коалиция, выступающая за либерализацию политической системы.

Параллельно шел другой значимый процесс, который нам поможет осознать следующие цифры. В 2000–2010-е годы Россия пережила два нефтяных бума. Первый — в 2004–2008 гг. — завершился кризисом, падением нефтяных цен в конце 2008-го — начале 2009 года. В этот момент (падения цен на нефть) люди впервые поставили под сомнение эффективность действующей политико-экономической модели. Они увидели, что экономический рост вовсе не связан с этой моделью, а первое же серьезное снижение цен на нефть привело к снижению ВВП на 9%. Это шокировало людей, и в следующие годы их оценки политического режима резко снижаются, как мы видели ранее.

Второй нефтяной бум пришелся на конец 2010-го — начало 2011 года и оказался гораздо мощнее, чем первый. Во время первого нефтяного бума либеральные экономисты предупреждали, что когда упадут цены на нефть — будет плохо. Так оно и оказалось. Но в 2011 году нефtedоллары, казалось, должны были выправить ситуацию. Количество денег, которые получила Россия, оказалось в два раза больше, чем во время первого бума.

При этом неожиданным образом второй нефтяной бум характеризовался тем, что в России прекратился экономический рост. В период первого нефтяного бума он составлял в среднем 7% в год, а в период второго — лишь 0,7% в год. При этом среднегодовые расходы консолидированного бюджета в общем объеме ВВП в первый бум составляли 31%, а во второй — уже 36%. Вместо того чтобы экономика росла на 5–6%, государство больше денег перераспределяло через бюджет (в период второго нефтяного бума).

Итак, мы обнаруживаем, во-первых, формирование новой общественной тенденции — негативного отношения к авторитарной модели с 2008 по 2011 год, линию формирования продемократической, пролиберальной, промодернизационной политической коалиции, которую мы и увидели на улицах Москвы и других городов в 2011–2012 годах. Параллельно с этим в 2010–2011 годах шло формирование совершенно другой коалиции — коалиции по поводу распределения сверхдоходов от второго нефтяного бума.

Деньги от второго нефтяного бума вновь породили в элитах и обществе ощущение успешности авторитарной и монополистической модели. Показалось, что повторения кризисных 90-х больше никогда не случится, что высокая цена на нефть возвращается, что отныне все будет прекрасно — на долгие годы вперед. При этом потенциал роста на нефтяных деньгах иссяк. В стране так и не была сформирована стратегия выхода из кризиса посредством структурных и политических реформ, инновационного развития. Дальше деклараций отдельных реформаторов дело не двигалось. Роль инновационных элит резко снизилась, потому что всем показалось, что больше ничего страшного не произойдет, нефть останется дорогой, бояться в принципе нечего.

Коалиция дорогой нефти окончательно сформировалась в годы второго нефтяного бума. В ее основе, с одной стороны, лежит ощущение того, что риски для политической и экономической системы минимальны, серьезные реформы не нужны, роль элит с инновационным потенциалом сильно преувеличена, эти элиты в целом не так важны, как это считалось в 90-е годы. Ведь у России есть традиционный сырьевой способ жизни, который вполне обеспечивает ее всем необходимым. Есть большие и надежные ресурсы, которые перераспределяются государством через налоги и бюджет — те самые 36% ВВП. Эти ресурсы формируют и цементируют нефтяную коалицию. Я называю ее *коалицией охранников*, которых в нашей стране очень много. Если сложить вместе их всех: полицию, армию, спецслужбы, частную охрану и прочих, то получается *примерно 4,5 млн человек, занятых в силовой сфере*. Сюда же следует добавить многочисленные контролирующие государственные органы. Создана политэкономическая модель, в которой элиты

контролируют прежде всего перераспределение ВВП. Это и есть главная правящая политическая коалиция, а именно люди, контролирующие перераспределение.

В то же время это очень *широкая социальная коалиция*. Наверху коалиция представлена узким слоем бенефициаров, которые контролируют распределение и получают от него основные деньги, внизу — широкие слои людей, которые чувствуют себя некомпетентными на рынке труда и потому боятся конкуренции. Одна из *ключевых особенностей российского авторитаризма в том, что его поддерживают как раз эти социальные слои и группы*.

Одним из проявлений этого социального феномена является *общее* отношение большинства россиян к рыночной экономике — в целом устойчиво негативное. В 90-е годы экономическая система, в основе которой лежат частная собственность и рыночные отношения, в целом имела поддержку большинства. Но с начала 2000-х годов наблюдается резкий рост числа сторонников государственного планирования и перераспределения — они дают при опросах 50% и выше ответов. Вплоть до настоящего времени число людей, считающих, что госпланирование и госсобственность лучше, чем рынок, остается стабильно больше 50%. Число поддерживающих рыночные отношения падает в наши дни до 30%. Причем две трети этих же людей отвечают положительно на вопрос «Согласны ли вы, что рыночная экономика необходима России?». Тем самым *рынок, являясь необходимостью, не является в то же время определяющей ценностью для людей*. Большинство не может ничего сказать в защиту ценности рынка.

Экономический фактор является одним из очень важных в массовом представлении об «особом российском пути». Как показывают опросы Левада-Центра, примерно 55% людей утверждают, что у России есть свой особый путь и что они понимают, в чем он заключается. 45% говорят, что не понимают, о чем речь, или что нет никакого «особого пути». Мы попытались с помощью опросов описать понимание особого российского пути, и 35% ответили, что *особый путь для них — это экономическое развитие страны с большей заботой о людях, а не о прибыли и интересах «хозяев жизни»*. Люди испытывают страх перед «западным капитализ-

мом», где, как они считают, действует жесткий индивидуализм, отвергается традиционный для России коллективизм, насаждаются универсалистские глобальные правила как единственно верные и обязательные. Этот страх очень важен для понимания России. В 2014 году мы столкнулись с тем, что широкая коалиция охранников и распределительной коалиции наверху и тех внизу, кто чувствует себя незащищенным и уязвимым на неконкурентном рынке труда, превратилась в общенациональную господствующую политическую коалицию. Аннексия Крыма, вооруженный конфликт на Донбассе, операция в Сирии, санкции и усиление антизападной риторики властей заметно укрепили традиционалистскую версию нашего авторитаризма.

Антизападничество (притом не только в России) является мощной мотивацией, которая формирует условия конкуренции национальных элит во внутренней политике. Как только возникает конфликт с какой-либо страной «коллективного Запада», сразу испытывают проблемы те модернизационные элиты, в экономике особенно, которые больше других связаны с Западом, ориентированы на средства Запада, сумели добиться там конкурентности, эффективности, в том числе потому что умели работать и на внутреннем и на внешнем рынках, могли извлекать пользу и выгоду от открытости страны. Как только объявляется борьба за «сохранение особой национальной идентичности», а конфликт с Западом становится основой политического бытия, модернизационные элиты отодвигаются в сторону, оказываются пораженными в политических и экономических правах. Одновременно с этим элиты, которые прежде выглядели неконкурентными, потому что не имели инновационного потенциала, налаженных связей с Западом, не умели выходить на западные рынки, не знали языков, теперь получили огромные возможности для компенсации своего проигрыша. Фактически *антизападническая идеология стала основным регулятором внутреннего политического рынка.* Теперь тот, кто ближе к Западу и обладает современными компетенциями, оказывается на обочине политической жизни.

Доминирующая коалиция охранителей режима не только стала такой и окончательно сложилась во времена второго нефтяного

бума, но и оказалась удобным механизмом для реванша элитных групп, которые потерпели поражение в 90-е годы и в начале 2000-х годов, потому что их инновационный потенциал и способность к адекватному восприятию западных институтов в России были низки. Они не успели тогда на политический дележ, а теперь за счет антизападничества получают возможность заполнить себе то, что не успели (не смогли) взять тогда.

Опросы Левада-Центра на тему «Какой (в идеале) вы бы хотели видеть Россию в будущем?» показывают следующую картину. Такой, как сейчас, хотели видеть Россию в 2017 году лишь 14% (в 2006 году было еще меньше — 9,3%). Такой, как СССР, — около 30% (в 2006 году было столько же). Такой, как развитые страны Запада: в 2017 году — 34%, в 2006-м — 45% (доля понемногу снижается, на пике, в 2007 году, так отвечали 51,5%, то есть более половины).

Эти данные иллюстрируют некоторую двусмысленность положения, в котором мы находимся. Это опрос, который подчеркнуто устремлен в будущее, ведь речь идет о том, какой в идеале россияне хотели бы видеть Россию будущего. Слова «в идеале» и «в будущем» сразу настраивают людей на то, что речь в данном случае идет об абстрактной модели, оторванной от реальности, что существенно меняет отношение опрашиваемых к вопросу.

Что мы видим в динамике? В принципе западническая модель как перспективная, несмотря ни на что, остается единственной доминирующей моделью для россиян при взгляде в будущее. В последние годы западнический идеал немного сдает позиции. Особенно в 2016–2017 годах, эпоху активной авторитаризации. Ещё в 2006–2007 годах западную модель поддерживали около 50% населения. В 2013 году эта цифра падает до 40%, а сейчас (после Крыма) до 35%. Тем не менее это по-прежнему самая большая группа населения, ведь такой как сейчас (путинская модель) в идеальном будущем Россию хотели бы видеть меньше 15%. Это и есть реальное отношение общества к той России, в которой мы живем. Мы видим, что даже быстрое сокращение числа условных «западников» не приводит к заметному расширению численности

сторонников текущей модели. Коммунистическая (советская) модель остается популярной на уровне 30%, а люди, которые не могут определиться с ответом, составляют около 26% — причем это число удвоилось с 2007 года.

Правит Россией при этом коалиция дорогой нефти и перераспределения бюджетных ресурсов. Это не просто Путин и его приспешники, но и широкая социальная база, которая пока поддерживает эту коалицию. Но у нее есть очевидная серьезная проблема с формулированием образа будущего: с выдвиганием перспективной модели развития страны (общественного идеала) и его реализацией.

В целом элитно-общественная коалиция дорогой нефти довольно большая и притом устойчивая. Пока экономическое и социальное состояние не приведет общество к «синдрому 1990 года» (общему ощущению системного кризиса), трудно представить себе распад господствующей коалиции.

Синдром 1990 года, напомню, — такое состояние общества, когда всеобщим становится ощущение системного кризиса экономики, государства, полного отсутствия оптимистической перспективы, необходимости глубоких и радикальных изменений. Сейчас до такого состояния очень далеко. Все по-прежнему уверены, что нефть сумеет держать нас на плаву бесконечно долго. Это и есть экономическая и психологическая основа общественно-политического консенсуса и правящей коалиции. Эту коалицию дополнительно поддерживает и то, что специфически характерно для российского массового сознания, — исключительно высокое доверие к вертикальным структурам власти, к иерархии, к сильной руке, к власти лидера и одновременно низкое доверие к партиям, ассоциациям и любым иным горизонтальным социальным структурам. Это обещает коалиции охранников долгую жизнь. Как и низкое доверие к рынку и страх конкуренции. Это то, что лежит в основе политэкономии путинского авторитаризма.

Что же может ограничить его весьма прочное, но при этом глубоко противоречивое существование? Почему Россия все же не Средняя Азия? Отметим несколько важных отличий России от государств Средней Азии и, например, от Турции.

Во-первых, в России в реальности нет никаких классических традиционных ценностей, популярных среди населения. Россия вовсе не традиционалистская страна (как ошибочно полагают некоторые). В ней очень низкий уровень религиозности, низкий уровень доверия к ценностям, связанным с традиционной семьей. Этот комплекс традиций, который сохраняется, к примеру, в большей части турецкого населения и который оказывается важным подспорьем авторитаризации в Турции и некоторых других странах, в России практически отсутствует. Знаменитые путинские «скрепы» традиции в реальности не существуют. Советская система до основания разрушила традиционные скрепы старой исторической России. Безусловно, в какой-то мере традиционные ценности и православная церковь являются политическим и пропагандистским ресурсом, который Кремль использует для поддержания своей политической доктрины. Однако как только мы начинаем смотреть более глубоко, например, на сравнительные данные межстрановых социологических проектов, мы обнаруживаем, что в действительности уровень религиозности, характерный для России, по мировым меркам низок. Она находится на уровне Германии и стран Северной Европы. Религиозное сознание, как и традиционная семья, были под корень разрушены большевиками. Этих традиций больше нет. В России одобряют аборты так же, как в Германии, и в гораздо большей степени, чем в Южной Европе. Традиционные семейные ценности в России находятся на таком же низком уровне, как в странах Балтии, Северной Европы и в Германии. Это случилось не в связи с модернизацией, которую прошла Северная Европа, а стало результатом большевизма, который последовательно разрушал «старый режим». То, что традиционных ценностей нет, — факт. Эрдоганом в Турции осуществляется большая программа помощи населению, для которого традиционные семейные ценности являются значимыми. Это помогает его авторитарным устремлениям. В России доверие к авторитарной модели также высокое. Но второго элемента — традиционных ценностей — в России нет. Их пытаются насаждать, но в целом безуспешно.

Кроме того, Россия — страна с очень большими городскими агломерациями, в которых живут горожане уже во втором-третьем поколениях. Они достаточно модернизированы и существенно влияют на общий уровень модернизации российского населения. Такое современное общество плохо монтируется с коалицией охранителей, как и со среднеазиатской моделью политической гегемонии.

Обратим внимание на еще один важный фактор, который будет содействовать росту неустойчивости доминирующей коалиции в среднесрочной перспективе. Речь идет о расширяющихся силовых практиках и репрессивной политике властей. Особенно это относится к региональному управлению, которое фактически является функцией ФСБ. Если угрозу ареста любого регионального чиновника или губернатора убрать как решающий фактор политической жизни, то политическая модель регионального управления разрушится. Потому что сегодня она целиком опирается на фактор страха перед силовым ресурсом ФСБ и ее силовыми практиками. Этот канал управления довольно опасен и может давать сбои, во время которых мы сможем увидеть политические катаклизмы, которые будут сотрясать правящую коалицию извне и изнутри. Таким образом, мы обнаруживаем серьезные факторы долгосрочной и даже среднесрочной неустойчивости существующего политического режима. Есть общественные реалии, к которым он плохо приспособлен. Нельзя при этом, однако, недооценивать силу и укорененность сложившейся правящей властно-общественной коалиции.

Россия: нереализованная федерация

Андрей Захаров

*Канд. филос. наук, доцент факультета истории, политологии
и права РГГУ, редактор журнала «Неприкосновенный запас:
дебаты о политике и культуре»*

Судьба федерализма в России парадоксальна. С одной стороны, мы живем в стране, которая именуется Российской *Федерацией*. Об этом всем известно, у каждого на обложке паспорта имеется соответствующая надпись. Помимо этого, у нас есть федеральное правительство, федеральные бюджеты и даже Федеральное собрание. Но на деле от объявленного конституцией федерализма в нынешнее правление, которое уже стало бесконечным, не осталось практически ничего. Федералистские методы не практикуются, и это позволяет специалистам говорить о том, что Российская Федерация не является федерацией ни в чем, кроме названия. В самой Конституции РФ 1993 года федерализм описан крайне противоречиво и даже запутанно. Конституция в отношении федерализма совершенно невнятна, и есть основания предполагать, что написана она таким образом специально. Приведу пример. С одной стороны, Конституция утверждает, что отношения всех субъектов с центром равны. С другой стороны, в статье чуть ниже она же допускает, что отношения с некоторыми субъектами могут регулироваться специальными договорами и соглашениями, которые они подписывают с федеральным центром. Что это: симметрия или асимметрия? Или и то и другое вместе? По многим другим позициям дело обстоит так же. Это похоже на изречения Дельфийского оракула: вы получаете пророчество и потом толкуете его так, как вам нравится.

Отсюда возникает вопрос, весьма и весьма закономерный. А чем, собственно говоря, объясняется сохранение такого очевидного противоречия между формой и содержанием? Почему нам нравится, когда над магазином, где давно торгуют, условно говоря, хлебом, по-прежнему красуется вывеска «Обувь»? Сменить давно пора вывеску, то есть привести ее в соответствие с реальностью. Но этого не происходит, мы всячески воздерживаемся от процеду-

ры, которую Конфуций назвал бы «исправлением имен». Видимо, у российского государства и его правящего класса есть какие-то причины для этого. Итак, что же заставляет власть сохранять такую двусмысленную ситуацию?

Самая простая версия, которая рождается в этой связи, заключается в том, что у ответственных лиц в Кремле, которые увлечены то Украиной, то Сирией, то американскими выборами, просто не доходят руки, чтобы заняться упразднением федерализма. Но давайте отметем ее как несостоятельную. Проблема не в том, что править российскую Конституцию — занятие очень неблагодарное, слишком кропотливая и вызывающая тревогу процедура. Дело еще и в том, что если бы вдруг Кремль, отложив неотложное, попытался подступиться к этому, то у него все равно ничего бы не получилось.

Разумеется, теоретически конституционное свертывание федеративной модели вполне можно себе представить. И даже больше — в мире есть подобные прецеденты. Один из примеров, часто упоминаемых в этой связи, — то, как легко и даже с воодушевлением в 1972 году народ африканского государства Камерун на всенародном референдуме большинством голосов (более 90%) упразднил федеративное устройство страны. Оно было оставлено Камеруну уходящими французскими колонизаторами в 1960 году. Камерунские элиты какое-то время мучились с этим сложным устройством, а потом решили, что пора установить более милую африканскому сердцу вертикаль. И день упразднения федерализма до сих пор отмечается в Камеруне как национальный праздник.

Камерунский путь, конечно, прекрасен: по сути, это демонстрация того же *политического примитивизма*, с которым мы, россияне, сталкиваемся уже без малого 20 лет и благодаря которому наша политическая система становится все более и более безыскусной и простой.

Однако для нас, к счастью, — или же увы, — эта африканская дорога закрыта. Дело в том, что наша страна — не просто федерация, а национально-территориальная федерация. То есть государство, в котором федерация является формой национального

самоопределения целого ряда больших и малых этнических групп. Сразу следует заметить, что национально-территориальная федерация — это не удача и счастье, а большое наказание. В современном мире таковых почти не осталось, ибо они регулярно с большими или меньшими потрясениями разваливаются. Скажем, если Чехословакия справилась с этим почти без проблем, Югославия пережила тяжкие времена. Другие национально-территориальные федерации постоянно переживают стрессы той или иной степени интенсивности. Три показательных примера — Канада, Бельгия и Нигерия.

Национально-территориальные федерации *сплавляют этнос и территорию*, что позволяет некоторым этническим группам объявлять зоны своего обитания своей собственностью. Естественно, порой это создает большие трудности, а иногда и стимулирует распад. Этого уже достаточно, чтобы остерегаться федерализма подобного типа. К этому аргументу можно добавить и другие, столь же немаловажные. Например, эксперты отмечают, что в национально-территориальных федерациях часто пробуждаются притязания: они постоянно требуют для себя все больше полномочий и ресурсов. Более того, такие федерации почти не поддаются реформированию. Кстати, опыт Российской Федерации выступает в данном отношении очень хорошей иллюстрацией: трудно отобрать у этнических групп то, что они некогда на вполне законных основаниях получили.

Самая же главная претензия, которую предъявляют государствам такого типа, формулируется как «парадокс федерализма». Дело в том, что федеративное устройство, с одной стороны, сокращает вероятность сецессии (отделения территорий), потому что создает предпосылки для более активного и всестороннего самоопределения меньшинств, но, с другой стороны, оно подводит под сецессию институциональную базу, потому что обеспечивает национальные меньшинства конституциями, парламентами, президентами, флагами и прочей государственной атрибутикой, которая нужна для самостоятельного государственного существования — в случае чего... И это самое убедительное подтверждение того, что этнический федерализм — феномен малопривлекательный и проблемный.

Однако для России все не так просто. В этническом перекосе, который есть и в российском федерализме, принято традиционно обвинять марксистов, но в действительности национально-территориальная федерация родилась у нас далеко не на пустом месте. В ходе преобразования многонациональных империй на их месте часто возникают этнические федерации. Иначе говоря, этнический федерализм, вызревший на нашей почве вполне естественно, — важная часть того наследства, которое мы получили от распавшегося коммунистического Советского Союза. Из этого следует, что *федерация в России отнюдь не была продуктом целенаправленного дизайна нынешнего политического класса*. Она досталась ему просто так, «исторически». Нечто подобное наблюдалось и во многих молодых государствах третьего мира, где уходящие колонизаторы действовали из лучших побуждений — и оставляли своим сменщикам из местных элит написанные в европейских столицах федералистские конституции. Но новоявленные государственные деятели в бывших колониях зачастую вообще не понимали, в чем смысл завещанного им диковинного федералистского приспособления и как с ним работать.

В этом отношении Россию можно уподобить постколониальным федерациям, элита которых не считает федерализм подлинной ценностью, ибо встроенные в него поощрение меньшинств и их защита кажутся им нелепыми. Им остается усыпить такой федерализм или вовсе ликвидировать его при первой же возможности, как это сделал храбрый камерунский народ. Именно это в значительной мере объясняет те неудачные эксперименты с федерализмом, которые мы наблюдали в третьем мире на протяжении последней четверти века.

Федерация, однако, есть не только набор ценностей, но и определенная прагматика. Иначе говоря, она может сохраняться даже в тех случаях, когда ценностного фундамента под ней, как в российском случае, почти не осталось. Прочитируем Уильяма Райкера, одного из ведущих мыслителей-федералистов, который писал: «Обычно федерализм обсуждается в морально-оценочных терминах: хорош он или плох, благо это или зло? Но вместо этих этических вопросов стоило бы поднимать вопросы экзистенциальные:

чем обусловлено принятие федерализма и что заставляет те или иные общества придерживаться федеральной формы правления после ее утверждения?». Когда мы становимся на такую позицию, нам открывается неразрывное переплетение в бытовании федерализма ценностных и прагматических элементов. Иначе говоря, для выживания федеративного порядка воспринимать его просто как ценность недостаточно: должны быть и *практические причины*, поддерживающие федералистский выбор. При этом диалектика ценностных и прикладных аспектов в каждом случае может оказаться весьма необычной, ведь диалектики не похожи друг на друга. Бесспорно, учредившие первую российскую (советскую) федерацию Ленин и его ближайшие сподвижники изначально являлись приверженцами централизованного «государства рабочих и крестьян» и считали федерализм лишь полезным инструментом подкупа этнических элит, относясь к нему сугубо технически. Но, хотя признание ими права на самоопределение наций на первых порах носило в основном декларативный характер, оно тем не менее выражало готовность новых советских властей к компромиссу с этническими группами и повышало привлекательность молодого строя, в том числе за пределами сферы влияния большевиков.

Но вот в чем дело. В ходе политического торга, затеянного коммунистами с целью заручиться поддержкой многонациональной имперской периферии в тяжелые годы Гражданской войны, идея федерации, которая рассматривалась ими самими лишь как *техническая форма*, была воспринята их партнерами, напротив, *ценностно*. Для националистов, без помощи которых большевики не смогли бы удержаться у власти, статус «федерации» был далеко не пустым звуком. Этот факт имел определяющее значение для дальнейшего развития и Советского Союза, и Российской Советской Федеративной Социалистической Республики (РСФСР). Снова процитируем Райкера: «Федерализм выступает главной альтернативой империи как политической технологии, которая объединяет обширные территории под властью одного правительства. И хотя он, возможно, не гарантирует членам федеративных союзов богатой казны и мощной армии, в результате его утверждения снимается навязчивость имперского контроля».

Несмотря на то что большевики давно покинули командный пункт российского государства, для населяющих нашу страну национальных меньшинств и их руководителей *федеративный порядок по-прежнему важен*, вопреки негативному отношению к нему державных циников, которые управляют Россией в наши дни.

Иначе говоря, мы вполне соглашаемся с тем, что национально-территориальная федерация — важный атрибут коммунистической системы, которая четверть века назад была признана устаревшей и отправлена на свалку. Но тут перед нами возникает принципиальный вопрос: а был ли вместе с этой системой дезавуирован и советский федерализм? Может быть, напротив, его стоит считать в целом чуждым для марксизма инновационным элементом, родившимся раньше времени и в рамках большевистской идеологии чувствовавшим себя неуютно? И если выяснится, что дело обстоит именно так, то тогда перед этническим федерализмом в нашей стране открывается неплохое будущее.

Многое из того неприятного и проблемного, что было сказано выше в отношении национально-территориальной федерации, не вызывает сомнений. Да, территориально-этнический федерализм — политическая форма, скорее всего, далекая от идеала. Но вынося такой суровый вердикт, мы оказываемся перед сложной философской проблемой. Когда та или иная страна обращается к федеративному устройству, чего она добивается? Ей угодно утвердить на своей территории политический и межнациональный рай? Или же речь идет хотя бы о недопущении ада? Думается, что правильным является второй ответ.

Этнический федерализм — это когда этнические, лингвистические или территориальные меньшинства, оставаясь в пределах большой страны, не сливаются с ней целиком, оставаясь самобытными; это когда те, кого заведомо меньше, имеют на карте свои анклав, в которых они могут ощутить себя большинством. Быть национальным меньшинством в большом государстве очень трудно: ведь тебе постоянно об этом напоминают, явно или косвенно. Это может вызывать фрустрацию и даже страх за свое будущее. Этнический же федерализм позволяет многонациональной стране

сохраняться в своих государственных границах, не распадаясь при этом на отдельные части, — вопреки, предположим, сценарию, предложенному Владимиром Сорокиным в романе «Теллурия». Разумеется, за расхожим мнением о том, что Россия не сможет позволить себе роскошь федерализма в полном объеме, потому что она не является полноценной демократией, есть своя правда. Но в той же мере *для России непозволителен и отказ от федерализма, ибо в таком случае она, скорее всего, ощутимо уменьшится в размерах*. Самоопределение — состояние мощное, привлекательное и заразное; сегодня уже видно, что XXI век обещает стать столетием не столько глобализации, сколько фрагментации, а это создает повышенный спрос на различные интеграционные конструкции, в том числе и на федерализм. Тем странам, где это понимают и учитывают во внутренней политике, развалиться будет сложнее.

Вернемся, однако, в начало наших рассуждений. Согласно переписи населения 2010 года, общая численность национальных меньшинств в нашей стране составляет около 20%. Много это или мало? Русским националистам кажется, что мало; с их точки зрения, посткоммунистическая Россия, в отличие от СССР, стала мононациональным (русским) государством, ибо в СССР соотношение «русские — нерусские» составляло примерно 50/50. Но более основательный анализ не позволяет согласиться с этим представлением, поскольку многие из населяющих Россию этнических общностей в свое время обзавелись зачатками собственной государственности и с тех пор исключительно ценят свое политическое самовыражение. Федерализм, с их точки зрения, выступает вполне приемлемой формой самоопределения меньшинства в рамках огромной страны. Более того, в природе не существует ни одного реалистичного сценария, который предусматривал бы легкую конфискацию ранее выданной толики суверенитета, а это означает, что и 20% населения — это очень много. Наконец, опыт Чечни показывает, что для дестабилизации такого крупного государственного организма, как Россия, вполне достаточно даже 1% населения, вдруг ставшего политически гиперактивным. А это, в свою очередь, означает, что *реальной альтернативы этническому*

федерализму у целостной России нет: он предстает меньшим из возможных зол, той необходимой ценой, которую следует заплатить за сохранение нераздельности страны.

Таким образом, чем мы располагаем? Российский федерализм, влачащий в путинский период жалкое существование, имеет тем не менее богатую генеалогию, глубокие исторические основания. Для его появления на свет имелись веские исторические причины: сделка между Москвой и национальными окраинами, заключенная после большевистской революции, была вынужденной и потому неизбежной, а ее условия до сих пор остаются в силе. В ходе распада Советского Союза эта ленинская сделка была вновь подтверждена в отношении крупных этнических групп, которые к тому моменту проживали на территории РСФСР. Важным фактором, придавшим устойчивость федеративному порядку, стали две кровопролитные чеченские войны, после которых любые проекты дефедерализации России оказались за пределами политически осуществимого. Да, этническая природа, присущая российскому федерализму, недоброкачественна, но в многонациональной стране трудно рассчитывать на что-то иное. Иными словами, федерация в России — это то, что и нести тяжело, и бросить жалко, и поэтому с ней авторитарный режим поступил так же, как и со многими другими хроническими проблемами: он просто подморозил ситуацию, боясь трогать тему межэтнических отношений и отложив неприятное на послезавтра. Так российский федерализм стал «спящим» институтом; я подчеркиваю: не мертвым, а именно спящим — между этими двумя состояниями существует гигантская разница.

Именно это обстоятельство иногда заставляет созидателей «вертикали» и ее приверженцев рассуждать о федерализме. В годы «раннего Путина», например, они выдвигали тезис о так называемом «новом федерализме», в основание которого необходимо положить скрупулезно выверенные экономические пропорции: страну предлагалось нарезать на такие куски, которые были бы экономически «равновесными» по своему потенциалу, что, по замыслу этих теоретиков, позволило бы все гипотетические новые сверхрегионы сделать донорами и состоятельными партнерами

федерального центра. За кадром в подобного рода проектах оставались две принципиальные проблемы. Одной из них было полнейшее игнорирование этнической чувствительности, таящейся сейчас под спудом, но никуда из российской политики не исчезнувшей. Как распорядиться всей той «политической мелочью» — увы, в логике укрупнения некоторые национально-территориальные образования выглядят именно так, — которую в былые времена большевики сгоряча наделили этническим самосознанием и политическим суверенитетом? Эту ключевую тему теоретики «нового федерализма» как будто не замечали. Другой проблемой, также остававшейся без внимания, осторожным наблюдателям виделось то, что конструирование «нового федерализма» сплошь из регионов-тяжеловесов вполне может обернуться острым сепаратистским вызовом, причем со стороны не только национальных республик. Постоянно одалживаясь у центра, об обособлении говорить трудно, а вот обретая финансово-экономическую «самодостаточность» (в годы перестройки это называлось «региональным хозрасчетом», завершившимся, кстати, расставанием с союзными республиками), напротив, впасть в подобный соблазн куда легче.

Кстати, обсуждение родственных проектов продолжается и поныне. Одним из свежих примеров стала дискуссия между экономистом Алексеем Кудриным и мэром Москвы Сергеем Собяниным, состоявшаяся в рамках Общероссийского гражданского форума в ноябре 2017 года. В ходе этого разговора мэр Москвы критиковал «ущербные» административные границы, оставшиеся со сталинских времен и пресекающие всякие шансы на выравнивание потенциала российских территорий. Именно это наследие, по словам Собянина, делает Россию «не федеративным, а унитарным государством». Но, по его словам, если бы за основу конституционного территориально-административного деления были взяты федеральные округа, бюджетная обеспеченность сегментов, составляющих Российскую Федерацию, стала бы примерно одинаковой, а тогда и потребность в «вертикали» оказалась бы не столь значительной. Подобные рассуждения очень созвучны с идеологией «нового федерализма» и несут в себе те же изъяны,

которые были присущи ей изначально. В механистическом конструировании «желаемого будущего» по-прежнему нет главного: ответа на вопрос, как перейти к этому состоянию, не убедив в его необходимости и пользе носителей этническо-территориального суверенитета, то есть многочисленные народности России.

Здесь уместно рассмотреть вопрос о некоторых особенностях бытования федеративной идеи при авторитарном режиме. Что, собственно, вообще позволяет надеяться, что федерация в России (пусть и спящая) доживет до ухода Путина, который, если сбудутся самые заветные надежды его сторонников, может состояться только в 2042 году? Об одном основании такой уверенности уже было сказано выше. Это неразрешимый «национальный вопрос». Но есть и другие факторы, из-за которых авторитарные режимы терпят федеративное устройство. Ведь при грамотном его использовании федерализм можно превратить в эффективный инструмент приручения оппозиции: если она вдруг окрепнет настолько, что с ней нельзя будет, как сейчас, вовсе не считаться, на оппозиционное попечение можно будет спихнуть два-три-четыре особо депрессивных и безнадежных региона — просто допустив недругов режима к власти в них. Кстати, поле для политических экспериментов тут еще относительно непаханое, ведь губернаторов, не состоящих в «Единой России», в предельном варианте позволено дополнить и оппозиционно настроенными региональными парламентами, нарочито создав на территории страны настоящие оппозиционные «оазисы». Такая ситуация вполне представима: во-первых, метод уже прошел успешное тестирование в других недемократических федерациях, а во-вторых, учитывая общее конституционное бессилие российских законодательных органов, причем на всех уровнях, режим, идущий на такие «смелые» эксперименты, в сущности, ничем не рискует. Иначе говоря, федерализм вдруг может оказаться полезным для авторитаризма: ведь если у вас в кладовке стоит самокат, на котором вы не ездите, совсем не обязательно его выбрасывать — когда-нибудь, глядишь, да и покатит.

Другим фактором, консервирующим российский федерализм, выступают внешнеполитические резоны. Федеративному госу-

дарству легче, чем унитарному, принимать в свой состав новые земли, поскольку федерация — добровольный союз, теоретически открытый для всех желающих. Это означает, что институциональный федерализм вполне может служить подходящим оформлением территориальной экспансии, что делает его интересным даже для тех, кто не видит ни малейшей связи между федеративным устройством и свободой. Экспансионистам не может не нравиться идея «добровольного вхождения» иных земель в состав другого государства: она избавляет их тем самым от клейма оккупантов. Этот феномен, называемый имперским федерализмом, в разное время помог Советскому Союзу включить в свой состав прибалтийские республики, Эфиопии — присвоить Эритрею, а Российской Федерации — провести апроприацию Крыма. Исчерпан ли потенциал этой схемы на сегодняшний день? Едва ли, поскольку гипотетическое «добровольное вхождение» того или иного региона в состав Российской Федерации по-прежнему остается крайней (и весьма эффективной) формой политического давления на соседей, все жестче практикуемого в последние годы Кремлем.

И наконец, самое главное. Рассуждая о сложностях взаимоотношений между меньшинством и большинством в современных федерациях, Райкер обращает внимание на то, что федерализм, позволяя меньшинствам принимать самостоятельные решения и жить по своим правилам, среди прочего влечет за собой и то, что издержки подобных решений ложатся на все общество. Меньшинства, в свою очередь, склонны злоупотреблять своими правами: так, южные штаты США довольно долго использовали федеративный порядок, чтобы сначала сохранять в своих пределах рабство, а потом поддерживать масштабную дискриминацию чернокожих американцев. (По словам Райкера, дело дошло до того, что «в Соединенных Штатах человек, осуждающий расизм, вынужден был осуждать и федерализм», поскольку под его прикрытием на части национальной территории проводился морально неприемлемый курс.) Когда в федеративных государствах складываются подобные ситуации, элиты, представляющие большинство, ощущают острое недовольство, федерация кажется им несправед-

ливо устроенным государством. Но от упразднения федерализма их удерживает важное соображение: *минусы, которые способны повлечь за собой безоговорочное навязывание воли большинства своенравным меньшинствам, обычно превышают совокупность уцерб, который причиняется государству в целом «вольницам» распоясавшихся субъектов.* Это голый расчет, вполне объясняемый теорией рационального выбора, и российский пример в данном отношении вполне типичен.

Отсюда вытекают как минимум три принципиально важных следствия.

Во-первых, федерация в России, по крайней мере в правовом смысле, — *это навсегда.* Наша страна может отказаться от федеративного устройства, только потеряв часть своей территории, а на такое политическое безумие никто из нынешних политических деятелей, даже в случае фантастичного на сегодняшний день провозглашения монархии, которым нас пугает матушка-церковь, не пойдет. России показан федерализм по той же самой причине, по которым он показан другим обширным, протяженным политическим пространствам. Страна с таким разнообразием всего подряд не может управляться унифицировано по одной модели из одного центра. В России к тому же, в отличие от ряда других протяженных стран, дело усложняется еще и наличием мультиэтничности населения.

Во-вторых, пионерами и знаменосцами федерализма в России как были, так и будут территории, самые консервативные с точки зрения политических установок электората, — *национальные республики РФ.* Этот факт может раздражать либеральную общественность, но, как говорил известный политик, «других писателей у меня для вас нет». Именно республикам предстоит в ближайшие годы проверять федеративный контракт на прочность, что, собственно говоря, некоторые из них, от Чечни до Татарстана, и делают, время от времени нервирова центр. В свое время Сократ называл себя «афинским оводом», кусавшим тучного коня афинской демократии, не давая ему стоять на месте и медленно жиреть. Сегодня в роли назойливых мух, деликатно, но настойчиво покусающих нашу федерацию, выступают национальные республи-

ки. Они будут делать это и дальше, особенно если экономическая стагнация России продолжится.

Наконец, в-третьих, наша федерация в обозримой перспективе сохранит свойства терминологического противоречия, а ее политическое бытие будет характеризоваться емкой формулой «ни жива, ни мертва». И это, кстати, не так плохо, как может показаться на первый взгляд, потому что *спящие институты гораздо лучше мертвых*. Пробуждение же федерализма, неизменно сопровождавшее возвращение к демократии, например в латиноамериканских странах, обычно ускоряет демократический транзит всего общества. Приступив со временем к неизбежному демонтажу вертикали, Россия едва ли окажется здесь исключением: спящий проснется, политическая субъектность республик будет подкреплена политической субъектностью регионов — и дело пойдет в направлении реального федерализма.

Часть вторая

Противоречия российских экономических трансформаций

Промежуточные итоги и перспективы российских экономических реформ

Олег Буклемишев

*Канд. экон. наук, заместитель декана экономического
факультета МГУ, директор Центра исследования экономической
политики экономического факультета МГУ*

Чтобы говорить об экономических реформах, нужно сначала определить, что это такое. Используем классическое определение, которое дал не так давно академик В.М. Полтерович, что реформа — это последовательность изменений институтов, которые от исходного пункта ведут нас к некоему желательному результату, а также правила, которые определяют переход из каждого состояния в следующее. На 2018 год руководством страны были заявлены несколько реформ на среднесрочную перспективу. Это огромный приток денег в инфраструктуру, цифровизация всей страны, капитализация ВЭБа и Российского фонда прямых инвестиций (РФПИ), разгребание завалов в системе «плохих» долгов и повышение пенсионного возраста. Так вот, вполне очевидно, что в соответствии с определением академика, ни одно из этих действий реформой не является. Хотя бы потому, что все они находятся в рамках обыкновенной ежедневной управленческой работы правительства. Захотели — перевели деньги на инфраструктуру, захотели разобраться с «плохими» долгами — создали специальные оболочки, перевели туда «плохие» долги. И даже пенсионный возраст, который в этом перечне звучит более солидно, на самом деле никакая не пенсионная реформа, а частичное преобразование пенсионной системы, не более того. Нет и речи о реально значимых общественных преобразованиях. Происходящее скорее похоже на то, что правительство сводит баланс и перераспределяет активы и

обязательства. Не сходится баланс по пенсионным счетам — значит, надо уменьшить количество получателей пенсий, либо повысить налоги, либо уменьшить выплачиваемые суммы. Поэтому реформа пенсионного возраста представляет собой не что иное, как сокращение расходов на пенсии. Предложу свой вариант периодизации того, что происходило с экономическими реформами за последние 25 лет. Историк Александр Янов давно сформулировал теорию циклов «реформа–контрреформа», и российская новейшая история в полной мере укладывается в этот цикл.

Условная периодизация реформ в истории новой России

- Реформы-1 (начало 1990-х гг.)
- Эхо-1 (середина 1990-х гг. до кризиса 1998 г.)
- Реформы-2 (2000–2004 гг.)
- Эхо-2 и контрреформы (после 2004 г.)
- Реформы-3?

Сначала было время реформ-1 — преобразования начала 1990-х годов. Они делались спонтанно, без подготовки, с высокими рисками, без профессиональной команды и подготовки общественных институтов. Это было тем не менее колоссальное свершение, которое, по-видимому, достойно еще не оценено (как с положительной, так и с отрицательной точек зрения). Основной реформаторский период длился около полутора лет, после чего страна вступила в долгую вязкую адаптацию к изменениям: приватизации, формированию рынков и рыночных институтов. Впоследствии, в течение 90-х годов, осуществлялись многие неплохие и необходимые для формирования полноценной рыночной экономики меры (например, классический пример успешной реформы — преобразование угольного сектора в России). Но в остальном проводилась экономическая политика, которая по большому счету представляла собой контрреформу.

Так продолжалось до 1998 года, когда тяжелейший финансовый кризис привел к дефолту по государственному долгу, краху финансовой системы и заметной девальвации рубля. В этот момент к власти пришло прокоммунистическое правительство Примакова–

Маслюкова. Попытавшись поначалу подергать за рычажки ручного управления экономикой, правительство неожиданно для себя убедилось, что они не срабатывают. Поэтому советские бюрократы сделали самое лучшее, что могли сделать, — просто самоустранились из экономических процессов. Именно в этот момент начались процессы спонтанного развития российской экономики, которая для начала взяла барьер роста ВВП в 6%, о чем в 90-е даже мечтать не могли. Это создало хороший задел для реформ-2, которые начались с приходом новой администрации в Кремль и в Белый дом (президент Путин и премьер-министр Касьянов в начале 2000 года). В отличие от преобразований предыдущего поколения, эти реформы были гораздо лучше подготовлены и исходили из четкого представления о направлении желаемых изменений. Их первоначальный дизайн был в значительной мере прописан в Центре стратегических разработок (ЦСР, под руководством Г. Грефа), после чего он был довольно сильно подправлен правительственным аппаратом, когда практики увидели в романтическом порыве экспертов ЦСР довольно много ошибок. Период реформ 2000–2004 гг., в котором участники нашей конференции приняли самое активное участие, так и остался беспрецедентным. Реализованных реформ оказалось ничуть не меньше, чем преобразований правительств Ельцина–Гайдара и Черномырдина (налоговая, таможенная, банковская, аграрная, пенсионная и др.). После отставки правительства Касьянова было реализовано ещё две «реформы» — монетизация льгот и административная реформа, которые были абсолютно не подготовлены и непонятно для чего осуществлялись, поэтому завершились полным провалом. С той поры никаких системных и эффективных реформ в России не было. Начались торможение и откат даже тех преобразований, которые находились на высокой стадии готовности, в частности вступления в ВТО. Именно из-за ползучего демонтажа пенсионной реформы сейчас надо принимать столь резкие и непопулярные решения. Реформа банковского сектора привела к полному его огосударствлению.

Основной вопрос, который мы ставим сегодня, размышляя на эту тему, — какими будут реформы-3? Полезно вернуться к классическому примеру правильной, удавшейся угольной реформы.

В СССР угледобыча в целом была убыточной: на ее поддержку уходило примерно полтора процента ВВП. После успешного реформирования в послесоветское время отрасль прибыльна, количество занятых в угледобыче снизилось примерно в 6 раз, смертность сократилась в 10 раз на 1 млн тонн добытого угля.

Эта реформа была заявлена еще в 1993 году. Если помните, шахтеры принимали активное участие в забастовочных событиях 1998 года, стучали касками на Горбатом мосту у Белого дома в Москве. В 1996 и 1998 годах правительством были получены два целевых займа Всемирного банка, в 500 и 800 млн долларов, которые сыграли большую роль в реализации реформы угольной отрасли, но не только в финансах дело. Был использован позитивный международный опыт. Очень много было сделано тогда, чтобы реформа проводилась с учетом согласования различных интересов. В ходе консультаций были учтены интересы трудовых коллективов и местных сообществ; так, губернаторы угледобывающих регионов принимали активное участие в разработке и реализации реформ. Есть и другие примеры серьезных удач. Например, реформа сельского хозяйства также в целом удалась. Если задуматься, то Россия — единственная страна в мире, которая в течение одного столетия сначала была крупнейшим в мире экспортером зерна, потом стала крупнейшим его импортером, а потом снова крупнейшим экспортером. Этот фантастический пример показывает, насколько мы недооцениваем огромный потенциал нашей экономики. Если бы остальные реформы были столь же эффективны, как угольная, то мы бы уже имели, например, 10-кратный рост производительности труда. К сожалению, в реальности все далеко не так.

Особенности и тенденции российских реформ

- Беспрецедентность (в основном реформы-1)
- Узкие окна возможностей, длинное эхо
- Запоздалое начало
- Как осознать необходимость?
- Стихийность и управляемость
- Проблема политической ответственности

- Плохая информационная подготовка
- Отсутствие состязательности авторских идей
- «Национализация» реформ
- Реформа как инструмент извлечения ренты или административной борьбы
- Менеджеральная экспансия

Остановлюсь на некоторых особенностях, обусловивших трудности и незавершенность российских реформ начала 1990-х годов. Они были *беспрецедентными*. Довольно сложно было вообще понять, как уникальную советскую экономику, огромную, неповоротливую, живущую по глубоко отличным от рыночного мира законам, перевести на рыночные рельсы. Тогда мы заплатили почти 10-летним глубоким спадом за устройство советской экономики, на которую наложилась неудачная экономическая политика.

Второе свойство, на которое я хотел бы обратить внимание — *крайне узкие окна возможностей успешного реформирования*. В каждой стране, не только в России, бывают довольно узкие окна политических возможностей для осуществления серьезных реформ. Приведу пример из германского опыта. Структурные реформы (в частности, рынка труда), которые провел в начале нулевых канцлер Г. Шредер, заложили настолько глубокий резерв конкурентоспособности немецкой экономики, что его хватило на долгие годы. Во многом именно поэтому немецкая экономика до сих пор остается локомотивом для всей Европы. В России возможности для эффективных реформ более непродолжительны и редки, что обуславливает хроническое запаздывание: мы все время делаем что-то позже, чем надо бы.

Также обратим внимание на то, что в какой-то момент в России произошла *национализация* реформ: если они долгие годы фактически диктовались извне, в основном международными финансовыми организациями, то в конце концов стали разрабатываться и поддерживаться внутри страны. В результате в практике экономической деятельности, да и не только закрепились две тенденции «межвидовой борьбы»: реформы часто используются для того, чтобы извлечь в чьих-то интересах ренту и кого-то отжать от опре-

деленного ресурса. И с этим в нынешней ситуации бороться очень сложно.

И последняя тенденция: правительство захватила любовь к всевозможным *менеджерияльным технократическим инструментам*: КРП (ключевые показатели эффективности), проектному подходу и пр. Но общественный организм и государственный аппарат — это не то же самое, что коммерческая фирма, здесь работают совершенно другие закономерности и стимулы.

Теперь о возможных реформах-3. Тут есть несколько открытых вопросов. Во-первых, нужны ли они? Далеко не для всех это очевидно. Сервис Гугл-трендс (Google-trends), который позволяет измерять частоту поисковых запросов в Интернете, демонстрирует, что в России с 2004 года про реформы будто забыли: по сравнению с 2004 годом количество запросов информации о реформах снизилось вчетверо. Вот что в реальности реформы значат сегодня в российском общественном сознании, причем не только с точки зрения общественного спроса, но и «предложения» со стороны государства. Вместе с тем нужны ли реформы, можно также оценить по известному рейтингу Ease of Doing Business (показатель условий для бизнеса) Всемирного банка, где мы за несколько лет с 118 места поднялись на 35-е (опередив, например, Францию) — колоссальный прогресс. В Индексе глобальной конкурентоспособности Всемирного экономического форума (ВЭФ) мы поднялись с 58-го на 43-е место. В международном Индексе экономической свободы мы только что впервые опередили Китай. Иными словами, судя по рейтингам, Россия теперь намного лучше выглядит с точки зрения международной конкуренции. Но у всякого, кто наблюдает за реальным положением дел, возникает когнитивный диссонанс. Вроде бы все хорошо и продолжает улучшаться, но чего-то важного все же не хватает. Дело в том, что в нашей экономической политике остаются сложные проблемные места, которые не дают в полной мере реализовать необходимые улучшения.

Нам вполне понятно, какие именно эти узкие места. Российская экономика растет медленно в последние 10 лет — в среднем на 0,4% в год по ВВП — и будет расти медленнее всего

остального мира в ближайшие годы. Для динамичного поступательного развития необходимо расширять узкие места. По нашему мнению, три основных узких места российской экономической и государственной модели — *суд, госуправление и человеческий капитал*. Именно в этих трех сферах за последние годы практически ничего не сделано, а где-то даже очевидно движение вспять.

Это проблемы, через которые нам, к сожалению, не перешагнуть, три главных вызова, которые непреодолимы без реформ, сколько бы мы ни улучшали налоговую отчетность, механизмы регистрации предприятий или что-то еще очень нужное и важное, но по сути своей техническое. Во-вторых, если реформы произойдут, то какими они будут? Цель будущих реформ должна быть, безусловно, модернизационной. Представляется, что будущие реформы начнутся с малого — в какой-то локальной области и притом неожиданно. Сначала властям придется заниматься каким-то экстренным вопросом, волнующим население, а может быть, и бизнес. И лишь потом из этого может развиваться определяющий стартовый импульс, после которого реформы приобретут более фронтальный и масштабный характер. Что, естественно, потребует замены управленческой команды и предъявления широкого спроса на реформы с самых различных сторон. Скорее всего, этот политический интервал будет небольшим, поэтому придется делать много реформ сразу. Рискнем предположить, что для обеспечения политической и конкурентной нейтральности реформ, по всей видимости, несмотря на накопленный в России опыт и компетенции, вновь придется прибегать к помощи международных финансовых организаций и экспертов. Однако, к сожалению, пока кратко- и среднесрочный политико-экономический прогноз складывается не в пользу реформ. Сохранится основная идеология властей — хеджирование рисков и выжимание ренты. Будет по возможности продолжаться накопление резервов, а в случае хорошей конъюнктуры что-то очевидно достанется региональным бюджетам и социальному сектору. В этих условиях реформы, которые подразумевают повышенные расходы и риски, вряд ли возможны.

Экономические итоги 25 лет: что мешает модернизации и экономическому росту России?

Евгений Гавриленков
Канд. техн. наук,
главный редактор «Экономического журнала»
НИУ «Высшая школа экономики»

Рассмотрим, что мешает российским экономическим реформам, что мешает нам расти, что получилось, а что не получилось. В последние два года наметились слабые признаки экономического роста. Впервые инфляция в России снизилась до уровня, который казался недостижимым. На который не рассчитывал даже Центральный банк. На наш взгляд, это один из принципиальных моментов, который закладывает фундамент для последующих реформ, изменения модели роста. С точки зрения макроэкономической политики это исключительно важно. Та же пенсионная реформа (в том числе накопительная система) провалилась во многом по причине высокой инфляции, при которой обеспечить доходность инвестирования пенсионных денег в низкорискованные инструменты было практически невозможно.

Следует отметить, что номинальный валовой внутренний продукт в России в большей степени всегда складывался скорее из высокой инфляции, чем из реальных темпов экономического роста. Это плохо, например, с точки зрения той же пенсионной реформы. Потому что если инфляция высокая, то по закону надо соответственно индексировать пенсии. Если же пенсии индексируются, то это может поддерживать определенный инфляционный потенциал, а также приводить к увеличению дефицита Пенсионного фонда. Таким образом получается, что этот дефицит не может быть ликвидирован, если нет экономического роста. И наоборот, если бы номинальные доходы и номинальный ВВП росли в результате увеличения реального ВВП, а не за счет инфляционной накачки, то этой проблемы не было бы. Поэтому снижение инфляции в 2017 году до рекордных 2,5% было в принципе хорошим сигналом для ситуации в пенсионной сфере.

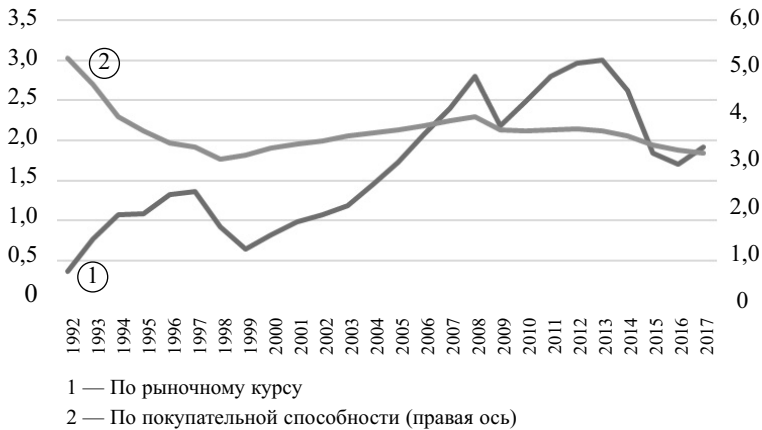
Посмотрим, как выглядят другие страны. В развитых странах, например в США, динамика ВВП и инфляции в среднем за период анализа примерно одинаковы. Такого рода характер экономического развития гораздо проще характеризовать, как долгосрочное динамическое равновесие. Аналогичным образом выглядит ситуация и в других развитых странах, а также многих развивающихся, например в Индии, Южной Корее. В Китае, который растет гораздо более высокими темпами по сравнению с экономиками развитых стран, темпы роста ВВП существенно выше инфляции. В теории чем ближе характер экономического развития к некоей равновесной траектории, тем больше шансов у экономики миновать серьезные финансовые проблемы и длительные периоды рецессии. Поэтому, завершая тему инфляции, уместно повторить, что ее снижение — это большое достижение само по себе, и его нужно иметь в виду при анализе перспектив развития и эволюции макроэкономической политики.

С другой стороны, снижение инфляции может нести потенциальные риски для наполнения бюджета. Если 2–3 года назад, когда средняя цена на нефть падала до 40–50 долларов за баррель, было возможным говорить, что бюджет стал менее зависим от внешней конъюнктуры — от цен на нефть в частности и от нефтегазовых доходов в целом, то пониженная инфляция в сочетании с более высокой ценой нефти вновь создает в России риск того, что доля нефтегазовых доходов ВВП в ближайшее время опять приблизится к 50%, как это было лет семь назад. А это означает, что при падении цен на нефть мы опять столкнемся с рисками стагнации.

Теперь посмотрим на долгосрочные тренды. На рисунке ниже представлены две линии, характеризующие долю России в мировом ВВП начиная с 1992 года — по паритету покупательной способности (ППС) рубля и по его рыночному курсу.

В 1992 году, на старте реформ Россия производила 5% мирового ВВП по паритету покупательной способности, а сейчас 3% с небольшим. Это снижение обусловлено не тем, что в России вовсе не было роста, а тем, что другие экономики росли более высокими темпами. В то же время у России до 2014 года наблю-

Доля экономики России в мировом ВВП (1992–2017 гг., %)

далась более устойчивая тенденция роста доли в мировом ВВП по рыночному курсу национальной валюты. И во многом это сокращение разрыва между рыночным курсом и курсом по паритету покупательной способности говорит о том, что какие-то реформы все же шли. Но и на этом пути были допущены ошибки, которые привели к тому, что во второй половине 90-х годов общественное восприятие слова «реформы» стало резко негативным. Острый кризис 1998 года *не пришел извне, он стал следствием ошибок во внутренней экономической политике*. Когда начались рыночные реформы, в России не было ни банковского сектора, ни финансовых рынков, не было нормально работающего механизма рефинансирования. Поэтому, когда в 1992 году уже не было никакой другой возможности, кроме как отказаться от регулирования цен, сразу возникла проблема — где брать деньги, притом что инфляция съедала все ресурсы. Уместно напомнить, что в 1992 году цены выросли примерно в 25 раз. В то же время ставка Центрального банка была тогда около 20% и была резко отрицательной в реальном выражении. Одновременно были созданы очень либеральные условия для создания банковского сектора. Самые предприимчивые люди

стали вкладывать туда, где легче было делать деньги. В результате первичное накопление капитала произошло именно в финансовом сегменте экономики, сложилась своеобразная олигархическая система, черты которой в некоторой степени сохраняются и сейчас.

Вскоре страну накрыл шок 1997–1998 гг., в частности, из-за непоследовательности макроэкономической политики. На фоне хронически высокой инфляции, продолжающегося спада экономики, проблем в банковском секторе правительство в 1995 году решило резко поменять макроэкономическую политику: ужесточить денежную политику (включая жесткое регулирование курса рубля), в то же время не сумев ужесточить бюджетную политику. В результате резко выросла доходность госбумаг, и на фоне некоторой либерализации движения капиталов для внешних инвесторов и практически фиксированного валютного курса, долларовая доходность по внутренним рублевым облигациям достигала 70–80% годовых. Соответственно возник финансовый пузырь. В начале 1995 года месячных доходов федерального бюджета не хватало даже на выплаты по долгам. Это лишь одна иллюстрация того, что проводившиеся в 1990-е годы реформы практически на всех этапах были незавершенными, непоследовательными, внутренне противоречивыми.

Посмотрим, как МВФ видит будущее экономического роста России. В предыдущие годы мы устойчиво отставали в росте. Среднегодовой рост ВВП в постоянных ценах за последние 10 лет составил меньше 1%. МВФ видит рост экономики России в будущем не более 1,8%. Можно ли достичь каких-то других результатов? Теоретически можно, но пока Россия отстает от среднемировых темпов роста, что не дает ей шансов попасть в пятерку ведущих экономик мира. Для этого нужен рост хотя бы на 3% ежегодно до 2024 года.

Нужно более ясное представление о российской экономике в международном контексте с учетом, в частности, того, что до начала 2000-х годов вообще было непонятно, какой уровень валютного курса можно было бы считать приближенным к равновесному. Курс был зарегулирован, сохранялась масса

ограничений на движение капитала, поэтому более показателен тот период времени, когда Россия вошла в десятку крупнейших экономик по ВВП, рассчитанному по рыночному курсу, и валютное регулирование было существенно ослаблено. Показателен также период после начала проблем с Украиной и падения цены на нефть. В 2014 году Евросоюз и Америка оказали нам очень большую услугу введением санкций до того, как упала цена на нефть (не введением самих санкций, а тем, что подарили первый букет санкций именно до падения цены нефти). В нулевые годы на фоне глобализации и ослабления валютного регулирования в России начал активно расти внешний долг, причем не столько государственный, сколько частных банков и нефинансовых корпораций. Однако займы не способствовали экономическому росту в силу их неэффективного использования. Банки, например, начали активно кредитовать население, что повышало внутренний спрос, который удовлетворялся в значительной степени за счет импорта. Нефинансовые компании, наращивая внешний долг, активно инвестировали в экономики других стран, а не в Россию. Это означает, что с точки зрения стимулирования экономического роста в России эти инвестиции были не только неэффективными, но и просто ненужными. На пике (в первой половине 2014 года) внешний долг находился на уровне примерно 730 млрд долларов, причем первый пакет западных санкций привел к тому, что долг перестал расти просто потому, что деньги нам перестали давать. Второй пакет санкций, объявленный в третьем квартале того же года, уже привел к снижению внешнего долга ниже 600 млрд долларов к началу 2015 года, поскольку кредиты гасились, а внешние займы стало получать гораздо сложнее. Так что к падению нефтяных цен экономика подошла с существенно снизившимся уровнем внешнего долга. Таким образом, санкции как бы подготовили Россию к нефтяному шоку, заранее уменьшив нагрузку на балансы банков и компаний в плане погашения долгов и обслуживания своих внешних обязательств. В результате в 2015 году ВВП сократился на 2,5% — гораздо умереннее, чем в 2009 году. По всей видимости, российская экономика стала в целом более адаптивной.

Отчасти этому помогла относительно консервативная бюджетная политика.

На общей картине экономики стран бывшего Советского Союза по доходам на душу населения по паритету покупательной способности (ППС) Россия занимает далеко не худшее место на постсоветском пространстве (3-е место после Литвы и Эстонии). Это означает, что некоторые экономические проблемы, которые мы здесь упоминали, типичны и для многих других стран, которые имели общую историю, а сейчас имеют весьма различные политические и экономические системы. Различались и характер экономических реформ, и их результаты. Однако простых выводов здесь нет, как нет и простых решений. Во всяком случае, по разному решают свои проблемы страны с сильной централизованной властью (Россия, Казахстан) и прибалтийские государства, в том числе благодаря институциональным реформам и поддержке ЕС, финансовой подпитке МВФ, снижению бюджетных расходов. Есть примеры других стран с доминированием центральной власти (например, Турция), которые растут гораздо более высокими темпами, причем без особых реформ. Поэтому ситуация отсутствия реформ в России также может продлиться долго.

В России нет каких-либо серьезных макроэкономических ограничений для роста. А все наши кризисы всегда рукотворные, обусловленные ошибками в экономической и институциональной политике. Отсюда становится понятным, что России надо улучшать в первую очередь; если оставить в стороне геополитические аспекты, можно заключить, что потенциал улучшения экономической политики в России неограничен. Бизнес-омбудсмен Борис Титов периодически показывает президенту «книгу жалоб» российского бизнеса, очень конкретных и обоснованных, предлагающих широкий набор необходимых решений. Мы же сконцентрируемся на макроэкономических аспектах, которые, в свою очередь, могут либо существенно ограничивать экономический рост, либо его стимулировать.

Один из важных ресурсов, который способен в принципе ускорить экономический рост, — *устойчивый рост потребления*. Когда внутреннее потребление не растет, весь эффект от

импортозамещения носит ограниченный характер. В «докризисный» период (имея в виду кризис, обусловленный геополитическими трениями между Россией и странами Запада, то есть до 2014 года) потребление домашних хозяйств росло довольно быстрыми темпами, даже чрезмерно быстрыми, но регуляторы на этот рост не обращали серьезного внимания (прежде всего речь идет о Центральном банке). В 2012 году, например, потребительские кредиты росли на 3–4% в месяц. В годовом выражении рост достигал 45–46%. И хотя накопленный потребительский долг составляет в России очень небольшую долю ВВП — порядка 15%, что очень немного по сравнению с другими странами, процентная ставка по кредитам была довольно высока — на тот период 22–24%. Возникли известные сложности для населения в обслуживании кредитов и их погашении, что уменьшало располагаемые доходы и в итоге начало тормозить экономический рост. Это никак не связано с претензиями к качеству институтов в стране, на которые поступают регулярные жалобы. Это проблемы макроэкономической политики, которые в принципе могут быть устранены в относительно короткий период.

Очень часто обсуждается тема нехватки инвестиций, необходимости их привлечения. Но куда их привлекать? Если внутреннее потребление не растет, то зачем инвестировать? Тем более что российскую экономику можно считать в какой-то степени «переинвестированной». Потому что когда инвесторы видели растущую экономику в размере 2,3 трлн долларов, то инвестировали в производство товаров для внутреннего рынка, например в автомобилестроение. Но когда экономика после ослабления рубля в 2015 году вдруг сжалась в долларовом эквиваленте почти вдвое, а внутренний спрос не только снизился, но и утратил динамику, то значительная часть производственных мощностей оказалась не задействована. Поэтому не очень понятно, зачем было инвестировать, пока оставалась неясной будущая траектория развития экономики и ожидаемая динамика внутреннего спроса. Таким образом, рыночное оживление инвестиционной активности возможно только тогда, когда рост станет устойчивым и сбалансированным. При этом надо иметь в виду, что

сама по себе высокая доля инвестиций в ВВП не гарантирует экономического роста, если эти инвестиции недостаточно эффективны. В целом доля инвестиций в ВВП у нас находится на вполне нормальном уровне, примерно на среднемировом.

Результат такого положения дел — по-прежнему доминирующий сырьевой сектор, добывающие отрасли. А обрабатывающие отрасли развиваются весьма умеренными темпами. Это еще раз подтверждает, что российский потенциал импортозамещения очень ограничен — по крайней мере до тех пор, пока внутренний спрос не начнет устойчиво расширяться.

И последний комментарий. Политика Центрального банка России (ЦБ РФ), с одной стороны, помогла достичь низкой инфляции, но этот результат в полной мере не был бы возможен без эффекта российских контрсанкций, который позволил быстро нарастить внутреннее производство, особенно в сельском хозяйстве и сельхозпереработке. Внутреннее производство способствовало торможению инфляции, по крайней мере в 2017 году.

Что касается политики ЦБ РФ, то она эволюционировала от крайне мягкой (с отрицательным уровнем реальной ключевой ставки в 2013 году) до крайне жесткой (начиная с 2016 года). Уместно также напомнить, что если с середины 2013 года до конца 2014-го Центральный банк активно занимался рефинансированием банковского сектора — оно выросло в 5 раз (в основном за счет рефинансирования под залог нерыночных активов и недлительный период), то после шока конца 2014 — начала 2015 года этот российский вариант «количественного смягчения» был отменен. В результате Центральный банк резко перешел в другую крайность — денежно-кредитная политика стала одной из самых жестких в мире. В реальном выражении ключевая ставка в России очень высокая. И это также является важнейшим ограничителем роста. Например, хотя ставка по потребительским кредитам в среднем и снизилась в номинальном выражении с 24 до 14–17% годовых, но в реальном выражении остается примерно на том же уровне, что сдерживает динамику потребительского спроса. С конца 2017 года объем потребительского кредитования начал расти, что вновь означает повышение рисков в

силу того, что ставка остается высокой, и нагрузка на текущие доходы экономических агентов по обслуживанию и погашению кредитов увеличивается. Так что есть немало что улучшить, по крайней мере в макроэкономической политике. Крупный бизнес живет в своем космосе, играет по своим правилам. А вот развитие среднего и малого бизнеса при такой банковской ставке в принципе невозможно — для него снижение ставок по кредитам жизненно важно.

В заключение можно отметить, что ожидать масштабных реформ не приходится, но при этом потенциально есть ряд макроэкономических рычагов, которые могли бы помочь оживить российскую экономику.

Структура российской экономики и экономическая политика: реальность и перспективы

Владимир Милов

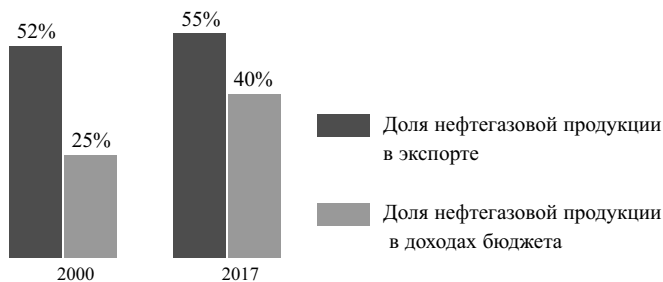
Экономист, директор Института энергетической политики

В 2000 году к власти в России пришли люди, которые в принципе не верят в предпринимательскую инициативу и рыночную конкуренцию. Как объяснил один очень высокопоставленный чиновник, до недавнего времени работавший в структурах власти, для этих людей главное — *выполнение приказов*. Если кто-то из подчиненных не выполнил приказ, то надо поменять исполнителя, чтобы новый человек все-таки выполнил приказ. Поэтому все, что мы обсуждаем, — в Кремле в это не верят и не понимают. Они считают свободную рыночную экономику хаосом. Уже в начале 2000-х годов все экономисты говорили, что темпы роста экономики и нефтяных цен будут со временем падать, что нужно делать какие-то реформы, чтобы благосостояние улучшалось и страна не очень сильно зависела от внешнего долга и нефтяных цен. Но потом цены на нефть беспрецедентно выросли, страна резко рассчиталась по внешнему долгу и стимулы для любых реформ отпали. В конце 2003 года Путин дал предновогоднее интервью по телевидению и с гордостью сообщил, что страна выплатила за один год 17 млрд долларов внешнего долга и даже этого не заметила. В 2004 году министр экономики Герман Греф сообщил, что мы вступили *в эпоху сверхвысоких цен на нефть навсегда*. После чего руководство страны решило, что теперь позволительно вести себя как угодно, что наступило время полной свободы рук. Бремя внешних долгов сброшено и возникла совершенно другая реальность, с огромными денежными возможностями, которых никто не предполагал еще в начале нулевых годов. Поэтому было отброшено заигрывание с реформами, люди у руля страны повернули от рыночной политики 1990-х к антирыночной политике нулевых годов.

За счет чего в последние годы Россия несколько поднялась в международных рейтингах бизнес-климата и конкурентоспособно-

сти? Например, в рейтинге глобальной конкурентоспособности Всемирного экономического форума. Дело в том, что улучшился ряд показателей, которых в методике этих рейтингов десятки. По одному из них мы на 1-м месте в мире — по низкому уровню заболеваний малярией. Помог наш суровый климат. Высоко ценится наше высшее образование. Но уже не среднее — потому что по среднему образованию мы на 50-м месте — ниже Индии или Шри-Ланки, например. Высокие позиции у России по обеспеченности телефонией, мобильной связью. Очень сильно нас двигает макроэкономика — низкий госдолг, низкая инфляция. Но как говорится: что нам с вами с этого в реальной жизни? Важен и размер внутреннего рынка. По этому показателю мы входим в первую десятку экономик. Все эти показатели тянут нас вверх на лестнице рейтингов. В то же время по защите прав собственности мы на 122-м месте. По качеству дорог — тоже на 122-м. По независимости судов — на 90-м. Вообще весь первый блок этого рейтинга (в данном случае — Всемирного банка) посвящен независимым институтам, и мы там располагаемся очень низко. Рядом с Угандой и подобными странами. Это демонстрирует нашу разорванную реальность. У нас нет целостной социально-экономической модели. Есть очень много сфер, где ситуация совсем не в порядке, но есть несколько отдельных областей, которые нас подтягивают к верху рейтингов, как те же нефть и газ. Это и дает нам опасную иллюзию, что у нас все вроде бы все не так плохо с экономикой.

Сырьевая зависимость экономики России (в %)

Источник: В.Милов, И.Яшин. Путин. Итоги. 2018. (По данным ФТС и Федерального казначейства)

Уйдем от банальности, когда структуру российской экономики в основном обсуждают в контексте нефтяной зависимости. Вот наглядная иллюстрация реального состояния экономики в целом.

Все эти годы в каждом ежегодном послании президента Федеральному собранию, в каждом выступлении премьера, министров, кто бы это ни был, постоянно говорится, что главная наша экономическая задача — уйти от сырьевой зависимости. И мы от нее на словах все уходим, уходим, уходим... В итоге по целому ряду важных критериев, прежде всего по доле нефтегазового экспорта в общем объеме экспорта и по доле доходов от нефтегазового экспорта в доходах федерального бюджета, сырьевая зависимость в последние 20 лет неуклонно растет.

И это в принципе всех устраивает. Сформировались мощные группы интересов, для которых такая ситуация комфортна, — им достаточно ресурсов в нефтегазовой отрасли, чтобы распределять их между собой, и, в общем, им ничего больше не надо. К вопросу о спросе на реформы — а зачем этим группам реформы? Кирилл Рогов очень хорошо иллюстрировал, как нефтегазовое сырье вытягивает экономику. Кстати говоря, это связано не только с ценами, но и с объемами добычи углеводородов. *В 2000 году Россия добывала 327 млн тонн нефти, а сейчас около 560.* Объемы добычи очень сильно увеличились во второе путинское десятилетие. Это снизило спрос на реформы.

Обратимся к другому важному показателю — соотношению государственного и частного секторов в нашей экономике. Уже с середины нулевых годов, когда нефть стала серьезным источником для роста самоуверенности российской власти, доля частного сектора экономики начала снижаться. Кстати говоря, даже в Белоруссии, несмотря на то что в ней частный сектор маленький, его доля тем не менее растет. А Россия одна из немногих экономик, кстати говоря, наряду с Украиной при В. Ющенко и В. Януковиче, где доля частного сектора в ВВП снижается. Сколько точно сейчас составляет доля частного сектора в ВВП — предмет острой дискуссии среди экономистов. Права ли была Федеральная антимонопольная служба (ФАС), когда назвала долей госсектора 70% ВВП? Есть ряд расчетов, указывающих на много меньшую

цифру. При этом экономисты, которые доказывают, что доля госсектора ниже, чем 70%, что она на самом деле составляет процентов 40%, как правило учитывают только прямые показатели — перераспределение денег через бюджет. И совершенно не учитывают концентрацию добавленной стоимости в государственных компаниях, которые все больше доминируют в экономике.

Вот свежий пример. Был проведен широкий опрос предпринимателей, их оценки доли государства в экономике, итоги которого опубликовал РБК. Только 10% ответили, что доля государства в экономике скорее не является высокой. 90% ответили, что она высока. Поэтому мы можем обсуждать, какова доля госсектора в экономике — 70, 50 или 60%, но бесспорно то, что государство все больше захватывает контроль даже не в стратегических секторах экономики, а уже в самых обычных — ориентированных на потребительский рынок. Например, провайдер wi-fi нашей конференции — компания «Авантел», частный оператор, работающий для бизнес-структур. Его покупает государственный «Ростелеком». «Ростелеком» занят массовой скупкой различных частных телеком-операторов и других IT-компаний. Еще один крупный пример — ретейлерская сеть «Магнит» и сервис мейл.ру. Но на этом история не заканчивается. У нас почти не осталось частного банковского сектора. Доля госбанков в суммарных активах банковской системы — более 70%, включая не только юридически государственные банки, но и те, что созданы близкими к государству олигархическими структурами, — Всероссийский банк развития регионов, контролируемый «Роснефтью», Новикомбанк и госкорпорации «Ростех» и др. Хотя еще несколько лет назад у нас был достаточно конкурентный и в основном частный банковский сектор.

В целом всеобщее огосударствление экономики привело к тому, что население отучилось самостоятельно зарабатывать.

В начале нулевых годов доля доходов населения от занятия частным бизнесом составляла более 15%. Однако затем наступил «великий перелом», и теперь ситуация из года в год только ухудшается. Меньше 8% — таковы последние данные по 2017 году. Структура экономики, которую реформаторы начали выстраивать

после коллапса СССР, прежде всего, и даже в начале 2000-х годов, была ориентирована на то, чтобы заработала политика и программа поддержки предпринимательских инициатив. Формально провозглашенные намерения правительства продвигать в России предпринимательскую инициативу людей не работают. Мы быстро движемся в противоположном направлении — в сторону патерналистской, перераспределительной экономики.

Вот один из опросов ВЦИОМа в динамике за 10 лет. В 2008 году примерно треть россиян были готовы открыть собственное дело. Сейчас это лишь 22%. И тенденция на снижение устойчивая. Люди перестают думать о том, чтобы заработать на свободном рынке, создать свое конкурентоспособное предприятие. Все больше людей просто хотят прислониться к государству, чтобы получать зарплату, больше средств от централизованного денежного потока.

И наконец, довольно мрачная картинка финансового пейзажа.

*Годовая выручка 15 крупнейших компаний РФ
(млрд руб., 1917г.)*

1	Газпром	5966
2	Лукойл	4744
3	Роснефть	4134
4	Сбербанк	3059
5	РЖД	2133
6	ВТБ	1320
7	Ростех	1266
8	Магнит	1075
9	XS Retail Group	1034
10	Сургутнефтегаз	1006
11	Россети	904
12	ИнтерРАО	868
13	Росатом	865
14	Транснефть	818
15	АФК Система	698

Источник: РБК-500 – рейтинг российского бизнеса.

На темном фоне компании, которые напрямую управляются государством. Еще есть на сером фоне, например, «Сургутнефтегаз», структура собственности которого непрозрачна. Но не поворачивается язык назвать ее частной компанией. Подобных квазирыночных структур много. Например, недавно пришла новость о том, что ВТБ продает часть своего пакета в розничной сети «Магнит» Александру Винокурову, зятю министра иностранных дел Сергея Лаврова, который основал в прошлом году свою инвесткомпанию «Марафон-групп». Эта кампания сразу заняла серьезные позиции в фармацевтике, скупая частные фармацевтические компании и таким образом проявляя одну из важных особенностей нашей структуры экономики, в которой активно действуют такого рода квазичастные игроки. Таким образом, из 15 крупнейших российских компаний только 3 являются полностью частными. Из 30 крупнейших компаний по выручке примерно 70% приходится на компании, связанные с государством. В выручке 100 крупнейших компаний доля государственных структур составляет 55%, что также говорит о доминировании госсектора.

Действующая власть почти 20 лет находится у руля. И тенденции экономической политики достаточно очевидны — *сознательное создание в чистом виде перераспределительной системы*, которая настроена на то, чтобы убивать предпринимательскую инициативу граждан, чтобы перевести основную экономическую деятельность туда, где политическая верхушка может собирать бонусы.

Много говорится про изменение доли РФ в мировой экономике, про общий прогноз, отставание наших позиций в мировой экономике. Пока не видно, как можно развернуть такое развитие событий. Мы много рассуждаем на конкретные экономические темы — о налогах, инфляции, кредитах и т.д. При этом непонятно, как можно перезапустить экономику и совершить рывок в развитии, если не стимулировать предпринимательскую инициативу граждан, не давать им свободу самим зарабатывать. К примеру, появилась новая тема экономической политики — необъявленная война против самозанятых. Основная идея, которую предложил

новый кабинет министров — введение (пока в нескольких регионах) налога для самозанятых — 4% дохода от сделок с физлицами, 6% — с юрлицами, что увеличит налоговое бремя на граждан.

У нас шла большая дискуссия о том, может ли государство эффективно управлять стратегическими отраслями? Это сложный отдельный вопрос. Но что ему делать в нестратегических ретейле и телекоме? Притом что частная телеком-индустрия возникла во многом вообще без участия государства и прекрасно развивалась. Теперь чиновники хотят прийти туда, прибрать к рукам все уже готовое и успешное.

Скажем два слова на старую тему о том, что у нас среди тех, кого считают реформаторами в правительстве, высока толерантность к государственному участию. Дискуссия на эту тему ведется еще с нулевых годов, и многие ссылаются на опыт Южной Кореи и Китая. Но, коллеги, обратите внимание, что за прошедшие 40 лет 90% новых рабочих мест в Китае было создано частным сектором. У нас же даже среди людей, ориентированных на реформы, есть склонность к тому, чтобы государство управляло даже нестратегическими отраслями, накоплен огромный опыт, показывающий, что это не работает. Может быть достаточно инвестиций, но они могут быть неэффективны. Приведу пример 2013 года, последнего докрымского и довоенного. Тогда нефть стоила больше 100 долларов; были рекордные цифры инвестиций: 2 трлн рублей бюджетных инвестиций и еще почти 3 трлн от пяти крупнейших госкомпаний. Но рост экономики при этом почти обнулится. Почему? Потому что на бумаге это были инвестиции, а реально строились плотины на востоке страны, которые работают теперь с коэффициентом использования мощности 30%. Построили 200 тысяч стадионных мест в небольшом Сочи, которые теперь не используются. 50 млрд долларов было инвестировано в инфраструктуру Сочи к Олимпиаде — но как это используется? Можно в Интернете найти массу материалов о том, что все эти объекты пустуют. Газопроводы, которые не заполнены, информацию об их загрузке засекречивают, в том числе по системе Сахалин–Хабаровск–Владивосток. Ее реальная загрузка меньше 40%, притом что 0,5 трлн рублей на их прокладку было потрачено. У чиновников и гос-

компаний нет стимула инвестировать эффективно — они же не своими деньгами рискуют. Они всегда потом заберут деньги на покрытие своих убытков у нас — либо напрямую из бюджета, либо в виде всяких субсидий и налоговых льгот.

Проиллюстрируем сказанное примером электроэнергетики. Здесь сложилась очень неконкурентная среда. Примерно три четверти установленной мощности, причем самой рентабельной, контролируют государство или близкие к нему структуры. Налицо картельный сговор, существующий и в большинстве других отраслей экономики. Плюс это все связано с тем, что государство очень агрессивно занималось повышением цен на газ — в интересах «Газпрома». Идея А. Чубайса о создании конкурентного рынка электроэнергии провалилась, потому что приоритетом реформы энергетики было совсем другое — продажа на рынке мощностей. В 2006 году Чубайс утверждал, что после распродажи активов рынок все расставит по местам. Но вот наш рынок, такой, какой есть, и расставил все по-своему. Все основные мощности скупили несколько крупных концернов. Создали картель, у которого государственный регулятор на побегушках. В этой ситуации низких тарифов ждать не стоит. Нужна конкуренция. Пример, как это бывает, известен. В тех же США уже 20 с лишним лет устойчиво держатся низкие цены на электроэнергию для промышленности на уровне 6–7 центов за кВт/ч. Это показывает, что должен существовать конкурентный рынок, тарифы должны быть другими, должны быть созданы условия для того, чтобы быстро строить независимые мощности, которые удешевляли бы стоимость электроэнергии.

Использование солнечной энергии вселяет оптимизм, так как происходит невероятное удешевление сооружения мощностей. Дайте этому процессу немного времени. На альтернативную энергетику не надо смотреть, как на историю старой большой энергетики. Не надо думать, что солнце и ветер станут новой нефтью и новым газом. Эта структура гораздо сложнее, новый мировой энергобаланс будет более сложен, не будут доминировать традиционные ресурсы — нефть, газ и уголь, а будет больше разных источников энергии, и у каждого будут свои ниши. Солнечную

энергию эффективно использовать там, где это выгодно, там, где солнечные электростанции строить экономически целесообразно. Не следует думать, что солнечная энергетика заменит другие источники. Но в перспективе 10 лет альтернативные источники энергии, несомненно, составят конкуренцию нынешним. Потому что потенциал для технологического прогресса здесь огромный, в отличие от традиционных источников, где он во многом уже исчерпан.

Немного скажем про Парижские соглашения по климату. Российские перспективы нефтедобычи и нефтедоходов в будущем будут сильно зависеть от внедрения электроавтомобилей. Традиционный автотранспорт — основной потребитель нефти. Чем быстрее транспорт уйдет от нефти в любую другую сторону (не только электромобили, но и, например, перевод грузового транспорта и автобусов на природный газ), тем быстрее спрос на нефть упадет. Сейчас электромобилизация мира обрела конкретные черты. У нас есть примерно 10 лет, когда нефть еще будет востребована в той же мере, как сейчас. *Тенденция перехода автопарка на электричество обрушит спрос на нее гораздо быстрее, чем Парижские соглашения.* Готовы ли наши руководители к этому? Нет, они продолжают твердить, что не надо спешить хоронить нефть, что она будет нужна всегда, что скоро все вернется обратно, нефть снова будет стоить дорого. Они не готовы к новой ситуации. Обрушение цен в силу этого приведет к серьезному напряжению в экономике и финансах.

Итак, у нас более чем достаточно доказательств того, что созданная модель господства крупных государственных компаний завела нас в тупик. Как и то, что обратной стороной этой модели является убийство всякой предпринимательской инициативы населения, что реально лишает страну всякой перспективы развития.

Сохраняется ли на этом фоне возможность «новой волны» экономических реформ? Такой перспективы сегодня в России нет. В нынешней политической системе не видно ничего, что может инициировать такие реформы. Более того, превалируют прямо противоположные интересы. Потому что выстроена система сращивания государства с крупными бизнес-структурами. Эти группы

интересов не только не останавливают свою экспансию, но агрессивно наступают в ритейл, в IT или фармацевтику — это все признаки того, что они не остановятся. Это ненасытная машина. Ей нужны все больше и больше активов и контроля. При этом система имеет очень большой запас выживаемости, применяя самые разные ресурсы — финансовые, пропагандистские. Она может в принципе гнить бесконечно. *Изменить это может только одно обстоятельство — крупные изменения в политической сфере.* Когда наши люди в значительной массе скажут, что не желают сохранения статус-кво. Если же общество останется пассивным, экономика и социальная сфера могут продолжать гнить бесконечно.

Трудная судьба российского социального государства

Евгений Гонтмахер

Д-р экон. наук, профессор НИУ «Высшая школа экономики»

Политические события в России и за ее пределами оказывают прямое воздействие на российскую социальную сферу. Например, неудачная монетизация льгот 2005 года совпала с первой «оранжевой революцией» в Киеве, после чего реформы в социальной сфере России были практически свернуты. Подобным образом в 1968 году косыгинские экономические реформы быстро закончились сразу после известных событий в Чехословакии. «Китайский вариант» реформ для Советского Союза был упущен именно в 1960-е годы, когда могли состояться косыгинские преобразования, имелось большое количество сельского населения, богатый человеческий ресурс в городах. Китай, собственно, на этом в первую очередь и развивается. Современную Россию с Китаем сравнивать невозможно. По сути дела, нынешний Китай — это улучшенный вариант СССР времен оттепели 60-х годов прошлого века.

Толкование понятия «социальное государство» было изначально искажено. Оно пришло к нам из Германии XIX века. В 1850 году философ, экономист Лоренс фон Штейн написал книгу о социальном государстве. Проблема русского языка заключается в том, что для многих терминов, которые появились в Европе (в английском, немецком и других языках), нет адекватного перевода. Потому что *staat* по-немецки, или *state* по-английски — не государство в том утилитарном смысле, который мы обыкновенно имеем в виду. Это скорее страна, а также социально-политическое устройство, которое существует в этой стране. В России, когда мы говорим о социальном государстве, то искажаем первоначальный смысл второй части этого сочетания. Лоренс фон Штейн имел в виду именно *социальное устройство общества*, которое представляет некие социальные гарантии, с одной стороны, а с другой — у людей, живущих в нем, сохраняется возможность свободно развиваться.

В России же при словах «социальное государство» автоматически возникают образы всемогущего сакрального государства, распределяемого им бюджета и различных благ и т.д. Пошли вверх цены на нефть — государство раздает деньги, повышает пенсии, стипендии и зарплаты. Цена на нефть падает — приток денег и льготы приходится сокращать. Потому что в идеале, если говорить о социальном государстве по старинке — это баланс между имеющимися у государства ресурсами и теми минимумами благ, которые должны обеспечиваться каждому гражданину, не обязательно в виде денег. Это состояние баланса доходов и расходов, дающее возможность человеку или крупным общественным группам не оказаться на общественном дне. При этом осознание необходимости таких минимальных гарантий не означает их наличия в реальности. Например, в России положение инвалидов остается вопиюще плохим, для них практически не существует никакого социального государства. Законы о защите инвалидов на бумаге, возможно, выглядят неплохо, но в жизни далеко не всегда помогают.

Все институты, не только государственные, но и общественные, так устроены, что выделяют прежде всего так называемые социально уязвимые слои населения — многодетные семьи, безработные, сельские жители, жители малых городов и др. У них нет обыкновенно шансов подняться по социальной лестнице. В России нет эффективных институтов, которые препятствовали бы падению людей на социальное дно, как и тех, которые способны поддерживать и помогать тем, кто по каким-то причинам на нем оказался.

Стоящие у власти в России люди также не понимают, что социальное государство — такое положение дел, при котором люди раскрывают свой потенциал, реализуются через гражданское общество, в том числе через активное участие в политике, чувствуют себя сопричастными тому, что происходит в их стране. В России в 2/3 от общего числа семей кто-то обязательно получает деньги от государства. Мы осознаем социальное государство, в том числе благодаря Конституции 1993 года, как хорошее, если оно что-то дает, и плохое, если ничего не дает. Отсюда в числе прочего и снижение

предпринимательской активности, рост иждивенческих настроений. При этом в Конституции статус России как социального государства зафиксирован, но никаких нормативных документов — например, законов, раскрывающих это понятие, не существует. Хотя было бы неплохо разработать такие законы.

За минувшие 25 лет Россия не смогла преодолеть большое отставание от развитых стран даже с точки зрения финансирования социальных программ. Российская доля расходов на здравоохранение и образование в ВВП в среднем в два раза ниже, чем нужно хотя бы для обеспечения их минимального необходимого уровня. Не хватает не только денег, но и современных институтов в социальной сфере — необязательно государственных. Двукратное отставание в социальной сфере (доля расходов на эти цели в ВВП) является стабильной магической цифрой, которая не меняется в последние 25 лет. В последние годы в федеральном бюджете (да и в других бюджетах) расходы на образование и здравоохранение даже снижаются — по номиналу и в реальном исчислении.

В 1990-е годы в стране были очень острые проблемы, в том числе сильное падение уровня жизни. В нулевые годы в Россию потекли большие деньги, цены на нефть и газ многие годы были высокими. Реальные средние доходы населения с 2000 по 2008 год, до начала мирового кризиса, выросли более чем в два раза. То же касалось зарплат, пенсий и пособий. Россия резко подняла уровень доходов населения, дойдя до уровня ряда стран Восточной Европы, наших соседей по бывшему соцлагерю. При этом новое благополучие *не было нами заработано*. С 2009 года (то есть уже почти 10 лет) российская экономика практически не росла — рост был в среднем менее 1% в год. Реальные доходы населения при этом увеличивались. После 2014 года они стали падать и падают по сей день. Одновременно начала сокращаться доступность бесплатного здравоохранения и качественного образования. Здравоохранение за эти годы вышло в число одной из наиболее тревожащих общество проблем. Это объективно обусловлено тем, что необходимого экономического базиса в виде разнообразной структуры экономики, сильного малого и среднего бизнеса (част-

ного, где люди работают и получают хорошую зарплату, идут в магазины, стимулируют потребительский спрос, платят налоги и т.д.) в нулевые годы мы заложить не сумели. После 2014 года каждый российский человек потерял в среднем 12–15% своих реальных доходов. Социальное самочувствие ухудшается, но пока люди терпят.

В новом (2018 года) майском указе президент Путин предписал правительству снизить бедность в два раза за шесть лет. Эту задачу решить невозможно. По расчетам Высшей школы экономики (НИУ ВШЭ) в России только треть семей имеет необходимые ресурсы для развития. Это означает возможность дополнительно записать ребенка на кружок, провести отпуск если не в Таиланде, то хотя бы не сажая в огороде картошку, сходить в театр, кино, купить книги и прочее, то есть возможности не только выживать, но и развиваться. Бедность — более широкое понятие, чем обеспечение физиологического уровня выживания. *Две трети российских семей — настоящие бедные не только по доходам, но и по возможностям для развития.*

Таким образом, в социальном плане в ближайшие годы никаких чудес не предвидится. Будут приниматься какие-то экстренные меры. Если люди будут активно жаловаться на что-то, чиновники возьмут что-нибудь из резервов и бросят туда, где ситуация критична, чтобы люди не выступали. Никаких реформ также не будет. Повышение пенсионного возраста — отдельная тема. Это попытка сэкономить деньги федерального бюджета, из которого субсидируется Пенсионный фонд. Кстати говоря, федеральный бюджет будет субсидировать и Фонд обязательного медицинского страхования (ФОМС), если будут реализованы заявленные программы — в сфере онкологии, сердечно-сосудистых заболеваний и др. Это все стоит немалых денег.

Непросто будет планово повысить продолжительность жизни. Например, повысить ее с 40 до 55 несложно, условно говоря, надо лишь делать прививки детям. Или строить канализацию, водопровод с чистой питьевой водой. Тогда резко падает смертность от элементарных заболеваний. Во многих африканских и азиатских странах это сделано. После достижения среднего уровня в 60 лет

продолжительность жизни начинает расти уже по более сложной траектории. Здесь нужен совершенно другой уровень здравоохранения, более ответственное поведение самих людей. Большое значение начинают иметь условия труда и тип экономики. Если у нас сохранится экономика с архаичными отраслями, где до сих пор сотни тысяч вредных рабочих мест, то это тоже потребует какого-то решения, чтобы увеличить продолжительность жизни.

В России, согласно опросам, возраст 60 лет считается порогом старости. А в европейских странах, например в Германии, — 70 лет, то есть до 70 лет человек там полон сил, активно работает. По достижении 70 лет он имеет право на то, чтобы и дальше жить полной жизнью, больше не работать, пожинать плоды своей предыдущей деятельности. То, что сейчас в России достигнута средняя продолжительность жизни в 72 года, было обеспечено в основном за счет снижения детской смертности, после того как вложили довольно приличные деньги в перинатальные центры. Но даже после этого мы не достигли уровня европейских стран по детской смертности, продолжая отставать примерно в два раза. Но теперь этот ресурс практически исчерпан. Чтобы приблизиться к 80 годам, как это в указе президента предписано, необходим совершенно другой тип здравоохранения, другой тип образа жизни. Требуется от всех не только бегом и спортом заниматься (записано, что до 55% граждан станут заниматься физкультурой). Потребуется также другая еда, другая экология и многое другое. Все это достигается лишь вместе с общественным прогрессом. Страны примерно с нашим уровнем развития, но с большим развитием общественных и политических институтов, имеют более высокую продолжительность жизни, чем мы. Например, тот же Китай нас опережает. Притом что это страна далеко не демократическая, в которой и с экологией проблемы, и с условиями труда. В Египте сейчас такая же продолжительность жизни, как в России.

Поэтому если мы хотим добиться социального прогресса, он должен оцениваться применительно к человеку, его ощущению жизни. В социологии не так давно начали замерять комплексный индекс ощущения счастья. В современном мире для благополуч-

ной жизни человек должен быть прежде всего удовлетворен собственной жизнью, считать, что вокруг него все более или менее справедливо устроено. Россия занимает по этому индексу 68-е место. У подавляющей части общества сложилось ощущение, что жизнь устроена глубоко несправедливо. Так считают богатые и бедные, молодые и пожилые. Чтобы это поправить, чтобы стать страной, комфортной для жизни, привлекательной для других, нужна кардинальная перестройка всей жизненной среды, а не только социальной сферы в узком смысле.

Какой-то перелом во всем этом возможен только со сменой политического курса, в том числе со сменой правящих лиц и групп. Те люди, которые сейчас определяют нашу политику, а это очень ограниченная группа, не собираются и не будут что-то менять. Им это не нужно. Они имеют доступ к нефтегазовой ренте, которой хватит еще надолго. Общество в целом спокойно, нет никаких массовых протестов. Понятно, что были приняты определенные меры для того, чтобы их предотвратить — политическую конкуренцию ликвидировали, СМИ взяли под контроль, выстроили пропаганду. При этом социального оптимизма в обществе не наблюдается.

Для успешного социального развития нужна свобода, нужен свободный человек, который сможет реализовывать свои возможности. Но это невозможно в той институциональной рамке, которая сложилась в России. Это невозможно, если даже какие-то дополнительные деньги будут направлены в социальную сферу. Одних только денег для этого недостаточно. Необходимо, чтобы деньги поступали в совершенно другой институциональный каркас. Прежде всего импульс развитию могло бы дать всемерное развитие малого и среднего бизнеса, в том числе для него требуется радикально ослабить государственное регулирование и фискальную нагрузку, может быть, даже полностью освободить какие-то категории предпринимателей от налогов. Во-вторых, необходима радикальная децентрализация власти, всемерное развитие местного самоуправления. Надо возвращать на места возможность людям самим заниматься собственными делами. Необходимо осуществить глубокую реформу правоохранительных органов. В Центре

стратегических разработок было подготовлено правильное предложение о создании муниципальной полиции, которая подчинялась бы муниципалитетам, а не Москве. Необходима судебная реформа. Это все должно быть сделано в комплексе. Отдельные меры не помогут.

И последнее. Сильно беспокоит происходящая *маргинализация населения*. Она в России приняла широкие масштабы. Это миллионы людей, которые попали в глубокие социальные ямы. Не получится ли так, что общее количество таких людей в какой-то момент переступит критический порог? И когда у нас вдруг опять откроется «окно возможностей», когда мы будем предлагать людям инвестиции, новые рабочие места, довольно большое количество людей уже на это не откликнется, точнее не сможет откликнуться, не будет готово работать в новой экономике. Это самая большая опасность, которая стоит перед будущим России. Над этим надо серьезно думать уже сегодня.

*Возможности и проблемы экономической
и социально-политической адаптации в условиях
объединения германии, европейской интеграции
и глобального экономического и финансового
кризиса*

Нильс Шмид

*Депутат Бундестага ФРГ, заместитель председателя комитета
по международным делам, министр финансов и экономики
федеральной земли Баден-Вюртемберг в отставке*

Трансформационные процессы в Германии после воссоединения страны в 1990 году шли несколько иначе, чем в Советском Союзе и в Восточной Европе. Перемены, которые происходили в Восточной Германии (бывшей ГДР), были процессами интеграции в другое государство (ФРГ, или Западная Германия), в котором существовала Конституция и развитая рыночная экономика. Восточная Германия была включена в новое политическое и правовое пространство, притом что Конституция ФРГ не была изменена. Там сложился соответствующий порядок выборов в органы власти, то есть тот порядок, который был применен теперь в Восточной Германии. Кроме того, система местного самоуправления распространилась на Восточную Германию. В Западной Германии сильный Конституционный суд; в центре ее правовой системы основные права гражданина. И все эти правовые рамки и принципы были приняты Восточной Германией. В Германскую Федерацию вошли пять новых федеральных земель.

Экономическая трансформация, которую пережила Восточная Германия за последние 25 лет, была связана не только с тем, что она приняла принципы рыночной экономики, но и в силу того, что одновременно происходили *европейские трансформации*. Был создан Европейский союз (1993 г.), куда вошли и новые германские земли. На этот же период пришелся экономический и финансовый кризис 2008–2009 годов.

Рассмотрим три основные фазы трансформации, которые прошла Германия за последние 25 лет. Четких границ у этих фаз нет. Они накладывались друг на друга, взаимодействовали. Тем не менее определенную последовательность событий можно проследить. Сначала объединение Германии, затем объединение Европы и далее экономический и финансовый кризис нулевых годов.

Объединение Германии привело к тому, что на территории страны возникла особая конъюнктура, в том числе начался строительный бум. Однако в Восточной Германии наблюдалась одновременно с этим массовая безработица. В жизни огромного числа людей произошли особые изменения в личной жизни. Кроме того, значительные изменения произошли в индустриальном, промышленном облике Восточной Германии в том смысле, что выявились компании, которые резко сократили свою промышленную деятельность, и такие, которые вообще исчезли с экономического ландшафта Восточной Германии. Произошли значительные изменения и в социальной системе Германии. Пенсионное обеспечение, защита нетрудоспособных, безработных, поддержка детей, родителей, молодежи и др. — все западногерманские принципы социального обеспечения были перенесены в Восточную Германию в полном объеме. Также происходили значительные денежные трансферы, которые переводились из Западной Германии в муниципалитеты Восточной Германии для организации местного самоуправления. В целом можно сказать, что в Германии мы наблюдали совершенно особую ситуацию.

Представьте себе, что у вас есть богатый старший брат. То же самое происходило и в Восточной Германии, куда из ФРГ потекли огромные средства. Выделю еще три особенности, связанные с трансформацией в Восточной Германии. Произошло изменение в валютной системе: прежде всего в Восточной Германии была введена западная дойч-марка, причем по курсу 1:1 к марке ФРГ. Очень важно для государства и общества было то, что таким образом не произошло обесценивания денежных накоплений восточных немцев. Еще один важный момент был связан с имущественными отношениями. Большое количество земельных участков, предприятий, недвижимости вернулось тогда к бывшим западным

владельцам. Если сохранились те или иные объекты, то они преимущественно в натуральном виде возвращались к своим владельцам. И только в том случае, если что-то было уже невозможно вернуть, собственникам полагалась денежная компенсация. О том, насколько мудрым было это решение, можно поспорить, потому что процесс выяснения имущественных прав и отношений из-за этого очень сильно затянулся. Теперь можно сказать, что все вопросы, связанные с имущественными правами в Восточной Германии, решены.

Вторая фаза трансформации — углубляющееся объединение Европы после подписания в 1992 году договора о создании ЕС в Маастрихте. Можно сказать, что это повлекло за собой одну из самых значительных трансформаций, которую испытало народное хозяйство Германии. Был создан единый внутренний рынок ЕС, а кульминацией этого процесса стало учреждение в 1999 году валютного союза (введение единой европейской валюты евро). Интеграционные процессы в Европе оказали на немецкую экономику гораздо большее воздействие, чем трансформации, которые произошли в рамках объединения страны. Сектора экономики, которые раньше имели исключительно национальный характер, были открыты в рамках единого внутреннего рынка ЕС, вступили в конкуренцию с другими странами ЕС. То, что сейчас стало для нас само собой разумеющимся, например свободный выбор поставщиков различных услуг, 25 лет назад невозможно было себе представить. Новые условия, связанные с внутренним рынком ЕС, поставили под вопрос основные столпы немецкого народного хозяйства. Назову четыре сферы, в которых возникли основные проблемы. Первая — коммунальное хозяйство: коммунальные услуги и вывоз мусора. Вторая — общественный транспорт. Третья — система сберегательных касс, которые традиционно в Германии были очень сильны и оказывали особое воздействие на финансовое положение и финансовые потоки в Германии. И четвертая — традиционная общественно-правовая форма средств массовой информации, общественное телевидение, которое подвергается постоянным нападкам со стороны Европейской комиссии, которая обвиняет Германию в том, что не соблюдается конкуренция в этой сфере.

Рассмотрим далее последствия создания европейского валютного союза. Интеграция Восточной Германии и создание общегерманского валютного рынка никакой проблемы не составили. А вот переход от привычной западногерманской дойче-марки к евро вызвал массу проблем. Переход от немецкой марки к евро совпал с тем, что страны Восточной Европы открылись для инвестиционных процессов в ЕС. Все это вместе взятое понизило конкурентоспособность и ухудшило общую ситуацию в немецкой экономике. Она в целом ослабела. Многие эксперты отмечали, что в Германии не самая здоровая экономика, что она «больной человек» Европы. В стране на долгое время были фактически заморожены зарплаты. Органы власти, ответственные за обсуждение тарифов на оплату труда, были вынуждены эти вопросы отложить в долгий ящик. Правительством канцлера Герхарда Шредера были проведены широкие реформы в социальной сфере. «Программа-2010» предусматривала глубокие либеральные реформы рынка труда, сокращение социальной нагрузки, в результате произошла заметная либерализация на рынке труда. Реформа вызвала рост безработицы прежде всего в Восточной Германии, а также появление сомнительных трудовых договоров и теневых доходов. Все это было введено в широком масштабе и дополнительно усложнило жизнь многих немцев. Были протесты на отдельных предприятиях. Германия оказалась в сложной ситуации, потому что испытывала последствия создания рабочих мест в странах Южной, Восточной и Северной Европы, тогда как в стране рабочие места сокращались. Главная отрасль промышленности Германии — автомобильная — также столкнулась с сокращением занятости. Всем известные немецкие автоконцерны построили предприятия в Испании, Венгрии, Польше, в результате чего работа утекла из Германии туда.

Следующая область трансформации — финансовая сфера. Здесь никак не обойтись без упоминания финансового кризиса 2008—2009 гг. Отметим два важных пункта. С одной стороны, дерегулирование финансовых рынков зашло слишком далеко и потому потребовались новые инструменты для их регулирования. Возникла необходимость усиления международного сотрудниче-

ства в сфере налогообложения, чтобы противостоять в странах ЕС уходу от налогов. Кризис вызвал новую волну регулирования и сотрудничества между финансовыми органами разных стран в сфере налогообложения. С точки зрения социал-демократов, правила менялись недостаточно радикально — надо было пойти еще дальше. До сих пор существуют сферы финансового рынка, которые не регулируются: это серая зона финансовых рынков. Например, в Интернете, в электронной сфере, возникли собственные схемы финансового оборота и нужны особые инструменты регулирования, которых пока недостаточно. Важно, что финансовый кризис вскрыл ошибки и недостатки в конструкции валютного союза единой Европы. С одной стороны, у нас общая валюта — евро, но фискальная политика и процессы регулирования испытывают влияние национальных правительств и недостаточно увязаны друг с другом. В результате различия в системах регулирования привели к тому, что отдельные государства попали в долговую яму, как Греция. Единственный институт в Европе, который мог как-то реагировать и влиять на эту ситуацию, это Европейский центральный банк (ЕЦБ). Ему пришлось принимать экстренные меры, которые дошли до границ допустимого, когда ЕЦБ стал брать на себя функции центра экономической политики, притом что ему предписано по уставу заниматься только валютными вопросами и инфляцией

Какие выводы можно сделать на основе этого краткого обзора состояния дел в германской экономике? Нам нужна сильная единая Европа, единая политика — экономическая и валютная. Этим теперь вплотную займется новое германское правительство. Конечно, в координации и сотрудничестве с французами в первую очередь. Германия несет основную ответственность за надежность европейского валютного союза, за его эффективную работу. И она должна взять эту ответственность на себя, принимая соответствующие меры. За 25 лет непрерывных реформ тарифные связи заметно ослабели. Имеется в виду, что в Германии существует система отраслевых тарифных соглашений, которые регулируют рынок труда и трудовые договоры. Эта система сейчас утратила свое прежнее значение для рынка труда. Теперь государство актив-

но вмешивается в эти процессы, напрямую принимая постановления и законы. Это серьезная деформация прежней социальной системы. Например, в Германии законом введена минимальная оплата труда, чего раньше не было. Даже профсоюзы выступали против введения минимальной зарплаты, опасаясь роста безработицы.

25 лет трансформации позади, но промышленность в Восточной Германии все еще сравнительно слабо развита. Новые предприятия, которые там созданы, имеют свои штаб-квартиры не в Восточной Германии — начальство сидит на Западе. Восточная Германия оказалась примерно в такой же ситуации, что и Польша, Венгрия и другие страны Восточной Европы, которые включены в систему разделения труда, но все управляется с Запада, западными концернами. Заводы «Опеля», «Порше», БМВ, например, есть в Восточной Германии, они работают. Но решения принимаются совсем в других местах.

25 лет германской трансформации — это также продвижение альтернативных видов энергии. Продолжается закрытие атомных электростанций, полное вытеснение атомной энергии запланировано к 2029 году. И это также означает большие перемены для всей экономики. В этом году в Германии будет закрыта последняя угольная шахта (имеется в виду каменный уголь). Бурый уголь пока еще останется в использовании на пару лет. А каменный уголь больше не добывается.

25 лет трансформации затронули и демографические процессы. Население страны перестало сокращаться и даже стало прирастать — в основном за счет притока мигрантов. Поэтому надо строить больше квартир, жилых домов. Надо больше вкладывать денег и думать о подготовке кадров, чтобы обеспечить специалистами все отрасли хозяйства, чтобы не было дефицита в специалистах, который уже обозначился в некоторых сферах.

25 лет трансформации — это не просто замена плановой экономики на рыночную, как это было в других странах. Это трансформация всего экономического и социального уклада Германии. Во многих сферах произошла полная перестройка. Страна на глазах очень сильно меняется.

Еще несколько дополнительных замечаний по теме дискуссии.

В статье 20 Конституции Федеративной Республики Германия записано, что это демократическое, социальное, правовое государство. Именно это является основой того, что в Германии принят целый ряд социальных законов. Например, при распределении компетенций между различными уровнями власти четко определяется, кто отвечает за социальное страхование. Кроме того, в Германии сформулирован Основной закон об основных правах граждан всей страны, о праве собственности, но также отмечено, что право собственности должно быть ориентировано на общее благо.

Каковы еще важные эффекты объединения Германии? В договоре об объединении есть несколько конкретных тем, связанных с этим. Например, к вопросам прерывания беременности в Восточной Германии и Западной Германии были разные подходы, но они были сведены в один закон, который регулирует теперь эту сферу. Было много сделано в сфере охраны природы. Один из последних законов, который приняло Национальное собрание ГДР, касался проведения границ природных охранных зон, заказников и заповедников. Все эти границы, особенно на германо-германской границе, были сохранены. Таким образом, в сфере экологии и охраны природы было достигнуто единство подходов. В сфере социально-политической культуры Восточная Германия также повлияла на Западную. Большое влияние на нас оказала практика, которая существовала в Восточной Германии в отношении занятости детей вне семьи. Были введены школы продленного дня, когда в течение всего дня дети могут находиться в школе под присмотром учителей. В Восточной Германии по-прежнему сохраняется более разветвленная система школьного образования. Дело в том, что в ФРГ несколько типов школ. И они различаются в Восточной и Западной Германии. Также нужно отметить, что по-прежнему остается разница в сфере здравоохранения. В Восточной Германии сохраняется знакомая россиянам поликлиническая система, а в Западной Германии в свое время была сделана ставка на врачебную специализацию. Две системы по-прежнему различаются. Из-за сохранения поликлинической системы в Восточной Германии там меньше проблем в

этой сфере. А вот в Западной Германии стационарные больницы закрываются, создаются центры профессиональной медицинской помощи, что вызывает у немцев большое количество вопросов. В партийно-политической сфере единственный вклад, который внесла Восточная Германия — это вполне успешная Партия демократического социализма (ПДС), или Левая партия.

При этом на востоке Германии сохраняется если не советский дух, то некоторое увлечение авторитаризмом. Дело в том, что и в Западной Германии у некоторых все еще есть обычай собираться вечером в пивной и отмечать день рождения Гитлера. В Германии сохраняется с периода Веймерской республики традиция правого экстремизма. И поэтому сейчас сильна партия, которая называется «Альтернатива для Германии» (АДГ). В том числе в западной федеральной земле Баден-Вюртенберг есть это сильное течение.

Меня, как социал-демократа, человека демократических воззрений, конечно же, весьма удивляет позитивное отношение к «сильной руке», как мы говорим. К тому, что российские немцы, которые переезжают в Германию, так любят Путина, а турецкие мигранты так привержены Эрдогану. Наша задача как демократических политиков заключается в том, чтобы не отворачиваться от людей, которые придерживаются правоэкстремистских взглядов, а, наоборот, повернуться к ним лицом, слушать их внимательно и понимать, что их интересы тоже должны быть представлены на парламентском уровне.

Что касается энергетического партнерства Германии и России, то надо понимать, что вскоре оно закончится. Потому что вскоре ни нефть, ни газ нам не потребуются — примерно к 2050 году. Но на ближайшие годы сотрудничество в нефтегазовой сфере останется для нас важной частью деятельности. Мы считаем, что и Европейский союз в целом должен в этом вопросе активно сотрудничать с Россией.

Что касается пропаганды, то если мы демократическое государство, нужно, чтобы возможность высказаться была у всех. В случае с российской пропагандой речь идет не о контрпропаганде, а необходимости последовательно вскрывать дезинформацию.

Активно бороться с тем, что сейчас называют фейк-ньюс. Раньше в Германии было проще, чем сейчас, потому что было всего три основных телевизионных канала. Каждый день в 8 вечера все соби-
рались у телевизора и смотрели одну передачу с обзором событий за день. Сегодня каждый смотрит тот интернет-канал, который ему интересен. Общество очень индивидуализировано, поэтому удерживать его в едином информационном пространстве — огромная политическая задача. Крайне важно также стимулировать образование, повышать уровень осведомленности людей. Стремиться, чтобы у каждого человека могло сложиться свое собственное мнение, чтобы каждый был способен к критическому мышлению.

Часть третья

Гражданское общество или общество подданных?

*Россия: от империи — к нации*¹

Эмиль Паин

Канд. ист. наук, д-р полит. наук,
профессор-исследователь НИУ «Высшая школа экономики»

За прошедшие 25 лет новейшей истории России реформы начинались и обрывались, часто сменяясь контрреформами. Институты засыпали мертвым сном или превращались в мифы. Со своей узкопрофессиональной точки зрения мы попытаемся показать природу этого застоя, инерции, бега по кругу. *Движение от империи к нации и обратно — вот главный смысл данного доклада.*

Несколько слов о терминах, чтобы было понятно, что имеется в виду. О нации. Исторически было несколько этапов формирования этого термина. Сначала нация понималась как племя, потом как этническое сообщество. Во времена Великой французской революции появилось понятие нации как согражданства, связанного с понятием *народного суверенитета*. Возник новый ключевой вопрос о том, *кто источник власти: мы — народ или они — правители*. Но для того чтобы появился реальный народный суверенитет, необходимо гражданское национальное самосознание. Народ может управлять государством, если сначала осознает, что такое народ и что он и есть народ. Это самая сложная и труднодостижимая часть этой формулы. Нация в гражданско-политическом смысле может быть *унитарной*, а может быть и *федеративной*. Именно по отношению к федеративной форме чаще всего проводится сравнение двух территориальных сообществ — федератив-

¹ Эта статья подготовлена в рамках исследования по гранту Российского научного фонда (проект № 15-18-00064) в РАНХиГС.

ного и имперского. Федерация не противоположность нации, а частный случай нации. Французский философ Эрнест Ренан в своей знаменитой лекции «Что такое нация?» (11 марта 1882 г.) именно федеративную Швейцарию представляет как образцовую нацию, подчеркивая, что истоком нации является прежде всего солидарность ее членов в их представлении об общем благе для своей страны.

Когда мы говорим о противоположности нации и империи, то чаще всего произносим формулу: «Империи распадаются». Но ведь прежде, чем распасться, они существовали иногда тысячи лет. Персидская империя — две с половиной тысячи лет, Римская — полторы. А федерация — это новорожденный ребенок, возраст его по историческим меркам ничтожный, еще требуются исторические доказательства того, что это дитя будет жизнеспособно.

Итак, *национальное государство (нация) федеративного типа* — это форма государственного устройства, основанного на горизонтальном объединении территориально-административных единиц, обладающих юридически определенной политической самостоятельностью в рамках союза (объединения) и связанных договорными отношениями и психологией солидарности, сознания некоторых общих интересов, а также определенным культурным единством.

Империя — вертикальная, иерархическая организация государства с неравными правами разных территориальных страт общества. Это *власть без согласия управляемых*. Это не всегда предполагает принуждение, но обязательно отсутствие согласия. Если мы возьмем положение Финляндии в Российской империи, то оно не всегда было основано на угнетении, напротив, с момента присоединения (1809 г.) в ней не было крепостного права, зато были свой парламент и конституция, о которых тогда и мечтать не могли на остальной территории империи. Но Александр Первый дал финнам эти свободы, а Александр Третий забрал, так же как в наши дни Ельцин дал федеративные свободы республикам и регионам России, а его преемник отобрал их. Главное политико-правовое отличие имперского режима от федеративного состоит в том, что право на принятие важнейших политических решений в импе-

риях имеется только у центральной власти, это право одностороннего действия. Власть в федерациях заинтересована в солидарности, а империя основывается на противоположных принципах.

Идея «Разделяй и властвуй» была центральной для существования древнейших империй. Существует она и сегодня, и дело не только в том, что разрозненные субъекты могут объединенно выступить против империй, что заблаговременно пресекается имперскими властями, но и в том, что можно успешно использовать один народ против другого для поддержания покорности по отношению к правителю (как использовали в Османской империи мамлюков и янычар, в Российской — казаков и Дикую дивизию).

Российская Конституция 1993 года создала политико-правовые условия для ответа на вопрос: империя мы или федерация. С юридической точки зрения Россия с 1993 года называется федерацией, потому что *Конституция предполагает народный суверенитет*. Многонациональный народ, согласно ей, — источник власти в России. Конституция предполагает избрание всех глав и субъектов Федерации прямым голосованием народа, устанавливает распределение полномочий и предметов ведения между центром и субъектами Федерации. 90-е годы показали, что процесс освоения национально-федеративного устройства в гражданском смысле начался вполне успешно. Как начался, так и оборвался — тут ничего принципиально нового нет. *С 2000 года в России происходит возврат к централизованной имперской системе*, договоры центра и регионов в одностороннем порядке денонсируются Москвой, происходит изменение власти и государственного управления, пропадают выборы в субъектах Федерации. Для нас главное заключается в том, что в процессе изменения этих условий тонкий слой гражданского самосознания исчез, слинял, был забыт; количество людей, считающих, что они влияют на государство, сократилось в три раза с начала 2000-х годов. Желание людей участвовать в управлении уменьшилось, а комплекс признаков «имперского синдрома», напротив, стал возрождаться и развиваться.

Это тот же круговорот, который мои коллеги обсуждали на прошлых сессиях нашей конференции, отмечая поворот России в

нулевые годы к авторитаризму после кратковременного движения к демократии в 1990-е. Явный и очередной для российской истории срыв процесса политической модернизации обусловил появление в России идеологии исторической предопределенности и рост представлений о фатальной зависимости современной жизни от прошлого пути. Исторический фатализм — характерная черта нынешнего российского политического сознания, проявляющаяся в двух своих разновидностях. Одну из них представляют «охранители» — защитники авторитарного режима, проповедующие доктрину *особого пути России* в качестве идеологического щита, защищающего их от угрозы либерально-демократических перемен. Они отражают восторженное восприятие фатальной предопределенности некой исторической колеи как пути к величию. «Отчаявшиеся» — это другая модель фатализма, разделяемого той частью либеральных интеллигентов (назовем их квазилибералами), которые хотят либеральных перемен, но перестали надеяться на них и фактически соглашаются с консерваторами-мракобесами в том, что культурные традиции России, или, иначе, «культурная колея», не позволяют россиянам надеяться на успех модернизации. Квазилибералы смирились с тем, что у России фатально предопределенный «особый путь», только оценивают его иначе, чем «охранители», — как путь деградации.

Мы давно полемизируем с представителями обеих разновидностей идеи исторической предопределенности имперского пути России и в качестве одного из наших аргументов приведем данные ежегодного мониторинга Transparency International об изменении восприятия коррупции в разных странах за 2000–2016 гг. Эти показатели использованы как частный случай в рамках моих исследований динамики культурных особенностей народов постсоветских государств.

Сравнения индексов восприятия коррупции в Эстонии и Узбекистане могут показаться иллюстрацией кипплинговской идеи «Восток есть Восток, Запад есть Запад, и они никогда не встретятся». Хочу обратить внимание на последовательный рост расхождения в показателях восприятия коррупции населением двух стран. В советские годы сходство таких показателей было характерно для

населения большинства республик СССР. Советская система ломала культурные традиции и сильно унифицировала культурные стандарты, в том числе и в восприятии людьми коррупции. По мере ослабления влияния советских культурных норм (с середины 1990-х), у одних народов открылся путь к саморазвитию, а у других — к деградации. Так у эстонцев восприятие коррупции стало все более негативным (так же как и у их соседей и этнических родственников, единоверцев, представителей протестантской культуры, финнов). В Эстонии самая высокая, среди стран постсоветского мира, доля протестантского населения. Здесь же и самая высокая ориентация на протестантскую этику, которая после устранения советских идеологических фильтров вновь заработала как традиционная культурная матрица, ориентированная на уважение формальных правовых норм. И в Узбекистане после обретения независимости возродились культурные традиции. Только они совершенно иные, чем в протестантском мире, и куда более терпимы к почитанию правителей, к внешнему принуждению и коррупции как норме, поэтому в Узбекистане уровень коррупции начал медленно, но неуклонно расти. В постсоветское время в республике начались процессы отката от тех эффектов модернизации, которые появились лишь в годы советской власти, например урбанизации. Узбекистан стал единственной постсоветской страной, где увеличивается доля сельского и уменьшается доля городского населения.

Итак, мы видим, что существуют факторы, которые способны сильно влиять на культурные традиции, как это было в советское время. Сам прошлый опыт неоднородный, и зависимость от прошлого пути у разных народов разная. Для нас, тех, кто интересуется Россией, особенно важно, что некоторые страны с православной традицией представляют собой примеры чрезвычайно быстрого продвижения политико-правовой модернизации.

Грузия, например, — это часть православного мира, которая в советское время казалась менее других подготовленной к модернизации правосознания и к движению к правовому государству. В Грузии того времени наблюдался самый высокий уровень коррупции и других форм преступности, а также самая высокая доля

«воров в законе» (элиты преступного мира) на душу населения. Но сегодня именно здесь мы видим решительный рост борьбы с коррупцией и, что особенно удивительно, быстрые перемены в массовом сознании: от восприятия коррупции как нормы — к ее оценке в качестве порока. За счет чего это произошло?

Противодействие коррупции всегда требует преодоления сопротивления элит. Именно на этом пункте чаще всего спотыкаются реформы. Если элиты не заинтересованы в изменениях, то они и не появятся. Президент Грузии Михаил Саакашвили, преодолевая сильное сопротивление элит, привлек на свою сторону идеологию национального популизма. Возглавляемое Саакашвили «Единое национальное движение» обеспечило мобилизацию населения преимущественно политическими средствами и лозунгами: «борьба с коррупцией» и «возвращение территорий в единую Грузию». Неожиданная для многих удача Саакашвили (бескровное присоединения Абхазии в 2004 году) обеспечила ему широкую народную поддержку, которую он использовал для проведения болезненных реформ в сфере государственного управления.

Революция национального достоинства в Армении 2018 года — еще одна важная история, подчеркивающая возможность перемен в обществе, которое совершало такие же попятные движения, как и Россия. В 1990-е годы обозначился поворот Армении к демократии, быстро сменившейся уже в конце 1990-х авторитарным режимом, но в 2018-м к власти в этой стране пришли силы, демонстрирующие (пока) курс на либерально-демократическое обновление. Посмотрите на программу их лидера Никола Пашиняна — она в общем и целом повторяет программу Саакашвили. Одна из главных реформ — реформа управления (а вовсе не экономики) с опорой на идею «национального достоинства». В числе первоочередных задач — борьба за всемирное признание геноцида армян, за признание независимости Нагорного Карабаха, за возвращение армян на родину. Предложенная система национально-культурной мобилизации оказалась вполне действенной. Обратите внимание на форму обращения Пашиняна к соотечественникам: «Любимый народ! Гордые граждане республики!» Россию и россиян так

обычно не называют. *России свойственно громадное неверие в силу российского общества.* Такой характер элитарной психологии в значительной мере обусловил возрождение вертикали власти и имперского синдрома. Многие из таких идей родились вовсе не в кругах державников, не в головах российских силовиков. Они пришли из рядов оппозиции. В том числе от либералов: Б. Березовский предложил операцию «Наследник», А. Чубайс — операцию «Либеральная империя», либерал О. Сысуев за два года до Путина предложил идею создания федеральных округов, по сути — идею вертикали власти. Иначе говоря, идея вертикализации была продиктована вовсе не имперскими интенциями в народном сознании. Она в значительной мере была идеей элитарной. Глубочайшее недоверие российской элиты к народу (плебсу) является важнейшим фактором неудач России в политических и социальных реформах.

На нашей конференции много говорилось о том, что у российской власти нет перспективной программы, нет образа будущего. А разве у оппозиционно настроенной части общества такая программа есть, например, в области национально-государственного устройства?

Вместо перехода от империи к нации многими предлагается простое разрушение империи. Является ли целостность страны фетишем, который не подлежит обсуждению? Разумеется, нет, но в правовом и демократическом государстве судьба этого вопроса не может решаться без учета мнения большинства населения, а оно не заинтересовано в распаде страны. И в этом нет ничего удивительного, такой же позиции придерживается преобладающая часть населения в большинстве стран мира. Важно отметить, что в современной *России нет ни одной, хоть сколько-нибудь влиятельной силы, которая выступает за распад государства. Ресурсов для сепаратизма нет ни в одном из российских регионов.* Мы не сомневаемся в том, что серьезный и ответственный поиск направлений формирования гражданской нации в России будет ориентирован не на распад, а на укрепление федерации. К тому же нынешнюю постимперскую систему нельзя назвать устойчивой: она сталкивается с целым рядом новых социально-экономических

и политических вызовов, и это неизбежно воссоздает имперский синдром, точнее его остатки.

Назову лишь несколько существенных факторов, проявившихся в нулевые годы и подготавливающих кризис нового имперского порядка.

Во-первых, изменилась структура этнополитических проблем. В 1990-е сохранялось доминирование традиционной для империй проблемы — поддержания целостности страны в условиях постоянных противоречий между национальными автономиями и имперским центром (самый яркий пример этому — чеченская война в двух ее фазах: 1994–1996 и 1999–2000 гг.), а также противоречий между этнотерриториальными общностями, как, например, между российскими республиками Осетия и Ингушетия в ходе вооруженного конфликта в 1992 г. Угроза распада страны, зримо или имплицитно сопутствующая жизни имперских государств, во многих отношениях воздействовала на политические процессы в России, обуславливая инерцию авторитаризма. Зачастую такая угроза служила для властей поводом для срыва реформ и начала эпохи реакции, а для этнического большинства — фактором воспроизводства этатизма и имперского сознания. Приблизительно к 2010–2011 гг. эта угроза ослабла, уступив место новой этнополитической проблематике. Центр тяжести этнополитических проблем изменился: он переместился из регионов в крупнейшие города под влиянием тех же процессов, что и в большинстве стран глобального Севера, а именно поднявшихся волн этнической миграции населения в города.

Во-вторых, радикально возросшая в постсоветские годы социальная и территориальная мобильность населения более всего препятствует воспроизводству традиционной имперской ситуации. В эпоху классических империй народы, как колонизированные, так и жители метрополии, веками сохраняли свои особые уклады, поскольку большая часть населения рождалась и умирала в границах своих этнических территорий. По переписи 1926 г. даже после невзгод Гражданской войны только 25% населения СССР жили за пределами мест, где они родились, тогда как, по данным последней российской переписи 2010 г., таких было уже

более половины (53,8%). Территориальная мобильность в Российской Федерации иная, чем была в СССР. В Советском Союзе свободное перемещение сдерживалось государственным регулированием перемещения населения, институтом прописки, дефицитом жилья и отсутствием собственности на него. Ныне же массовые миграции сминают «имперское тело», перемешивают население, приводят к целому ряду фундаментальных изменений в поведении людей. Характерно, что в 2018 году наибольшие показатели отрицательного сальдо миграции были характерны для республик Северного Кавказа — еще недавно основного очага этнополитических конфликтов. Многочисленные исследования показывают, что мигранты из национальных республик, оседая в городах России, уже во втором поколении характеризуются радикально иными нормами поведения, чем их сородичи, оставшиеся в республиках. Однако процесс культурной адаптации к новым условиям носит длительный и болезненный характер, он чреват конфликтами между пришлым и местным населением городов.

В-третьих, новые этнополитические процессы положили начало изменениям сущности русского национализма. С самого момента зарождения, со времен образования первой националистической партии («Союз русского народа», 1905 г.), этот национализм был имперским и ставил своей целью сохранение и расширение империи. Однако в 2011–2013 гг., в период подъема столкновений с кавказскими мигрантами в Москве, Петербурге и в ряде других крупнейших городов, русские националисты стали в массе своей поддерживать совершенно антиимперский лозунг — «Долой Кавказ». Этот новый антиимперский пафос в русском национализме сильно ослаб в 2014–2015 гг., когда внимание масс было переключено на события в Крыму и в Донбассе. Вместе с тем политический пульс российского общественного мнения очень неровный, и в условиях растущего недовольства масс российской политической элитой, проявляемого в том числе и горячими сторонниками присоединения Крыма, русский национализм может и ожить. Представители некогда массовых низовых ячеек русских националистов неизбежно будут искать новые формы самореализации, и этот политический ресурс будут пытаться

использовать разные политические силы, и прежде всего популистские.

В современной литературе встречаются неоднозначные оценки влияния политического популизма на демократию. Одни авторы настаивают на том, что популизм по своей сути антидемократичен. Другие защищают и даже превозносят популизм, считая его «подлинным голосом демократии». Нам ближе третья точка зрения, согласно которой популизм не выступает против демократии как таковой (если понимать демократию как реализацию идеи народного суверенитета и принципа большинства), но при этом не соответствует модели развитой *либеральной* демократии. Такая модель демократии возможна лишь в определенных политических условиях, она требует хотя бы минимального уровня институционально политического плюрализма и соответствующей традиции в политической культуре. В тех же обществах, где культура политического участия слабо укоренена в массовой практике и правящая элита не привыкла действовать по демократическим правилам, популизм может содействовать первым шагам к демократии. Так, выход из коммунистической системы и становление демократии в Польше в конце 1980-х гг. неразрывно связаны с именем Леха Валенсы, который и как лидер протеста, и как избранный президент Польши (1990–1995) демонстрировал явные признаки популизма, но при этом объединял вокруг себя представителей разных социальных и этнических групп. Постсоветская Россия также сделала свои шаги к демократии в начале 1990-х гг. при правлении популиста Бориса Ельцина, а успех либеральных реформ и достижения в противодействии коррупции в Грузии нулевых годов во многом связаны с именем президента-популиста Михаила Саакашвили. То же можно сказать и о мирной революции в Армении (весна 2018 г.), которую невозможно представить без ее неформального, «народного» лидера — Никола Пашиняна. В современной России также есть политики,двигающиеся от национал-популизма начала 2000-х гг. к нынешнему протестному, гражданскому (а вовсе не этническому), антикоррупционному и антиэлитарному популизму. Такой популизм может быть одним из драйверов движения к гражданской нации.

Трансформации российской социальности в 1991 – 2018 годах.

Из наблюдений результатов социологических исследований

Алексей Левинсон

*Канд. искусствоведения, социолог, руководитель отдела
социокультурных исследований Левада-Центра, профессор НИУ
«Высшая школа экономики»*

Рассмотрим тему, опираясь на результаты многолетних опросов и исследований Левада-Центра. Мы, социологи, чувствуем свою ответственность за выводы и заключения относительно периодов, которые принято называть историческими. Прошедшие тридцать лет — не просто период в жизни страны, а тридцать лет весьма драматических переживаний народа. То, что у многих людей сохраняется сильная ностальгия по всему советскому, вполне понятная человеческая слабость: людям всегда свойственно вспоминать прошлое в розовых тонах и при этом ворчать по поводу приходящих новых времен. На самом же деле чувства, которые россияне переживают в целом как сообщество, связаны не только с тем, что время шло и что-то менялось, а с тем, что страна пережила колоссальные социальные трансформации. Мы говорим не только о переходе от социализма к некоему варианту капитализма, от советской системы к нынешней. Президент Путин назвал развал СССР величайшей геополитической катастрофой двадцатого столетия. Это точка зрения политика, для которого единицами рассмотрения являются страны, континенты, политические системы. Но для массового российского человека развал Советского Союза — катастрофа другого рода. Ее можно назвать социальной катастрофой в специфическом смысле. Говоря о социальной катастрофе, мы имеем в виду те условия, в которых существовали граждане СССР, так называемые трудящиеся, те социальные рамки, которые сложились за годы существования советского строя. Это типические «места приписки» советского человека: родное предприятие, родной завод, родная школа. Слово «родной» здесь очень

важно. Это структура большого масштаба, которой приписывается то же социальное значение, которое человек приписывает своей семье и своему роду — а это сильнейшие связи.

Развал советской индустрии, как известно работавшей в значительной степени на нужды войны и обороны, был не просто экономическим событием, связанным с динамикой рабочих мест или рабочей силы, — это было *разрушение самих рамок человеческого существования*. Советский корпоративизм предполагал, что все советские люди работают примерно в одних и тех же социальных рамках, схожим образом проводят досуг, потому что всегда есть «дом культуры нашего комбината», место, где осуществляются знакомства, связи. Как и места, где люди получают медицинскую помощь, покупают продукты и т.д. Весь советский жизненный цикл был заключен в такие рамки. В этом же ряду находились пионерские и комсомольские организации, коммунистическая организация (КПСС) — не как идеологические образования, а как объединения людей, которые вдруг в одночасье исчезли. Общество лишилось установившихся сетей и связей, после чего ключевой вопрос о том, общество это или нет, остается дискуссионным. Имеется в виду, что постсоветские люди продолжали жить на одной территории, но утратили при этом основания для своей идентификации.

Мы говорим о событиях, которые произошли около тридцати лет назад. Произошла социальная катастрофа, при которой никто не погиб, не пролилась массово кровь, но при этом она предопределила очень серьезные последствия для российского общества сегодняшнего дня. Среди них не только утрата оснований для локальной идентичности, обнаружения себя в социальном пространстве, но и важные условия, касающиеся поиска своего места в социальном времени. Коммунистическая перспектива и для тех, кто в нее верил, и для тех, кто не верил, оказалась в одночасье утраченной. Те, кто сейчас верен КПРФ, больше не имеют в виду, что в будущем нас ожидает переход к коммунизму. Они не имеют образа будущего, как вообще его не имеет больше никто. Когда на смену утраченной коммунистической перспективе пришла условно новая демократическая, с точки зрения общественного здоровья это был

очень важный переход. Люди поверили, что вскоре мы станем нормальной страной, войдем в европейскую семью народов, после чего будем дальше жить по-европейски. Однако спустя очень короткое время, приблизительно к середине 90-х годов, исчезло ощущение реальности и этой перспективы. Демократическое развитие России было скомпрометировано неудачными реформами, не то чтобы оно было совсем отменено, но как перспектива исчезло. Речь идет не о политических событиях, а о массовых представлениях. Будущее тогда перестало существовать. Это была вторая крупная фрустрация (после краха коммунистических иллюзий), на которую массовое сознание отреагировало совершенно не так, как представлялось ранее. Оказалось, что у россиян есть общее прошлое, есть настоящее, но при этом нет будущего, о котором можно подумать и помыслить.

Социолог Лев Гудков назвал это суровым выражением «аборт будущего». Жесткие слова не означают такого же жесткого ощущения проблемы самими людьми. Мы уже привыкли жить, не задавая себе вопросов о будущем и не давая ответов. Вопрос о будущем не задает себе никакая политическая сила, в том числе правящая. Социолог не может пройти мимо такого примечательного обстоятельства. Общество, у которого нет временного сознания, в некотором смысле дезориентировано. Мы говорим о публичном дискурсе. В рамках бытового дискурса люди прекрасно ориентируются в триаде времени прошлое–настоящее–будущее, рожают детей, берут кредиты — в этой части нет предмета для беспокойств.

Отсутствие чувства и образа общего будущего — важная черта нашего времени. Другая черта связана все с тем же коллапсом советской индустрии, в котором отчасти проявился общемировой тренд, но при этом в России деиндустриализация произошла по другим причинам и другими способами. На смену индустриальному обществу мы получили общество с сервисно-сырьевой экономикой, что также имело колоссальные социальные последствия. Вдруг исчезла привычная старая категория *труда*. Мы уже упоминали важнейшее советское слово «трудящиеся». Обратите внимание, что мы его не слышали за последние годы почти ни разу, притом что в

советское время это понятие было главной формой обращения власти к народу. В наши дни не только власть не говорит на этом языке — среди самих людей идентификация себя как трудящегося практически исчезла, а ведь это очень важно — *быть человеком труда*. Это одна из важнейших основ самоуважения. Потеря этого ресурса не нашла никакой замены. Работать в наши дни — это совсем не то, что раньше трудиться, это обычное рутинное определение себя. На смену понятию «трудящийся» в начале 90-х начало было приходить понимание себя как самостоятельного, самостоятельного индивида, который сам ставит себе цели, сам несет ответственность за свою судьбу. Теперь же, когда мы замечаем, как уменьшается число людей, готовых открыть собственное дело, мы на самом деле видим очередной акт постсоветской драмы. Потому что вместо перспективы стать самостоятельным человеком в свободном обществе опять предлагается перспектива стать частью чего-то, принадлежать чему-то, быть средством для чего-то внешнего человеку.

В этих обстоятельствах последних почти двадцати лет можно не считать феноменом так называемый рейтинг Путина. Что происходит с нацией или с народом, который на протяжении стольких лет одному и тому же лидеру оказывает высокое доверие на уровне 60–80%? Это феноменально. Если опустить тему личных заслуг Владимира Путина, выяснится, что обществу необходима консолидация такого вида. Почему? Потому что никаких других рамок, кроме принадлежности к чему-то великому (а это Россия, великая держава, символом которой является президент), у людей нет. Не будем умалять ни чувств, ни достоинства этих людей — а их чувства очень горячи, но разве не проблематично, что кроме этого людям не к чему себя причислить?

К этому состоянию общество адаптируется с трудом. Самый популярный ответ, который выбирают при опросах большинство россиян: «Жить трудно, но можно терпеть». Тут и проявляется известное долготерпение русского народа: наша жизнь нас не вполне удовлетворяет, но мы продолжим так существовать и не будем протестовать. Опросы показывают также, что о каком-либо серьезном протесте в обществе люди думают все меньше. Перед нами не реальный протест, а протест идеальный, лишь помышляемый.

Даже те, кто на предыдущих этапах истории имел надежды на другой курс развития страны, кто с интересом смотрел на то, что происходило в Украине, кто смотрел в 2011 году во время массовых протестов на Болотной и Сахарова, чья возьмет: Болотная или Кремль, сегодня разочарованы. Многие из них поначалу симпатизировали протестантам, но вскоре им показали, что всякий Майдан ведет к кровавым развязкам, к гражданской войне, что нынешняя власть способна присоединить Крым, не пролив ни капли крови. Это были очень сильные аргументы. В результате огромная часть общества (около 20 млн человек), очень важная и сильная, переменила свою лояльность и находится в последние годы под знаменами великой посткрымской державы Путина.

Мы уже говорили о том, что люди утратили рамки идентичности, которые им давало советское устройство. Говорить о гражданском обществе советского времени не представляется возможным. После краха советских рамок и структур и после того, как на их месте не возникло ничего нового взамен организованной советской социальности, появилось новое массовидное общество. Оно возникло далеко не так и не такое, как на Западе. Мало кто из социологов говорит о нем добрые слова. Внутри такого общества произошло разрушение базовых социальных ролей, в частности мужской роли как фундамента семьи.

Местом приложения «мужского» труда теперь оказалась преимущественно военно-силовая сфера. Когда мы видим, как много в стране охранников или силовиков, надо понимать, что это не только экономическая проблема, но и проявление гендерной драмы, умаления мужского начала. В обществе эта проблема частично компенсируется ростом силовых структур.

Отдельной драматической социальной темой оказалась судьба среднего класса. Существовал ли он в советское время или нет — вопрос дискуссионный. Мы обойдем его стороной. В постсоветское время начал быстро развиваться средний класс в его классических воплощениях. Это были новые самостоятельные хозяева, предприниматели, притом не те, на которых свалилась собственность, а те, кто сам поднимался, от земли, торгуя или производя,

кто чувствовал себя хозяином. Это были люди с очень высокой самооценкой, они ни в чьей помощи не нуждались, все делали и сделали сами, включая самих себя.

С середины 90-х годов рост числа этих людей в стране остановился, с тех пор российский средний класс не растет. А тот формально определяемый класс, который образовался, растет, если измерять его по уровню потребления. Продажа автомобилей и прочих атрибутов среднего класса росла и растет. Кто же эти потребители? В основном «служивые люди», чиновничество, которое увеличивается в путинскую эпоху численно и занимает все больше социального пространства. У них особый вид занятости, особый род деятельности, без прямой связи между усилиями и вознаграждением: их труд и его оплата зависят от места в иерархии и от конъюнктуры на рынках нефти и газа. Там нет места для отношения человека к труду, нет места для трудовой этики, но при этом есть другая мощная этическая составляющая: эти люди осознают себя на службе у государства, они себя называют государственными людьми, или даже государевыми (понятна игра слов).

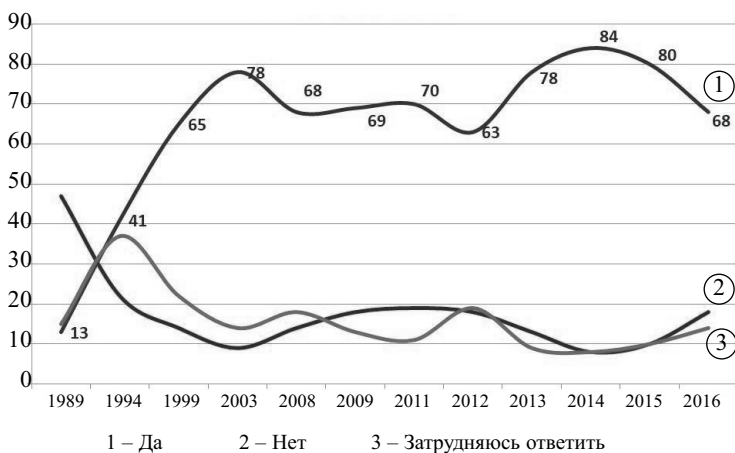
Обратимся вновь к историческому значению присоединения Крыма. Оно состоит в том, что народ большой страны, почти 150-миллионный, получил основания для подтверждения статуса, единственно, как он думает, подобающего для России в мире, — статуса великой державы.

По мнению россиян, великая держава может и должна вести себя так же, как ведет себя другая, несомненно, великая держава — США. США — великая держава, американцы делают буквально, что хотят: хотят — бомбят Югославию, хотят — устраивают еще что-то. Если и мы будем вести себя так же, мы докажем себе и всем, что мы — тоже великая держава. В этом смысле руководитель страны, дав согласие на присоединение Крыма, совершил действие, в полной мере совпадающее с помыслами десятков миллионов людей. Мы поступили так, как мы хотели, мы Америку не спросили. Возможно, в подобном дискурсе много детского, но ничего не поделаешь. Если Петр поднял Россию на дыбы, то Путин снова возвел ее на пьедестал величия.

С марта 2014 года по сегодняшний день за присоединение Крыма к России выступают почти 75% опрошенных граждан — эта доля стабильнее рейтинга Путина. Компромисс не принимается. Санкции Запада — мера, с точки зрения россиян, неадекватная; ради снятия санкций 67% наших граждан не откажутся от великодержавной политики. Только 22% готовы пойти на компромисс: коррекция политики в обмен на отмену санкций.

В таких обстоятельствах необходимо ощущение, что страна окружена врагами, и такое ощущение вполне сложилось. Надо сказать, что оно не всегда было столь очевидно. В 1989 году последствия падения Берлинской стены дезориентировали россиян. Вдруг показалось, что врагов у нас больше нет, что наш враг убежал или исчез. Но с некоторых пор восстановилась привычная ситуация.

Есть ли у России враги (в % от числа опрошенных)

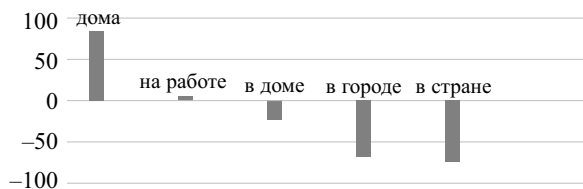
Источник: Аналитический центр Юрия Левады

Страна переживает не лучшие времена своей до- и послесоветской истории отношений с партнерами за рубежом. По разным причинам и с разной степенью взаимной неприязни. И что же? А ничего. Жить в изоляции и даже в блокаде оказывается вполне комфортно.

но. Легкость, с которой обратились к риторике холодной войны активно или пассивно не только люди старшего поколения, но и их дети и внуки, которые про президентов Трумэна и Аденауэра даже не слышали, показывает, насколько это просто и при этом легкопереносимо.

Гражданского общества в его классическом понимании наши опросы не обнаруживают. Людей, которые соответствуют жестким гражданским критериям примерно 2–3% населения, не больше. Они есть, но на капиллярном уровне, они всегда существовали и существуют до сих пор. Именно на них направлен закон об НКО — иностранных агентах. Когда Левада-Центр попал в реестр иностранных агентов, у него был порядковый номер 141. Гораздо более ощутимо гражданское общество в Интернете. Интернет — держава, которая гораздо шире, чем любая отдельная страна, новая мировая держава, в которой можно найти все, что хочешь. При этом россияне живут в нем как анонимы. Быть там, участвовать в разных инициативах, но при этом быть невидимыми для властей — в этом большое преимущество Интернета. Возникает, однако, вопрос: эти люди только там и только так и могут существовать? Нет, порой они выходили в офлайн, когда случалась какая-то большая беда: наводнения, пожары, болезни детей, а сейчас — мусорные свалки. Когда наступает состояние, при котором все равно, что сделает власть, потому что случилось большое несчастье, люди выходят, это становится основой кратковременных гражданских объединений, но большого эффекта от этого пока нет.

*Гражданская ответственность в России
(чувствую/не чувствую ответственность за происходящее,
в % от числа опрошенных)*

Источник: Аналитический центр Юрия Левады

Существует еще одна форма гражданского общества. Те, кому приходилось участвовать в массовых выступлениях (Болотная и т.п.), знают, что внутри этих сообществ существует гражданское общество в его классической форме. Проявляются солидарность, равенство, демократические способы решения всех вопросов. Но заметим, что в российских условиях эти формы недолговечны: часы, дни, недели. Эти же люди быстро выходят из сообществ, и социальные связи прекращаются.

Не развилось чувство гражданственности. Притом что ответственность за происходящее в своем личном доме, как показывает наш опрос, высокая, около 70%, ответственность за положение дел в стране чувствуют единицы процентов. За дом отвечает ЖКХ, за город — другие люди, а за страну — сами знаете кто.

Исследования последнего времени показывают, что российское общество не возражает против закрепления страны на позициях торговца нефтью и оружием, ведущей холодную войну со своими геополитическими соперниками. Оно не видит и альтернативы авторитарному политическому строю внутри страны, хотя негодует против коррупции и произвола чиновников, роста цен и ухудшения состояния среды. Предложенные ранее проекты перехода на путь свободного демократического общества требуют радикального пересмотра и обновления, чтобы завоевать поддержку общества в том его состоянии, которое существует сегодня, и особенно в том, какое будет завтра.

Будущее российского общественного и государственного развития требует научного и общественного обсуждения четырех основных вопросов. Какую роль и место может найти Россия в международном разделении труда? Может ли кардинально измениться характер политического режима при существующем руководстве? Может ли значительно измениться характер режима при возможных персональных изменениях в руководстве, или же правящие сегодня элиты этого не допустят? Есть ли в российском обществе крупные и влиятельные социальные силы, заинтересованные в смене социального и политического строя, какие это силы и какой строй они хотели бы установить на место нынешнего?

Государство и гражданское общество: взаимодействие и подавление

Андрей Медушевский

Д-р филос. наук, ординарный профессор

НИУ «Высшая школа экономики»

Начнем с заявления, что мы едва ли продвинемся вперед, если будем считать российский случай исключительным. В этом смысле непродуктивны популярные ныне концепции так называемого цивилизационного выбора, азиатского способа производства, русской системы, колени и прочие варианты обоснования особого пути. Подобные исследовательские конструкции неприемлемы по ряду общих соображений. Во-первых, все они являются европоцентристскими, исходят из сопоставления России преимущественно с государствами Западной Европы и игнорируют при этом остальную часть мира — Восток, Африку, Латинскую Америку, где присутствуют все основные элементы «особого пути». Во-вторых, эти теории демонстрируют закон экономии мышления — объяснения нетипичных явлений известными традиционными понятиями вместо выработки новых. В-третьих, подобные подходы не годятся практически с точки зрения гражданского общества, потому что если мы всерьез примем теорию особого пути, нам, вместе с обществом, останется роль пассивного наблюдателя исторического процесса, заданного константами и имеющего predetermined результат. Это относится и к обсуждавшемуся «образу будущего». В свободном демократическом обществе единого образа будущего не может быть в принципе. Это феномен традиционного религиозного сознания, которое верит в спасение как единственный путь в будущее. Или тоталитарного общества, которое определяет и навязывает четкую концепцию будущего, причем единую для всех. В демократическом обществе существует столько концепций будущего, сколько имеется групп интересов и индивидов.

Теперь о сути нашего подхода. Мы исходим из когнитивного метода, то есть из анализа установок общества и элит, из той кар-

тины мира, которая существует в умах людей. Эти установки зависят от общей информационной картины, предполагают свободу выбора и возможность его изменения по ходу процесса (чем более длительным он является, тем больше существует таких возможностей). Это допускает корректировку целей, методов и использование комбинированных стратегий по ходу самого процесса социальных изменений. Таким образом, в общественном развитии нет никакого фатализма, а есть сочетание факторов, которые мы должны анализировать. В этом направлении предлагаем взглянуть на отношения гражданского общества и власти по следующим основным параметрам: традиция, принятый обществом социальный контракт и задачи, которые сформулировали элитные группы от имени общества, наконец, комбинация этих факторов с учетом уровня самосознания гражданского общества и тенденций глобальных изменений. Остановимся на каждом из этих факторов.

Что касается соотношения традиций и модернизации, то, вопреки представлениям сторонников детерминистского перехода, это вовсе не линейный, но циклический процесс. Мы обобщили эти явления в рамках концепции больших конституционных циклов. Подобный большой цикл как раз охватывает весь постсоветский период. Суть подхода состоит в том, чтобы выявить конфликтную динамику норм позитивного права и тех меняющихся социальных представлений, которые бытуют в обществе. Таким образом, мы можем выделить три фазы большого современного российского конституционного цикла.

Первая фаза — отказ от предшествующих норм во имя представлений о справедливости. Это то, что мы называем деконституционализацией. В нашем случае в конце 80-х — начале 90-х годов произошел отказ от советской номинальной правовой системы, после чего была предпринята попытка построить новое гражданское общество и правовое государство, в основном на базе западных ценностей. *Вторая фаза* — фиксация этого проекта на фоне завышенных ожиданий. Я называю ее стадией конституционализации. В России эту стадию открыл период кризиса 1993 года, когда жесткое столкновение традиций и модернизации привело к

принятию в целом либеральной демократической Конституции 1993 года, которая включала довольно жесткий механизм власти для предполагавшегося переходного периода. *Третья фаза* наступает после принятия конституции — стадия реконституционализации. Сложный процесс выстраивания соотношения принятых норм и существующей социальной реальности требует их взаимной координации. В результате воспроизводится конфликт между принятой системой позитивных правовых норм и социально-психологической реальностью. Конфликт, который может быть разрешен как на уровне поднятия реальности до правовых норм, так и пересмотром или отрицанием самих этих норм. Если происходит последнее, конституционный цикл завершается и мы возвращаемся к начальной фазе. Исходя из этого, можно сделать вывод, что современное политическое положение России является завершением третьей фазы конституционного цикла. Мы уже очень близко подошли к восстановлению норм и ценностей, которые были в позднем советском обществе. Можно было бы сказать, что подобная цикличность является уникальной особенностью России, но на практике это вполне естественный процесс для многих стран, которые вступили в новую реальность в эпоху глобализации. Речь идет об аналоге реставраций после всех великих революций. При этом не отпадает задача определения политической системы, которую мы имеем.

Представлено несколько точек зрения. Одни утверждают, что в России воссоздан тоталитаризм, но это явное публицистическое преувеличение (формально и фактически не представлены основные признаки этой модели). Другие считают, что развился патернализм, но это тоже преувеличение, поскольку мы имеем в целом рациональную демократическую легитимность государства. Третьи полагают, что построен авторитаризм, но это слишком широкое понятие, не раскрывающее вариативность и динамику трансформационных процессов. *Мы* предлагаем характеризовать общественно-политическую ситуацию России как вариант *ограниченного плюрализма*. Это в каком-то смысле синоним авторитаризма, но более гибкий. Система ограниченного плюрализма предполагает существование государств с очень разными типами полити-

ческих режимов — от тех, которые стали жесткими диктатурами, до тех, которые близки к либеральным демократиям, но корректируют их параметры в соответствии с внешними и внутренними вызовами. Проблема состоит в том, чтобы понять, как и куда движется эта система в рамках концепции ограниченной демократии и каков уровень ограничения демократии, востребованный в переходный период.

Поставив этот вопрос, перейдем к актуальному российскому «общественному договору» и динамике его интерпретации. Он был зафиксирован в Конституции 1993 года как вариант ограниченного плюрализма, предполагавший движение к демократии, но подвергся существенной корректировке в последующий период. Смена этих стадий его интерпретации объясняется не столько злонамеренностью власти и (или) макиавеллистическим коварством ее стратегии, сколько спонтанностью развития российского общества и его реакцией на распад Советского Союза. Более того, реакцией на воспроизводящийся исторический феномен: страна распалась дважды в течение одного столетия, в 1917 и 1991 годах. Поэтому запрос на стабильность у нас был особенно велик, и именно это определило корректировку общественного договора в направлении стабилизационного консенсуса.

Мы выделяем ряд стадий трансформации российского «общественного договора» и основанного на нем условного конституционного консенсуса. На *первой стадии* начала 2000-х годов она выражалась в формуле «Диктатура закона», или «Вертикаль власти». На практике это был пересмотр принципов федерализма, многопартийности, процесс выстраивания властной вертикали и консолидации бюрократии. Содержание этой трансформации состояло в том, чтобы разделить Конституцию как формальный документ и сложившиеся к тому времени реальные общественные формы, которые не вполне соответствуют демократическим правилам игры. Это открывало возможности корректировки институтов без изменения Конституции. Такая модель реинтерпретации правовой системы была принята тогда и самим обществом. *Вторая стадия* пересмотра конституционного консенсуса — 2008 год, когда была четко сформулирована идея приоритета

государственного суверенитета в международных отношениях и преобладания государственной власти над гражданским обществом внутри страны.

С чем это было связано? Полагаем, что это не исключительно российский феномен, но более общий социальный конфликт эпохи глобализации, связанный с неудовлетворенностью многих национальных государств (и их элит) тем местом, которое они занимают в условиях формирования глобализирующегося мира. Этот феномен выражается в протесте элит национальных государств против международных (наднациональных) структур, которые трансформируют реальность внутри самих этих стран. Конфликт является глобальным, но особенно четко проявился в странах Восточной Европы и постсоветского пространства, где оказался сопряжен с мощным консервативно-реставрационным импульсом. В данных условиях выдвижение доктрины государственного суверенитета позволило российской власти, безусловно, умело оседлать этот глобальный тренд, в результате чего мы получили известную доктрину суверенной демократии. Согласно доктрине у нас уже существует демократия (хотя и несовершенная), но внешние силы не должны вмешиваться в ее развитие. Эта корректировка общественного договора также была принята обществом.

Наконец, *третья (актуальная) стадия* трансформации общественного общественного договора — 2014 год — связана с кризисом на Украине, рядом революций на постсоветском пространстве, которые все вместе привели к еще более жесткой фиксации общественного договора в форме стабилизационно-охранительного консенсуса. Его выражением может быть признана доктрина «подавляющего большинства» — подразумеваемой общенациональной поддержки власти и ее политического курса.

Договор теперь выражается в том, что нация, гражданское общество в том числе, передают свой суверенитет не просто государству, но определенной знаковой фигуре, своего рода провиденциальной личности, наделяемой символическим статусом национально-го лидера. Возникла система плебисцитарного авторитаризма или демократического цезаризма, когда общество добровольно делеги-

рует всю полноту власти национальному лидеру. Такая система, новая для России, не является уникальной в сравнительной перспективе, заставляя вспомнить о бонапартистско-голлистской традиции во Франции и ее вариантах в разных регионах мира. Уже говорилось, что французы, казнив короля, создали основу для национального суверенитета, но порой забывают сказать, что французский народ передал тогда власть представлять этот суверенитет гражданину Бонапарту. У него была двойная легитимность: он правил, во-первых, по воле французского народа (демократической легитимности, выраженной в плебисцитах) и, во-вторых, на основании исключительных личных качеств (позднее — монархической легитимности). Так произошло слияние республики и монархии. Это феномен, который мы имеем сегодня в России в виде предельно централизованной системы власти и сверхпредставленного института президента.

Ключевой элемент в этой конструкции — исторически сформировавшийся порядок отношений общества и государства, точнее представляющих его элит. Понятие гражданского общества часто наполняется различным содержанием. Есть мнение, что гражданское общество существовало и в СССР. В зависимости от того, какие параметры — экономические, социальные, образовательные, прочие — мы кладем в основу определения гражданского общества, получаем и разные ответы на вопрос, существует гражданское общество в России или нет. *Мы исходим из того, что гражданское общество существует*, однако оно еще не дошло до осознания своей политической субъектности. В этом смысле процесс формирования гражданского общества в России связан, конечно, с его исторической неразвитостью, но также затрудняется факторами, которые существуют повсюду в мире: а именно глобальной эрозией среднего класса с развитием транснациональной экономики (в западной литературе для выражения тенденции этих изменений используется понятие «прекариат»). Таким образом, *происходит размывание среднего класса как глобальный феномен*, имеющий свои экономические, политические, социальные основы, причем несформированность, слабость гражданского общества в России вполне вписывается в этот тренд.

Почему гражданское общество в России не смогло (пока) обрести свою политическую субъектность? Здесь мы опираемся на данные Левада-Центра. Прежде всего наблюдается психологическая апатия в отношении коллективных общественных действий — невключенность большинства людей в какие-либо общественные структуры. В целом только от 1 до 3% людей участвуют в каких-либо ассоциациях. Сравним с примером шведов, каждый из которых участвует в 3–4 ассоциациях. Другой важный момент — системное недоверие к институтам. Опять-таки это не российский, а общий для Восточной Европы феномен. И заметьте, налицо недоверие к регулярным государственным институтам, которое компенсируется повышенным уровнем доверия к альтернативным или экстраординарным институтам (РПЦ, армия и президент). Наконец, важное значение имеет установка населения на адаптацию к существующим условиям, отсутствие стремления хоть сколько-нибудь изменить эти условия. Здесь правомерно говорить о традиции, стремлении сохранить советские стереотипы, невыраженности идентичности социальных слоев и их особых интересов — все эти параметры сознания четко отражены в опросах общественного мнения и сохраняют значение до настоящего времени.

В целом констатируется разобщенность (атомизация) постсоветского общества, связанная с отсутствием устойчивых социальных связей. Интернет, который ранее рассматривался как возможная форма становления коммуникативных отношений в форме горизонтальных сетей (противостоящих вертикальным), пока не стал фактором преодоления атомизации, во всяком случае российского общества. Здесь говорили, что он может усилить общественную консолидацию. Но возникает вопрос, какую: позитивную консолидацию вокруг гражданских правовых ценностей или, напротив, негативную консолидацию вокруг авторитарно-консервативных стереотипов сознания? Следует помнить, что Интернет — это лишь технический инструмент, который может быть как основой консолидации, так и ее противоположности — фрагментации. Не существует четких правовых основ его деятельности (дискуссия о конституционализации Интернета

находится на начальной стадии); нет определенности в защите интернет-коммуникации от цензуры и разных форм информационного манипулирования; существует проблема перевода общественной энергии в виртуальное пространство, где правила игры не установлены. Все это заставляет с осторожностью относиться к тезису об интернет-демократии как форме консолидации гражданского общества в России.

Признаки несформированности институтов — отсутствие реальной политической конкуренции, правовых механизмов разрешения конфликтов, институционализированных социальных инициатив, и как результат — возникновение негативной консолидации защитного типа в противовес позитивной консолидации, основанной на принятии проекта демократической модернизации. Это означает, что обществу проще искать врага, но не пути того, как изменить ситуацию. Таким образом, формируется доминирующий запрос на стабильность, который, по данным социологов, существует уже долгое время, начиная с нулевых годов. Однако запрос на стабильность как аналитическая категория — довольно коварная вещь, потому что люди по-разному понимают эту стабильность. Для одних — это стремление поддерживать устойчивость существующей политической системы. Для других — стремление противостоять внешним вызовам и угрозам. Для третьих — стремление сохранить демократические правила игры, которые были установлены в 90-е годы, но впоследствии неоднократно пересматривались. Существуют серьезные основания в поддержку данного взгляда: если эти правила будут изменены, то в существующей политической реальности это, очевидно, не будут изменения в пользу демократии. Таким образом, учитывая сложность феномена стабилизационного консенсуса, мы можем констатировать, что он является основным трендом развития гражданского общества и политической системы постсоветского периода.

Однако социологи справедливо указывают, что в настоящее время данный консенсус близок к исчерпанию. Здесь сошлемся на недавнюю публикацию Института социологии РАН: по данным опросов, в течение последних четырех лет увеличилось количе-

ство людей, выступающих против той формы механической стабильности, которая не гарантирует справедливости, равенства, не обеспечивает роста экономики, и в частности преодоления деградации в социально значимых сферах (медицина, образование, налоги, пенсионная система, падение доходов). В результате мы получаем уже новое большинство — 56% населения, которое выступает за прекращение механической стабильности. Таким образом, возникает разрыв между интересом к стабильности и запросом на изменения.

Каким образом наша политическая элита может удовлетворить растущий запрос на изменения? Главная проблема состоит в том, что российская элита не институционализована. Термин «элита», вообще правомерный как социологическая категория, приводит ко многим заблуждениям, когда дело касается выявления значимых особенностей: идеальный тип явления не отражает специфики российского правящего слоя и с этой точки зрения, конечно, нуждается в корректировке. На деле мы имеем по преимуществу продолжение советской номенклатуры — закрытую, иерархизованную и жестко централизованную машину управления, основанную на вертикальных каналах передачи информации и принятия решений. Кроме того, это элита, во многом опирающаяся на сырьевую экономику, отделена от общества, не разделяет приоритетов правового государства, не демонстрирует адекватный уровень перспективного государственного мышления, даже такого, какое было в царской и советской России. Она имеет чрезвычайно ограниченный горизонт планирования. Все это является серьезным препятствием для изменений и ставит вопрос о том, насколько российский правящий слой способен удовлетворить запрос общества на изменения. Этот конфликт запроса и ответа и есть та критически важная точка, которую нам предстоит исследовать в течение последующего периода.

В целом в настоящее время элита не дала адекватного ответа на вопрос о перспективах модернизации или сделала это чисто декларативно. Констатируется необходимость трансформации самой этой элиты. Можно сказать, что это центральная составляющая

устойчивого развития, отвечающая за качество управления в меняющихся условиях. Отчасти некоторые усилия делаются в этом направлении. Они связаны с кремлевским проектом «Лидеры России» и ему подобными, суть которых, по официальному заявлению, — открыть новые каналы мобильности внутри элитного слоя. Однако есть проблема — будет ли эта мобильность реализовываться по линии профессионализма или исключительно по линии лояльности действующей власти. Это ключевой вопрос, ответа на который мы пока не знаем. Понятно, что конфликт запроса и ответа в последнее время в значительной мере снимался внешнеполитической активностью. Сложился консервационный тренд в российской внешней политике, который использует устойчивые стереотипы прошлого для негативной консолидации общества, для мобилизационной поддержки власти. Ясно, что ресурс такой поддержки кратковременный, что историческая и рациональная легитимность будут расходиться и что это успех временный.

В этом контексте правомерен вопрос: как соотносится гражданское общество и механизмы контроля над ним, в частности подавление общественных инициатив властью? Для того чтобы ответить на него адекватно, нужно объяснить, что такое подавление. Мы различаем три вида подавления: общее развитие режима, определяющее его влечение к использованию контрольно-репрессивных мер; превентивные меры по поддержанию текущей политической стабильности; последующие репрессии, которые применяются после выступлений активных групп гражданского общества. Проиллюстрируем разные виды соответствующих практик. Если мы говорим о логике развития постсоветской политической системы, то общий тренд связан с ростом недоверия общества к официальным институтам власти и вызванной этим спонтанной поддержкой неправовых механизмов регулирования. Это явление хорошо показано в книге «Крестный отец»: отсутствие эффективных способов разрешения конфликтов в обществе порождает механизмы появления сильного неформального лидера, который компенсирует неработоспособность официальных институтов неформальными (и

даже криминальными) методами. Таким образом, есть активный запрос общества на эффективную власть и активное стремление самой власти удовлетворить этот запрос, но традиционными способами (с использованием властных рычагов подавления, ручного управления и силовых методов).

Так возникает в конечном итоге феномен эрозии конституционных норм. Важная характерная черта этого явления в России состоит в том, что формально Конституция 1993 года остается в силе, более того, поддержание конституционной стабильности выступает одним из источников легитимации политической власти. Те поправки, которые были внесены в Конституцию в 2008 и 2014 г.г., радикально не меняют конституционного дизайна. Поэтому мы, вопреки ряду критиков, не можем говорить о радикальном изменении конституции как методе политической трансформации. Но важно различать формальное изменение конституции (как текста) и ее преобразование, которое заключается в возможности пересмотра смысла конституционных норм на уровне конституционного и обычного законодательства, федеральных законов, на уровне решений Конституционного суда и правоприменительной практики, всего того, что принято именовать «политикой права». В этом отношении ситуация меняется существенным образом. Можно говорить об эрозии всех основных конституционных принципов, особенно в последний период, таких как демократия, федерализм, разделение властей, независимость судебной власти, гарантии политических прав личности.

Все это имеет прямое отношение к гражданскому обществу. Институт права и публичной политики провел эмпирическое исследование, опрос ведущих юристов страны о том, в какой степени в России реализуются конституционные принципы. Общий ответ заключался в том, что Россия ушла в 1993 г. от номинального советского конституционализма, однако зафиксированные тогда демократические конституционные принципы претерпевают существенное искажение. Можно констатировать увеличение конституционных отклонений, особенно в последнее десятилетие. Нарастание отклонений от конституционных норм происходит по

мере перехода от общих конституционных принципов к более конкретным принципам, нормам и институтам, в частности судебным и административным практикам. Прослеживается тенденция к росту отклонений в направлении репрессивного контроля по мере перехода от центра к регионам. В целом можно говорить об ограничениях федерализма, судебной власти, росте свободы усмотрения административной власти, делегированных полномочий силовых структур, чиновников, расширении применения неформальных практик (ряд из которых граничит с криминальными). Спрашивается: этот общий тренд — сознательная стратегия или реакция на внешние вызовы, является ли он особенностью только России? Нет, не является, ведь во многих регионах мира именно так происходит ретрадиционализация конституционной системы, под общим лозунгом исправления конституций или изменения их толкований в соответствии с «реальностью». Если реальность другая, то, по умолчанию, эти нормы не могут действовать так, как они были задуманы в идеальной форме. Значит, требуется их корректировка.

Данная корректировка имеет системный характер. Она очень важна для понимания того, почему гражданское общество столь неактивно. Практически мы видим последовательно реализуемую стратегию продуманных встроенных амортизаторов, которые задуманы для корректировки конституционных принципов, не меняя их формально. Так, принцип политического плюрализма ограничивается законодательным и практическим сворачиванием политической конкуренции и реальной многопартийности, введением особых зарезервированных зон для государственной власти, для исполнительных структур. Проводится такая трактовка полномочий исполнительных структур, которая размывает границы конституционного и административного права. Принцип разделения властей ограничивается расширением полномочий президентской власти — за три срока президентства глава государства получил более пятисот новых полномочий в разных областях государственного управления. Принцип федерализма ограничивается выстраиванием единой вертикали власти. Принцип независимого суда меняется с введением института назначаемых председателей

судов, которые фактически могут распределять дела между судьями, влиять на их карьеру, что способно воздействовать на квалификационные коллегии судей. Наконец, идет перманентное расширение власти силовых структур в рамках общей концепции защиты безопасности. В результате мы получаем систему, которая внешне остается конституционной, но на деле перестает ею быть.

Теперь перейдем к вопросу о репрессивных аспектах системы. Не уверен, что это понятие, используемое в литературе, точно отражает специфику ситуации, поскольку в российском сознании оно ассоциируется скорее с массовыми репрессиями советского периода. В современной России речь идет скорее о неправомерной, то есть произвольной и выборочной корректировке политической системы с применением судебных, уголовно-правовых и административных методов воздействия, что можно определить как селективные репрессии. Их общая направленность характеризуется тем, что они нацелены на те группы в обществе, которые выясняют смысл процессов и вырабатывают картину мира. С этой точки зрения они ориентированы на СМИ, независимую журналистику, гражданские организации, влияют на формирование таких явлений, как неформальная цензура или самоцензура. Они направлены на политическую оппозицию в широком смысле слова, причем не обязательно либеральную, и на те экономические и общественно-политические структуры, которые поддерживают оппозицию или потенциально могли бы делать это. Важное направление их воздействия — НКО, в отношении которых введен ряд ограничений, включая известное законодательство 2012 года об иностранных агентах. Самостоятельное направление подобных практик — воздействие на региональные элиты. Осуществляется формирование кадрового резервуара, который находится целиком под контролем президентской администрации. Можно сказать, что это своего рода механизм формирования корпуса служивых людей, который воспроизводит во многом старую советскую номенклатуру вместе с принципами их выдвижения, распределения и перемещения во властной иерархии.

Для чего в целом нужен механизм селективных репрессий? С его помощью решается сразу несколько задач: снижение общей гражданской активности, способной выйти за пределы неформально установленных рамок; ограничение деятельности оппозиционных групп и партий как в обществе, так и во властных структурах; поддержание лояльности чиновника не обществу, а административной системе из страха потерять место; направленная кадровая мобильность; инструмент для поддержания обратной связи как эрзац демократической подотчетности; создание новой корпоративной психологии бюрократии и воспроизводство монархических иллюзий населения. Формирование и поддержание веры в то, что добиться справедливости возможно на самом верху, — традиционная русская модель поведения, основанная на искреннем или притворном допущении, что бояре плохие, а царь хороший. Все это вместе вписывается в концепцию гражданского общества, строящегося самой властью — по тем установкам и лекалам, которые отражают ее собственные интересы и текущие предпочтения. В целом эта стратегия регулируемого гражданского общества (или «направляемой демократии») выражается в новой концепции политики, которую дал Минюст по запросу гражданского общества — представителей НКО. Минюст определил политическую деятельность как всякое воздействие на принятие решений административными органами. В принципе это допустимое определение, если следовать пониманию политики такими авторитарными мыслителями, как Макиавелли или М. Вебер. Но оно едва ли подходит для современного гражданского общества, которое исходит из того, что механизм принятия решений должен находиться под контролем общества, функционировать при взаимодействии общественных организаций с властными структурами, включать подотчетность власти и допустимость критики тех или иных действий власти со стороны общества.

Система продолжает меняться на наших глазах. Посмотрим результаты выборов в Государственную думу 2016 года, которые продемонстрировали следующие тенденции. *Одна тенденция* — дальнейшее движение общества к политической апатии (явка

составляла приблизительно 47% от числа людей, которые могли принимать участие в выборах). Причем процент голосовавших в столичных городах был еще меньше: Москва и Петербург, по существу, устранились от этих выборов. *Вторая тенденция* — мобилизационный тип голосования в пользу правящей партии. Подавляющее большинство людей, принявших участие в выборах, голосовали только за эту партию. И *третья тенденция* — делегирование имиджа правящей партии национальному лидеру. Происходит качественное изменение политической системы. Конечно, элементы плебисцитарного авторитаризма существовали у нас уже со времен Бориса Ельцина. Однако эта формула в полном смысле не действовала, поскольку не было столь массовой поддержки лидера. На президентских выборах 2018 г. эта поддержка была получена. По существу, возникает комбинированная легитимность, то есть соединение в одной формуле народной и персоналистской легитимности. Исторические аналоги демонстрируют ряд общих черт системы *демократического цезаризма*, начиная с перехода от республики к империи в Риме до современных бонапартистско-голлистских ее интерпретаций в Европе и Латинской Америке. Суть системы демократического цезаризма в том, что лидер представляет нацию в целом, не связан исключительно с одной социальной группой или партией, лавирует между противостоящими интересами. Характерными признаками данной модели являются двойная легитимность, антипарламентаризм; общее недоверие к политическим партиям, которые в таких системах сходят с основной политической сцены; непартийное техническое правительство, централизм, бюрократизация госаппарата и формирующийся над всем этим статус национального лидера.

Такая модель в переходный период может быть успешной. Как показывает опыт ряда стран, она действительно на время решает проблемы расколотого общества, позволяя объединить общество и власть для решения внутренних или внешних проблем. Но подобная система может быть эффективной только в краткосрочной перспективе. Со временем начинается ее стагнация, поскольку она основана больше на эмоциональном порыве, нежели на рацио-

нальном конструировании институтов. Кроме того, данная система действует эффективно лишь постольку, поскольку главе государства сопутствует успех. Он постоянно должен поддерживать имидж сверхуспешного лидера путем внешних и внутренних политических инициатив. Как только удача уходит, система вступает в период кризиса и в итоге прекращает существование. *Это именно та стадия, на которой мы находимся в настоящий момент.*

Поскольку важно понимать, каким мы видим будущее и какие трансформации системы возможны, выскажем ряд предположений. Современная российская политическая система имеет три возможных вектора развития. *Один вектор* — стагнация, ведь нет никаких оснований считать, что данная система не может существовать без изменений еще некоторое время. Это позволяют ресурсы и апатия общества, полная зависимость элиты от лидера, выступающего в качестве автономного института, наделенного огромными властными полномочиями. *Второй вектор* — распад системы в результате внутренних конфликтов или внешних вызовов и давления. Данный вектор способен реализоваться с большими социальными издержками в виде политической революции, государственного или дворцового переворота. Насколько общество и либеральная оппозиция выиграют от подобного развития событий? В этом есть большие сомнения. Как правило, в результате крушения авторитарных режимов к власти приходит левая оппозиция, а вовсе не либеральная, что не исключает воспроизводства авторитаризма в других идеологических и правовых формах. Поэтому заявления о предпочтительности революционного сценария свержения власти — совершенно неконструктивны. *И третий вектор* — реформы, модернизация, которые осуществляются сверху при активной поддержке мыслящей части общества. Классическая российская традиция революции сверху в виде радикальных реформ, по-видимому, сохраняет значение. *Этот путь представляется оптимальным с точки зрения умеренности социальных затрат.* Конечно, было бы наивно надеяться в течение ближайших лет построить в России либеральную демократию западного типа. Такие иллюзии только вводили бы общество в заблуж-

дение. Поэтому реальный выход — постараться проложить средний курс между различными типами авторитаризма. Мы не случайно использовали концепцию ограниченного плюрализма. Нужно добиться, чтобы он эволюционировал от жесткой авторитарной трактовки к такой версии, которая допускала бы конкуренцию элит или хотя бы их интересов.

В условиях апатии гражданского общества и консерватизма элиты наиболее целесообразный вариант — постепенное движение от авторитаризма к «демократии элит», то есть введение такой системы ограниченного плюрализма, которая предполагает расширение политической конкуренции внутри правящего класса, создание четких правил игры и политико-правовых конвенций по линии соотношения правящей партии и парламентской оппозиции. Инструментами поддержания данного контракта элит (следуя международному и, в частности, европейскому опыту переходных процессов) могли бы стать: разделение правящей партии на две (условно говоря, «консерваторов» и «прогрессистов»), введение ограниченной политической конкуренции с последующим созданием условий для перехода от имитационной многопартийности к реальной; проведение круглого стола с юридически обязывающей фиксацией договора (возможного и с привлечением внепарламентской оппозиции); поддержание достигнутых договоренностей внешним арбитром (например, Конституционным судом); в конечном счете — преодоление отчуждения между властью и обществом по линии общих целей программы преобразований. В принципе эта эволюция могла бы выглядеть как переход от режима плебисцитарного авторитаризма к современной форме смешанной президентско-парламентской (или парламентско-президентской) республики: глава государства из Цезаря превращается в принцепса (первого среди равных) — арбитра в спорах между ветвями власти, но не доминанта.

Общим вектором данной стратегии выступает возврат к аутентичной модели смешанной формы правления, как она представлена в концепции Пятой Французской республики, послужившей ориентиром для разработки российской Конституции в 1993 г. В рамках этого подхода целесообразно обсуждение таких

тем конституционного конструирования, как восстановление баланса законодательной и исполнительной власти; ограничение сверхпредставленных полномочий главы государства; введение реальной парламентской ответственности правительства; обеспечение независимости судебной власти; представительства общественных интересов и многопартийности; либерализация законодательного регулирования условий добросовестной политической конкуренции, правового статуса политической оппозиции и, напротив, пересмотр норм, ограничивающих осуществление прав в протестных целях, на практике ведущее к установлению доминирования одной партии. Чрезвычайно важным компонентом этих размышлений должно стать введение понятных и прозрачных процедур смены лидерства (особенно актуальных в свете активно обсуждаемой проблемы транзита власти в 2024 г.).

Ключевой для политических реформ является проблема лидерства: насколько оно отражает ситуацию в обществе и насколько ее формирует. На Западе существует классический популизм, который противостоит элитам, но есть также особая форма популизма, когда главным популистом является сама власть. Это — ситуация России, в которой властный механизм создает дисциплинированный популизм как ресурс собственной социальной поддержки, оставляя его под контролем действующей элиты и позволяя ей маневрировать, играя на смене общественных приоритетов и запросов. Такой популизм помогает власти удерживать ситуацию под контролем до тех пор, пока ей удастся соответствовать конструируемым ожиданиям общества. Если говорить о конкретной личности лидера, то она, конечно, имеет принципиальное значение. С одной стороны, Путин умело выражает настроения общества, но с другой — не менее умело формирует их. Коротко можно определить личность Путина фразой, адресованной некогда Кромвеллю: *недостатки этого политического деятеля компенсируются столь же большими его достоинствами*. Путин выражает настроения общества и формирует их, направляя для достижения своих реальных политических целей.

В интерпретации российского политического процесса, основанной на представлении о его исторической исключительности,

вопрос о сравнительных преимуществах и недостатках этой модели власти, равно как и о вариативных перспективах ее трансформации, вообще не ставится или предстает второстепенным. Чаще всего приходят к заключениям, напоминающим порочный круг: в России существует такая власть, какое общество, или общество, похожее на власть. Иначе говоря, представлена система, которая опирается на состояние общества, но одновременно пытается закрепить это состояние. Поскольку эта система достаточно монолитна, она предстает неререформируемой. Мы пытались показать ограниченность такого подхода, демонстрирующего пребывание его адептов в своеобразной «интеллектуальной колее». Для выхода из нее мы схематично представили эволюцию правовых принципов и политических практик, логику институционального развития и вариативные параметры политического конструирования. *Стабилизационный консенсус и консервативная устойчивость политической системы не говорят об отсутствии перспектив ее модернизации.*

С этих позиций возможен ответ на вопрос, какие силы способны осуществить программу реформ. Кто возможный субъект перемен? Выход из политической стагнации, как было показано, возможен только в случае осознания гражданским обществом своей субъектности и готовности отстаивать сформировавшийся запрос на социальные перемены. Но ответ на этот запрос может дать и власть — политическая элита, особенно если она способна оценить долговременные стратегические перспективы развития.

Как показывает мировая история, реформы политической системы возникают в силу внутренней логики ее эволюции. С одной стороны, некоторые авторитарные лидеры, уходя от власти, закладывали основы для трансформации системы в более либеральную. Этот шаг дает авторитарным лидерам возможность получить более широкие гарантии безопасности после ухода от власти. Такие варианты транзита представлены во многих регионах мира, они наметились и на постсоветском пространстве. Другая возможность изменений — вынужденность реформ в условиях внутриэлитного конфликта, когда действующий лидер идет на них для отстранения консервативных оппонентов от власти. Третья возможность —

переход власти от одного лидера к другому, когда новый лидер, стремясь получить поддержку в обществе (или парламенте), должен пойти на определенные либеральные изменения политической системы. Феномен Александра Второго и Михаила Горбачева в русской истории показывает, что такая возможность далеко не исключена. *Что касается либеральной оппозиции, то следует говорить о необходимости союза либеральной оппозиции и просвещенной бюрократии.* Это та форма политической коалиции, которая возникла у нас в ходе Великих реформ 1860-х годов, отчасти была воспроизведена в период перестройки и сохраняет свое значение.

В заключение хотел бы резюмировать перспективы конституционной реформы. Очевидно, что его академическое обсуждение вполне свободно в определении масштабов, целей и средств осуществления, однако практическое обсуждение имеет смысл только в контексте текущей политической ситуации. При абсолютном доминировании правящей партии как в центральном, так и в региональных парламентах исход подобной реформы не вызывает сомнений. Поскольку партия «Единая Россия» имеет конституционное (квалифицированное) большинство, все конституционные и законодательные поправки будут приниматься исходя из преемственности существующей системы и ее сохранения в будущем. Поэтому в настоящее время для демократических сил постановка вопроса о конституционной реформе не актуальна, а ее практическая реализация может привести к отказу от тех либеральных принципов, которые в ней закреплены.

Какой в этом процессе может быть роль российской либеральной оппозиции? Задачи либеральной оппозиции состоят, *во-первых*, в том, чтобы создать консолидированный проект конституционных преобразований, который может оказаться востребован в условиях изменений политического режима; *во-вторых*, в том, чтобы в текущей перспективе сохранить либеральную Конституцию 1993 года, добиваясь ее выполнения, и, в частности, отмены тех контрреформ, которые были проведены в последние годы; *в-третьих*, в выполнении функции медиатора между гражданским обществом и перспективно мыслящей частью политической элиты. В этом состоит важная символиче-

ская функция либеральной оппозиции. Она заключается в формировании и представлении обществу авторитетной либеральной контрэлиты. Не властвующей, но такой, которая пользовалась бы доверием гражданского общества, выражала ценности общественности, вообще либеральной интеллигенции. Такая *неправящая элита*, пользующаяся авторитетом и доверием общества, способна стать интеллектуальным центром реформ, предложить концепцию демократической трансформации политических структур по всем важнейшим направлениям. Именно это может открыть перспективу движения России к демократизации более высокого уровня.

*Гражданское общество и память.
Взгляд на германо-российские отношения
из восточногерманской перспективы*

*Арне Литц
Депутат Европейского парламента*

Я родом из маленького города в Бранденбурге. В ГДР моя семья представляла собой пример оппозиционного поведения. Точно так же, как в Польше была политическая организация «Новая солидарность», в ГДР существовала партия «Новый форум». Я буду говорить о памяти о нашей восточногерманской диктатуре. О памяти на западе и на востоке страны и также о том, как в Восточной Германии относились и относятся к российско-германским отношениям. Это по-прежнему актуальная дискуссия.

Не было единого общественного дискурса относительно того, как должна выглядеть память о прежних периодах в истории Германии: в отношении национального строительства, социализма в ГДР и сталинизма в СССР. На востоке Германии существовал единый дискурс, директивно заданный восточным государством, в этом его кардинальное отличие от того, как история немецкого государства обсуждалась в Западной Германии. На Западе в 1968 году началось гражданское движение, которое занялось критическим осмыслением прошлого вскоре после поражения нацистского режима. Тогда молодое западнонемецкое поколение неожиданно обратилось к старшему поколению с вопросом: какую роль вы играли в период национал-социализма, что делало ваше поколение, что делал тогда каждый из вас? В Восточной Германии, в ГДР, такой вопрос не возник, официально было принято мнение, что все бывшие фашисты уехали из ГДР в ФРГ. И поэтому Берлинская стена, которая была построена для того, чтобы восточные немцы не могли уехать в Западную Германию и вести там свободную жизнь, в ГДР называлась по-другому: антифашистский вал, антифашистская стена. Она защищала Восточную Германию от возвращения фашистов.

Таким образом, в Восточной Германии произошел переход от одной системы пропаганды (нацистской) к другой (антифашистско-коммунистической). Такого слома диктатуры, который случился после 1945 года в Западной Германии, в Восточной не произошло. Старую диктатуру тут же сменила новая. В Восточной Германии также существовал поддерживаемый властями культ Сталина. Для меня это очень интересная тема. Я проводил обучающие семинары для учителей истории, которые жили при социализме и восхваляли его. Теперь они не только должны преподавать историю национал-социализма в рамках уроков истории, но и преподавать ту часть истории, которая касается социализма в ГДР, частью которой были они сами. То, что произошло в ФРГ в 1968 году, испытали эти учителя в 1990-е годы. Учителя, будучи не такими молодыми людьми, задались вопросами о том, чем занимались их родители при национал-социализме. У них возникло естественное желание разобраться в своей собственной истории, они критично начали взирать на тот социализм, частью которого они были. Поэтому мы сейчас наблюдаем интересное явление: подобно тому как в 1968 году произошло критическое переосмысление прошлого в ФРГ, через много лет после объединения Германии стало формироваться критическое отношение к социализму на востоке страны.

В Интернете молодые люди проводили опрос и обратились ко всем с призывом: узнайте, чем занимались ваши родители при социализме. Может быть, они были в оппозиции, или, наоборот, работали на Штази? Несколько сот молодых людей организовались, провели в течение нескольких уикендов семинары, опубликовали книгу и даже проехали на автобусах по Восточной Германии с лекциями о выводах исследования.

Такие явления, как воспоминания о «Хрустальной ночи» 9–10 ноября 1938 года, когда была резня евреев, в Восточной Германии не упоминались, это было под запретом, потому что власти не хотели разжигать местные настроения, потому что были живы еще люди, участвовавшие в этой ночи со стороны фашистов. После 1990 года занялись и этим вопросом. В частности, был реализован проект «Камень преткновения». Участвовали в этом местные краеведы и молодежь, стараясь узнать, откуда евреев депортирова-

ли, из каких домов увезли в концлагеря и сожгли. Сделали бронзовые таблички с именами людей, с датами депортации. Они вмонтированы в брусчатку перед подъездами домов. Человек идет по улице и натывается взглядом на них, узнает, кто здесь жил и когда его депортировали. Такие камни теперь можно встретить по всей Германии. В Гамбурге была поставлена тысячная такая табличка, их установкой занимались церковные, правозащитные организации и простые люди. Нечто аналогичное проводится теперь в России. Мы недавно говорили об этом с директором музея ГУЛАГа в Москве. Акция называется «Последний адрес», только таблички устанавливают не на мостовой, а на стенах домов. Посвящены они жертвам массовых сталинских репрессий.

В музеях, местах памяти Германии, также поднимается вопрос о том, что же происходило в Восточной Германии в эпоху советской оккупации. Есть в Германии День памяти о 17 июня 1953 года. В тот день в ГДР, в Берлине, произошла забастовка, потом восстание рабочих с социальными требованиями и требованиями в защиту своих свобод, и с ними очень жестоко расправились тогда. Этот день впоследствии стал Днем немецкого единства. Но это была одноразовая акция, глубокая традиция не сложилась. Гражданское общество не стало вспоминать этот день.

Я хочу более подробно остановиться на отношениях Восточной Германии и России. В Восточной Германии существовало Общество германо-советской дружбы, эта дружба насаждалась властями ГДР. Вследствие этого жители Восточной Германии лучше, чем западные немцы, знают русскую и советскую литературу, кино, мультфильмы и т.д. Особое отношение к русской культуре сохранилось отчасти благодаря журналу «Спутник» на немецком языке, который тогда массово распространялся в ГДР. В ГДР во время Горбачева его даже запретили, потому что это было время гласности и перестройки, в журнале появились острые критические статьи, что не понравилось властям ГДР.

Иначе, чем в Западной Германии, в Восточной Германии относятся к ситуации с Крымом. Демократические традиции на востоке Германии еще не такие сильные и укорененные, как на западе. Я считаю, что политическое просвещение, образование, открытые

дискуссии на востоке Германии нужны в этой связи намного больше, чем на западе страны. Большой резонанс в стране вызвало обсуждение популистской программы партии правого толка АДГ («Альтернатива для Германии»). Писали о том, что она получала финансовую поддержку со стороны России, ее политики совершили поездки в Крым, что вызвало критическое отношение в обществе. При этом партия на востоке набрала 24% голосов во время парламентских выборов. У нее в целом более критическое отношение к западным санкциям, она хочет наладить отношения с Путиным, большое число немцев выступают за отмену санкций против России. Я как политик считаю, что хотя мы тоже выступаем за диалог с Россией, к этому надо быть более внимательными и критичными. Мы выступаем за широкие обмены с Россией, у нас есть соответствующие программы для школьников, представителей гражданского общества, многие предприниматели говорят по-русски, и мы должны, я считаю, всячески расширять экономическое сотрудничество.

Свое выступление хочу закончить словами надежды. В Страсбурге на ужине русский консул сказал депутатам Европарламента, что нужно набраться терпения, потому что Россия — страна инертная, и ей надо больше времени для демократических перемен. А я напомнил ему, что именно российская или советская тогда еще перестройка и гласность привели к тому, что я сижу в Европарламенте. И что мои коллеги из Польши и других стран провели у себя демократические реформы. Таким образом, корни нашей нынешней демократии лежат в СССР, а по активности соцсетей Россия ушла вперед даже в сравнении с европейскими странами. В целом я твердо верю, что в плане развития демократии Россия может пойти значительно быстрее вперед.

РОССИЯ 2018 ГОДА.
ЧЕТВЕРТЬ ВЕКА ТРАНСФОРМАЦИИ:
УДАЧНЫЕ ЭКСПЕРИМЕНТЫ И УПУЩЕННЫЕ
ВОЗМОЖНОСТИ

Компьютерная верстка *В. Козак*

Подписано в печать 23.09.2019. Формат издания 60x84/16.
Печ. л. 9,75. Тираж 1000 экз. Заказ

Школа гражданского просвещения
107031 Москва, ул. Петровка, д. 17, стр. 1
<http://www.civiceducation.ru>